

к 83421

992
Г-58

А. И. Гоголев

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЯКУТИИ

Министерство образования и науки Российской Федерации
Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова
Исторический факультет

А.И. Гоголев

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЯКУТИИ
(до начала XX в.)

Якутск 2004

кр. 23421

1001112

УДК 39(4/9) (571.56)

ББК 63.5

Э11

Ответственный редактор
А.Н. Алексеев, д.и.н., профессор,
действительный член АН РС (Я)

Компьютерный набор
С.Д. Атласова, М.А. Егорова

Гоголев А.И.

Э11 Этническая история народов Якутии (до начала XX в.): Монография.

Якутск: Изд-во ЯГУ, 2004. 104 с.

ISBN 5-7513-0636-8

В работе освещаются вопросы, связанные с этногенезом и этнической историей народов Якутии до конца XIX в.

Книга рассчитана на этнологов, историков и всех, кто интересуется проблемами этнической истории народов Якутии и Сибири.

УДК 39(4/9) (571.56)

ББК 63.5

ISBN 5-7513-0636-8

© Якутский государственный университет, 2004

©А.И. Гоголев, 2004

На Земле сейчас насчитывается свыше пяти тысяч народов. Народы появлялись и исчезали в течение всей истории человечества.

Обозревая всемирный ход исторических процессов, исследователь поневоле обращает внимание на ряд закономерностей. В частности, рождение и гибель народов в древности представляли собой взаимосвязанный процесс. Так, например, было в странах Древнего Востока, где впервые сформировались народности. У истоков его истории этносы, как правило, были малочисленными, в пределах одного города-государства. Во время набега варварских племен или нападения более потенциальных соседних государств, они зачастую гибли, а оставшаяся часть превращалась в рабов.

В начале греческой цивилизации в архаических полисах численность свободных граждан не превышала, во многих случаях, и тысячи человек¹.

Рим возник как территориальная община – город. «Римский народ» в пору своего возникновения являлся родоплеменным объединением латинян, сабинян и этрусков. Согласно традиции в Риме было 300 родов, что составляло 3 трибы (племена). Каждый род состоял из 10-ти семей. Следовательно, было примерно около 15 тыс. свободных граждан.

В Северной Азии вплоть до начала второй половины II тыс. н.э. вместо народностей продолжали существовать родо-племенные структуры, как форма этнического образования. Только в XVI-XVII вв. среди населения Сибири появились фактически первые постплеменные малочисленные народности (исключение составляли раннесредневековые кыргызы). Палеоазиатское население Северо-Востока Северной Азии (эскимосы, чукчи, коряки и другие причисленные к палеоазиатам юкагирские племена) до XVII в. еще не сформировалось в отдельные народности.

В основе этногенеза лежит общая закономерность: народы возникают на основе слияния нескольких этногрупп, иногда принадлежавших отдельным языкам и даже к разным антропологическим типам. Но их дальнейшая этническая история зависела от многих субъективных и объективных обстоятельств и причин. К их числу относятся природно-климатические условия, ландшафт, формы хозяйства и, наконец, необходимая демографическая плотность населения, обеспечивающая процесс завершения народности и государства. В худших климатических условиях и при существовании присваивающей формы экономики (охоты, рыболовства и собирательства) темпы этногенеза замедляются, часто формирование народности так и не завершается (как это видно на примере некоторых народов Сибири).

В исторической науке проблема происхождения народов Якутии всегда занимала должное место. В этом плане из последних работ следует указать на монографию А.Н. Алексеева, где в совокупности изучены вопросы происхождения

¹ История Древнего мира. Расцвет древних обществ. Изд. 2-е. М., 1983. С. 74.

чукчей, эвенков, эвенов, юкагиров и якутов¹. Тем не менее данная тема требует дальнейшего изучения и уточнения ее некоторых вопросов. Этим продиктована необходимость подготовки данной работы, посвященной изучению происхождения и обзору ранней этнической истории народов Якутии.

И ещё на что следует обратить внимание. Это – вопрос о первичных этногенетических процессах, т.е. о процессах формирования древнейших этносов, по выражению С.А. Арутюнова, "эпохи до этнического состояния"². С этой точки зрения часть сибирских народов, особенно народы Севера, является результатом первичных этногенетических процессов. Этим они фактически не отличались от народов Древневосточного мира. Последние в силу более интенсивных культурно-этнических и политических процессов, связанных в основном с благоприятными природно-климатическими условиями, стали основой формирования многих раннесредневековых народов Евразии.

¹ Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. Новосибирск, 1996. С. 33-60.

² Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 8.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Этногенез и этническая история народов Севера Якутии

Происхождение чукчей, юкагиров, эвенов и эвенков, как отмечалось выше, изучено достаточно хорошо, но даже в таком состоянии данный вопрос требует много доработок, уточнений и, главное, освещения современного состояния его разработанности.

По этногенезу аборигенов Сибири и Севера имеются крупные обобщающие работы в историографии отечественной и зарубежной этнографии¹. Имеется также обширная научная литература, посвященная исторической этнографии народов Сибири, где одно из центральных мест занимает проблема происхождения её народов².

Обширные материалы, позволяющие судить об этногенетических процессах в Сибири, вызвали в XX столетии дебаты между археологами, этнологами, антропологами и лингвистами. В этом свете народы региона представляются многокомпонентными этноформированиями.

По общепринятым методологическим установкам под этногенезом понимается процесс формирования определенной этнической общности, её антропологических, лингвистических и культурных особенностей. Поэтому его изучение требует комплексного исследования.

С другой стороны, выделение отдельных историко-культурных областей в Северной Азии может дать возможность рассуждать об истоках формирования отдельных этнокультур. Кроме того изучение происхождения традиционной культуры народа даёт хороший материал по его этногенезу.

По русским документам в XVII в. у населения Сибири в целом сохранялась родоплеменная организация. Формировались межплеменные этнические образования, шел процесс становления этноса, т.е. стала выявляться близость к определенной группе родственных племен. Материалы XVII в., по мнению сибиреведов, частично подтверждают положение о первобытной языковой и этнической непрерывности, наблюдаемое особенно у народов Севера³. Местами среди них выявлялись даже черты аморфности. Но между тем XVII в. – это некая временная пограничная зона, за пределами которой для многих этносов Сибири началась эпоха "этнической истории", т.е. сложение народностей с общим языком и единой культурой, так как в основе этнических различий лежат такие чисто человеческие явления, как культура и язык.

Многие этносы Северной Азии и после включения их территорий обитания в состав Русского государства продолжали жить в условиях доклассового общества. Для них основные формы этнического состояния являлись более "подвижными",

¹ Народы Сибири // Очерки по этнографии народов мира. М.; Л., 1956; Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973; Этногенез народов Севера. М., 1980 и др.

² Библиографию по теме см.: Этногенез народов Севера. С. 249-274.

³ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.; Л., 1960. Гурвич И.С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966.

иными словами в определенных ситуациях они сравнительно легко могли ассимилироваться, дробиться.

§1. Этногенез чукчей и проблема формирования северо-восточных палеоазиатов

Среди современных палеоазиатов чукчи являются самым крупным народом. Они делятся на приморских "сидячих" (морских зверобоев) и на оленеводов-обитателей тундры, живущих в Нижнеколымском улусе РС (Я) (1,4 тыс. чел.).

Термин "палеоазиаты" был впервые введен в науку академиком Л.И. Шренком применительно к первоначальному населению Центральной Азии. В его понимании, это были "разноязычные осколки племен из далекого юга, гонимые более сильными народами". В дальнейшем часть этого населения попала на Енисей (кеты и др.), другая со временем заняла северо-восток Сибири (чукчи, юкагиры, коряки)².

Предложенная Л.И. Шренком терминология относительно малочисленных народов Северной и Северо-Восточной Сибири и Дальнего Востока сохранилась в этнографии до настоящего времени. Сами палеоазиатские языки генетически различаются и внутри них различаются 4 общности: чукотско-камчатская (чукотский, корякский, керекский, алюторский и ительменский языки), эскимосско-алеутская (эскимосский и алеутский языки), юкагирско-чуванская (юкагирский и утраченный чуванский язык); енисейская (кетский и утраченные котский, аринский, асанский и др. языки). Кроме того, выделяют изолированный нивхский язык.

Чукотский язык относится к типу инкорпорирующих, т.е. отдельные члены предложения как бы вставляются внутрь глагольной формы (или вообще внутрь формы управляющего слова), существуют слова-комплексы, состоящие из двух или трех основ. Еще одной особенностью чукотского языка является различие женского и мужского произношения³. Как было отмечено выше, с коряками и ительменами он составляет чукотско-камчатскую группу палеоазиатских языков.

Туораветланы (общее название чукчей) сформировались и продолжают жить в суровых климатических условиях арктической лесотундры и моря.

До первой четверти XX в. оленные чукчи подразделялись на несколько территориальных групп: 1) западотундровые чукчи (нижнеколымские); 2) малоаньинские (кочевали между Аньюем и Северным Ледовитым океаном); 3) оломонские (р. Омолон); 4) чаунские; 5) амгуэмские (по р. Амгуэме). Остальные группы оленных чукчей кочевали по внутренним районам Чукотского полуострова и на юге, рядом с коряками.

* * *

¹ Всего чукчей около 16 тыс. чел.

² Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1883. Т. 1.

³ Народы Сибири. С. 877.

На этногенез чукчей¹ одним из первых обратил внимание В.Г. Тан-Богораз. По его мнению, в древности существовала связь между палеоазиатскими племенами Северо-Восточной Азии и индейцами Северо-Западной Америки. Эскимосский клин разделил эти племена в области Берингова моря².

В. Иохельсон высказал предположение, по которому чукчи и коряки являются выходцами из Северной Америки³.

В конце 1950-х гг. М.Г. Левин на основе антропологических данных сформировал мнение о том, что северо-восточные палеоазиаты (в том числе чукчи) сформировались на основе местных неолитических племен на Камчатке и северной части Охотского побережья⁴.

А.П. Окладников считал, что неолитические племена к востоку от низовьев Колымы были предками чукчей, коряков и эскимосов⁵. По мнению Н.Н. Дикова, в IV-II тыс. до н.э. предки северо-восточных палеоазиатов жили на юго-западном побережье Охотского моря⁶.

Известные якутские археологи Ю.А. Мочанов и С.А. Федосеева предполагают участие поздненеолитического населения Якутии (конец III – первая половина II тыс. до н.э.) в этногенезе чукчей и коряков⁷.

Миграция на север предков чукчей, видимо, явление не столь отдаленного от нас времени. Об этом, в частности, говорят поздние контакты чукотской культуры с культурой азиатских эскимосов, датируемые началом II тыс. н.э. Косвенным подтверждением сравнительно недавнего проникновения чукчей в высокие широты служат и незначительные следы их контактов с юкагироязычным населением северо-востока Якутии⁸.

Еще на рубеже нашей эры на побережье Берингова пролива началось формирование культуры азиатских эскимосов. С точки зрения периодизации, фактически до середины I тыс. н.э. на Чукотке и Камчатке продолжала бытовать каменная и костяная индустрия, т.е. пережитки эпохи неолита.

Культура азиатских эскимосов развивалась в условиях изоляции и делилась по археологическим материалам на ряд хронологически последовательных этапов⁹. Так, самый ранний этап культуры азиатских эскимосов – древний берингоморской – относится к III в. н.э. Предки эскимосов на Аляске разработали гарпуны с поворотным наконечником для охоты на морского зверя, особые типы лодок,

¹ Историография вопроса освещена в работе М.Г. Левина « Древние переселения человека в Северной Азии по данным антропологии» // Труды Института этнографии. Нов. сер. Т. 16. С. 212-224.

² Богораз В.Г. Чукчи. Ч. 1. Л., 1934.

³ Iochelson W. The Koryak // Memoir of the American Museum of Natural History. N-Y., 1905-1908. V-VI.

⁴ Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958. С. 225.

⁵ Окладников А.П. История Якутской АССР. Т.1. М.; Л., 1955. С. 291-223.

⁶ Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии // Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1979. С. 280-287 и др.

⁷ Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Основные этапы археологического изучения Якутии // Новое в археологии Якутии. Якутск, 1980. С 11.

⁸ Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. М., 1978. С. 149.

⁹ Руденко С.И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. Л., 1948.

одежды и многие другие элементы культуры морских зверобоев океанийского побережья.

Особо важным событием в этнической истории северо-востока Сибири явилось появление в континентальной Чукотке предков современных чукчей, родственных корякам. При такой ситуации, как справедливо подметил Ю.Б. Симченко, принципиальное значение имело последующее развитие здесь крупного табунного оленеводства¹. Как было отмечено выше, лингвисты выявили родство между чукотским, корякским и ительменским языками. При этом чукотский и корякский языки оказались более близки, а ительменский довольно сильно от них отличается².

По археологическим данным, население Северо-Восточной Азии на протяжении всего плейстоцена (до 10 тыс. лет назад) развивалось в основном автохтонно³. Американский антрополог К. Тернер выводит индейцев и всех северных монголоидов из восточносибирской верхнепалеолитической культуры дюктайцев, открытой Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой⁴. Высказано мнение, отчасти подтверждающее гипотезу В. Богораза: с населением среднего неолита Якутии и Северо-Восточной Азии, жившим 5,2-4,1 тыс. лет назад, связывается происхождение индейцев языковой группы на-дене. А ымыяхтахцы (4,1-3,3 тыс. лет назад), племена позднего неолита Якутии, возможно, принимали участие в формировании предков чукчей и коряков⁵.

Имеется и другая версия, по которой континентальные предки чукчей стали осваивать внутренние районы полуострова со второй половины IV тыс. до н.э. Но более четко их культурные традиции стали проявляться во II – начале I тыс. до н.э. Эти родоплеменные группы продолжили культуру поздненеолитических охотников и рыболовов циркумполярной зоны Северной Азии. Иными словами этногенез чукчей отчасти связан с проблемой происхождения эскимосов. В свою очередь эскимосы являются близкими родственниками алеутов. А возникновение палеоалеутской культуры, по археологическим данным, датируется рубежом III-II тыс. до н.э.⁶ Первоначальную основу этой культуры Н.Н. Диков и Р.С. Василевский связывают с верхнепалеолитической культурой Камчатки, датируемой 8-9 тыс. до н.э.⁷ Существуют две точки зрения относительно района, где произошло оформление эскимосской культуры. По первой гипотезе это произошло в районе Берингова залива на востоке Чукотки (древняя беринговоморская культура) в последней четверти I тыс. до н.э.⁸

Согласно второму предположению формирование эскимосской культуры произошло на юго-западе Аляски во II тыс. до н.э., а потом продолжалось на востоке

¹ См.: Первобытная периферия классовых обществ. С. 155.

² Языки народов СССР. М., 1968. С. 294-297.

³ Федосеева С.А. Археология Якутии и ее место в мировой науке о происхождении и эволюции человечества. Якутск, 1999. С. 79.

⁴ Там же. С. 81.

⁵ Там же. С. 83.

⁶ Файнберг Л.А. Происхождение эскимосов и алеутов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 231.

⁷ Там же. С. 229-230.

⁸ Сергеев Д.А. Проблема этнической истории северо-восточного побережья Азии. М., 1974.

Чукотского полуострова¹. Кроме того, по Д. Дюмонду, разделение эскимосов и алеутов произошло где-то 4 тыс. лет назад.

Возвращаясь к древней берингоморской культуре, следует привести мнение Н.Н. Дикова о том, что эта культура является не чисто эскимосской, а продуктом синтеза собственно эскимосской культуры, проникшей на Чукотку с Аляски в I тыс. до н.э. (в каменном инвентаре древней берингоморской культуры преобладают усть-бельские элементы)². Это говорит в пользу того, что древние эскимосы находились в контакте с континентальными охотниками на дикого оленя.

В культуре чукчей исследователи обнаруживают много элементов, характерных для эскимосов. Они зафиксированы и в их языке.

На рубеже двух эр в приморских районах Чукотки и по побережью до Сахалина поздненеолитические культуры трансформировались в специализированные культуры морских зверобоев. Они характеризовались наличием поворотных гарпунов, каркасных лодок, обтянутых шкурами морских зверей. В то же время, например, древнекорякская культура, исследованная Р.С. Василевским, находит аналогии с континентальными культурами неолита Якутии и Прибайкалья³. Изучая происхождение чукчей, поневоле приходится констатировать единство этногенетических процессов у северо-восточных палеоазиатов (чукчей, эскимосов, коряков и ительменов). При этом на материалах чукотско-эскимосских и коряко-эскимосских связей видно, какой огромный след оставило эскимосское влияние на физический облик, материальную культуру, идеологию и язык чукчей и коряков⁴. И.С. Гурвич был прав, отмечая, что эти племена, палеоазиаты и население южной части Охотского моря, Курильских островов, о. Сахалин, о. Хоккайдо, северо-западного побережья Тихого океана, имели в неолите единую языковую и культурно-хозяйственную основу⁵. В дальнейшем переход к морскому зверобойному промыслу и оседлости способствовали расхождению языков. К периоду расцвета этого вида хозяйства языковеды и этнографы относят дробление на диалекты эскимосского, алеутского, корякского языков и выделение ительменского языка⁶.

В северном секторе Тихого океана, судя по археологическим материалам, в конце неолита существовала почти единая конструкция жилищ: этнографические данные показывают сходность летних жилищ на сваях. Едиными были, кроме того, глухой покрой меховой одежды и меховой обуви, способы рыболовства, ступенчатые лыжи-ракетки, сложный орнамент в виде полос на одежде, орудия охоты. Эти элементы были распространены среди алеутов, эскимосов, а также у атапасков, алгонкинов и тлинкитов Северной Америки⁷.

¹ Файнберг Л.А. Указ. соч. С. 228-231.

² См.: Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974. С. 56-57; Файнберг Л.А. Указ. соч. С. 235.

³ Василевский Р.С. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971. С. 174-175.

⁴ Вдовин С.И. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков // Сибирский этнографический сборник. III. М.; Л., 1961.

⁵ Гурвич И.С. Проблемы происхождения чукчей, коряков и ительменов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 217.

⁶ Меновщиков Г.А. Эскимосско-алеутская языковая общность и ее отношение к другим языкам // Происхождение народов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 11-13; Гурвич И.С. Указ. соч. С. 217; Вдовин С.И. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков // Сибирский сборник. М.; Л., 1961. Вып. III.

⁷ См.: Гурвич И.С. Указ. соч. С. 218-220.

Среди всех указанных народов имелись колдовские промысловые праздники и использовались в обрядовых церемониях деревянные и кожаные маски.

В.И. Иохельсон, изучая мотивы распространения мифов о вороне-мироустроителе у палеоазиатского населения Азии и американских индейцев (например, тлинкитов), пришел к выводу о том, что вторгшиеся в Берингово море эскимосы отделили индейцев от родственных им палеоазиатов¹.

Основываясь на этнографические материалы, И.С. Гурвич считал, что в древности существовала особая северо-тихоокеанская культурная область, включавшая Приморье, Приамурье, побережье Охотского моря, Камчатку, Чукотку, Аляску и Алеутские острова².

В ритуальной и обычной одежде эскимосов, чукчей и коряков имелся сзади "хвост" – удлинение. Его затягивали между ног, закрепляли впереди у пояса. Эта деталь предохраняла охотника во время долгого сидения на льду в ожидании тюленя³. В связи с этим интересно отметить наличие такого же, но более укороченного "фрака" в материальной культуре ираноязычного скотоводческого населения Горного Алтая в V-III вв. до н.э. (пазырыкская культура)⁴.

Как было принято считать в науке, палеоазиаты Северо-Восточной Азии и эскимосы относятся к арктическому или эскимосскому антропологическому типу монголоидов. Данный тип обнаруживает американоидные черты и в классическом варианте отличается слабым развитием эпикантуса, резко очерченным носом со сравнительно высокой переносицей и прямой спинкой носа, усиленным ростом бороды. У представителей этого типа смуглая кожа, темные глаза и жесткие волосы иссиня-черного цвета. Лицо длинное и широкое, губы сравнительно толстые. Рост ниже среднего (162-163 см в среднем у мужчин).

У оленных чукчей и коряков, по сравнению с береговыми чукчами, эпикантус более развит, борода растёт слабее, пигментация кожи более светлая, волосы менее жесткие. По этим признакам они приближаются к байкальскому монголоидному типу (тунгусскому). Но в то же время для оленных чукчей и коряков характерно сочетание широкого носа с небольшим лицом. Эти признаки сближают их с южными монголоидами. Г.Ф. Дебец предложил назвать этот тип камчатским⁵. Тем не менее, в целом формирование эскимосов, чукчей и коряков протекало на единой антропологической основе, хотя монголоиды Сибири по строению тела делятся на две группы. Первая включает в себя чукчей, эскимосов и ительменов. Кроме того, к этой группе близки алеуты. Во вторую группу входят буряты, якуты, эвены, коряки⁶.

Характерные черты арктической группы антропологических типов оформились на рубеже новой эры. Притом арктические монголоиды, вместе с восточными

¹ Иохельсон В.И. Этнологические проблемы на северных берегах Тихого океана // Известие ИРГО. Т. XIII.

² Гурвич И.С. Указ. соч. С. 221.

³ Богораз В.Г. Древнейшие элементы в языке азиатских эскимосов // Сборник МАЭ. М.; Л., 1935. Вып. XVI. С. 356-357; Гурвич И.С. Указ. соч. С. 222.

⁴ Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.

⁵ См.: Народы Сибири. С.113.

⁶ Алексеева Т.И., Коваленко В.Ю. Морфофункциональная характеристика посткраниального скелета азиатских эскимосов // Палеонтология Сибири. М., 1980. С. 151.

и южными, объединены в одну ветвь монголоидной расы. Следовательно, представители арктического типа своими истоками уходят на юг¹.

Д.М. Золотарев, М.Г. Левин и И.С. Гурвич относили формирование чукчей и коряков ко времени возникновения у них оленеводства². Л.И. Шренк, Г.М. Василевич и М.Г. Левин убедительно доказали тунгусское происхождение чукотско-корякского оленеводства³. В результате продвижения на север вглубь Чукотки отдельных групп оленеводов-охотников, как считал И.С. Гурвич, "... сложились чукчи как особая народность"⁴.

Оленеводы, предки современных чукчей, по предположению Б.О. Долгих, просачивались сквозь редкие юкагирские кочевья по Анадырю на север Чукотки. На побережье они сталкивались и смешивались с эскимосами. Эти события могли произойти в XII-XIII вв. В это время обособилась северная группа чукчей, перенявшая у эскимосов морское звероводство и образовавшая основную часть чукчей, т. н. "сидячих".

Для конкретизации данного вопроса обратимся к археологическим материалам.

Культура азиатских эскимосов датируемая, как отмечалась выше, рубежом двух эр, определилась, как это бывает в археологических культурах, как бы внезапно. Для нее было характерно развитое самобытное искусство. Это – древняя Берингоморская культура (могильники Уэленский, Эквенский, Чинийский), в которой зафиксированы влияния культур континентальной Чукотки. По мнению исследователей, могильники, характерные для этой культуры, представляли собой памятники одного из локальных вариантов древней общеэскимосской культуры⁵.

В I тыс. н.э. в Берингоморской культуре наблюдается сильное влияние внутриконтинентальных палеоазиатских этнокультур, а ранние южно-тихоокеанские связи становятся менее заметными. Действительно черты сходства древней континентальной культуры Чукотки с культурой эпохи позднего неолита, бронзы арктической части Якутии, надо полагать, являются важным доводом в пользу этнического единства населения обеих этих областей. У них были однотипные хозяйственные занятия и в целом одинаковые условия жизни.

Во второй половине I тыс. – начале II тыс. н.э. (т.н. "пункская стадия") в хозяйстве эскимосов восточного побережья Чукотки происходит переориентация морской охоты с добычи моржа на китобойный промысел. Она была связана с потеплением климата, изобилием китов в арктических водах. Одновременно, судя по фольклорным материалам, начались, видимо, частые военные столкновения чукчей с эскимосами, датированные В.Г. Тан-Богоразом XII-XIII вв.⁶

На северном побережье полуострова, со стороны Чукотского моря, во второй половине I тыс. н.э. оформилась культура Бирнирк, в хозяйстве которой преобладал тюлений промысел. В территориальном плане эта древнеэскимосская культура

¹ Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. М., 1984. С. 169.

² См.: Гурвич И.С. Указ. соч. С. 222-223.

³ Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение // Советская этнография. 1951. № 1. С. 82-85.

⁴ Гурвич И.С. Указ. соч. С. 224.

⁵ См.: Михайлова Е.А. К вопросу об этно-культурогенезе коренного населения Крайнего Северо-Востока Азии // Сибирь: древние этносы и их культуры. СПб., 1996. С. 169.

⁶ Богораз В.Г. Чукчи. Социальная организация. Л., 1934. С. XXIII.

доходила до Восточно-Сибирского моря и низовьев Колымы¹. В первой половине II тыс. н.э. на Чукотке происходит очередное похолодание климата. Оно привело к падению морского зверобойного хозяйства. Но в целом из двух археологических культур постепенно складываются современные азиатские эскимосы.

Как уже было отмечено выше, на рубеже I-II тыс. н.э. начинается оседание предков современных чукчей на побережье Берингова моря. Ко времени установления эскимосско-чукотских контактов, чукчи уже были знакомы с домашним оленеводством. По мнению И.И. Крупника, более широкое распространение оленеводства в чукотских тундрах определяется началом XVI в. Эта благоприятная природная фаза на Чукотке продолжалась до середины XIX в.²

* * *

По подсчетам Б.О. Долгих, в XVII в. количество кочевого чукотского населения составляло около 2 тыс. человек, а береговых – 4 тыс.³

За пределами "Чукотской земли" в междуречье Колымы и Алазеи кочевали "чукчи Алазеи", с которыми в 1647 г. впервые столкнулись русские казаки. В дальнейшем чукотское население стали делить на три этнокультурные группы – "оленных", "сидячих" и "пеших". Первые из них имели небольшие стада оленей, хотя хозяйство в целом оставалось комплексным. "Сидячими" назывались полуоседлые охотничьи группы, державшие небольшое количество оленей для транспортных целей. "Пешие чукчи" – это оседлое население морского побережья, куда входили и эскимосы, морские зверобои. Во внутренних районах полуострова чукчи жили вперемешку с эскимосами. При этом, судя по топонимическим данным, чукчи осваивали места, ранее занятые эскимосскими поселениями.

В целом, в XVII-XVIII вв. чукчи фактически не были включены в состав Русского государства. Во второй половине XVII в. они многократно осаждали Нижнеколымское зимовье. В 1680-х гг. русские походы против анадырских чукчей закончились неудачей. В течение 1747-1752 гг. посылались отряды Павлуцкого, Кекерева и Шатилова, чтобы искоренить "немирных" чукчей, но успеха не имели и к покорению чукчей эти походы не привели.

Во второй половине XVIII в. русское правительство отказалось от насильственного обложения чукчей ясаком. В 1770 г. была ликвидирована Анадырская крепость. Последние десятилетия XVIII в. и начало XIX в. характеризуются установлением торговых отношений русских с чукчами.

После установления добрососедских отношений русские начали вести с чукчами торговлю. В начале XIX в. чукчи стали расселяться на запад и юго-запад, т.е. на территории, населенные прежде юкагирами. Это было вызвано сильным ростом чукотского оленеводства, требовавшего новых пастбищ. На юге в середине XIX в. чукотские стойбища находились около р. Омолон, на западе – до р. Большая

¹ Окладников А.П., Береговая Н.А. Древнее население Баранова мыса. Новосибирск, 1971.

² Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М., 1989. С. 151; Михайлова Е.А. Указ соч. С. 176.

³ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVIIв. / Труды Института этнографии. М., 1980. Т. 55. С. 554.

Бараниха и далее – до низовьев Индигирки¹. Среди колымских чукчей-оленеводов появились смешанные семьи.

Длительная упорная борьба с юкагирами и коряками, формирование крупных ополчений способствовали перемешиванию локальных групп чукчей, порождали сознание общности интересов. Кроме того, в XVIII в. в состав чукчей влилось немало пленных коряков, оказавших известное влияние на чукотскую культуру.

В конце XIX в. чукчи, жившие в пределах Якутской области, распались на три группы: чукчи Восточной тундры, кочевавшие между Колымой на западе и Чауном на востоке; чукчи Западной или Большой тундры (между Алазеей и Колымой) и так называемые Тойоновские чукчи, кочевавшие по правым притокам Омолона. В целом, в конце XIX в. на территории Якутии проживали до 2,5 тыс. чукчей². Они кочевали небольшими группами. В стойбище было две-три семьи, реже четыре-шесть. Родовой организации фактически не было.

В XIX в. восточные оленные чукчи проникли далеко на юг вплоть до бассейна р. Пенжины, а часть переселилась на Камчатку. Одновременно усилилась ассимиляция ими береговых эскимосов³. По оценкам специалистов, в середине XIX в. чукчи превратились в значительную в масштабах Севера народность, с общей численностью примерно в 15 тыс. человек.

Итак, в XVII в. на азиатском побережье Берингова моря от залива Креста до мыса Дежнева, на примыкающем к Берингову проливу побережье Чукотского моря, на островах Ратманова, в проливе Синявина жили отдельные эскимосские племена. По соседству с ними и на побережье Ледовитого океана вплоть до устья р. Колымы, на островах Медвежьих, Шелаурова, Колючине находились поселения оседлых чукчей. Внутриконтинентальные пространства от верховий левых притоков р. Анадырь до берегов Ледовитого океана и Берингова моря были населены чукчами-оленеводами и охотниками на диких оленей⁴.

Включение Северо-Востока Азии в состав Русского государства привело к значительным изменениям в расселении ее коренных народов, оказало определенное влияние на их этническую историю.

В XVI-XVIII вв. эскимосы постепенно оставили обширные районы на побережье Чукотки и расселились преимущественно на двух гористых оконечностях территории полуострова. Между двумя народами происходили ассимилятивные процессы, но с преобладанием в них чукотского начала. Встречались и смешанные чукотско-эскимосские поселения.

В XVIII в. оленные чукчи резко увеличили свои стада за счет оленных стад коряков и отчасти юкагиров. Так, с 1725 по 1773 г. они совершили свыше 90 походов и отогнали у коряков до 230 тыс. оленей, что привело к росту пастушеских хозяйств на Чукотке. К 1780 г. набеги чукчей на коряков и юкагиров прекратились.

* * *

¹ История Якутской АССР. Т. II. М., 1957. С. 224.

² Там же. С. 333-334.

³ См.: Народы Дальнего Востока СССР в XVIII-XX вв. М., 1985. С. 57.

⁴ Там же. С. 51.

В свете вышеприведенного попытаемся воссоздать древние этноязыковые процессы, которые привели к формированию современного палеоазиатского населения северо-восточного побережья Тихого океана.

В географическое понятие "Северо-Восток Азии" входят территория от р. Колымы до азиатского побережья Берингова моря, Камчатка, а также побережье Охотского моря с примыкающими к нему пространствами до Станового хребта.

По версии В.П. Алексеева первичные протомонголоиды отличались от современных монголоидов рядом признаков. К их числу относятся более высокая переносица, более выступающий нос, менее плоский лицевой скелет. Классическая комбинация признаков, отличающая сибирских монголоидов, начала складываться на более нейтральной базе в верхнем палеолите и начале мезолита¹.

Как отмечалось выше, американский антрополог К. Тернер пытался вывести североамериканских индейцев, эскимосов, алеутов и североазиатских палеоазиатов из верхнепалеолитической дюктайской культуры (35-10,5 тыс. лет назад)². Этногенетический старт он начинает 20 тыс. лет назад. Вообще, верхнепалеолитическим временем следует, видимо, определить начало этничности в целом. Но этнические процессы скорее следует начинать с мезолита (хотя основу палеокожарской культуры рубежа III-II тыс. до н.э. археологи связывают с верхнепалеолитической культурой Камчатки). В социальном плане в это время в обществе бродячих охотников, промысляющих голоценовую послеледниковую мелкую фауну, намечился переход от матрилинейности (т.е. отсчета рода по материнской линии) к патрилинейности (т.е. к отсчету рода по линии отца). Численность коллектива бродячих охотников не превышала 25-30 человек. Этнографические данные говорят, что племя бродячих охотников тяготело к средней численности примерно в 500 человек. Но такое племя, вероятно, представляло диалектно-культурное, но не социально-экономическое единство. Входящие в него локальные группы были слабо связаны между собой, но, по определению С.А. Арутюнова, они были открыты для внешних информационных связей. Одновременно, это время возникновения более крупных общностей – соплеменностей. В них реализовалась этническая специфика³.

Археологические культуры мезолитического времени, как и в предыдущее время, получали весьма широкое распространение и каждая из них вряд ли составляла единую этническую общность.

В эпоху мезолита в юго-западной части Евразии в зоне Передней Азии, возникла ностратическая языковая общность, и, видимо, ряд более мелких в Европе. С конца мезолита в результате распада ностратической общности вплоть до Южной и Центральной Азии распространились основы будущих шести языковых семей: индоевропейской, афроазиатской, кавказской, дравидийской, алтайской,

¹ Алексеев В.П. Сибирь как очаг расообразования // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968. С. 97.

² См.: Федосеева С.А. Археология Якутии. С. 81; Тернер К.Г. Синодонтия и сундадонтия: происхождение, микроэволюция и расселение монголоидов в бассейне Тихого океана, Сибири и Америки с точки зрения одонтологии // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые связи Азии и Америки. Новосибирск, 1983. С. 72-76.

³ Арутюнов С.А. Указ. соч. С. 61.

уральской. В восточной части Евразии древняя языковая общность, видимо, была представлена тихоокеанским языковым стволом, из которого в дальнейшем вышли языковые семьи, распространенные в Восточной и Юго-Восточной Азии: австронезийская, австроазиатская, тайская и т.д.

В мезолите в северном секторе Тихоокеанского побережья, вероятно, начинался процесс формирования культурной, хозяйственной и языковой основы северо-восточных палеоазиатов. В частности, с населением сумнагинской культуры Якутии С.А. Федосеева и Ю.А. Мочанов связывают древнейшие этапы формирования эскимосов и алеутов (10,5-6,5 тыс. лет назад)¹. Видимо, следует предположить участие в этом процессе не только населения континентальных районов Северной Азии, но и культур северо-восточного побережья Тихого океана и представителей более южных районов, т.к. арктический антропологический тип характеризуется наличием черт, присущих восточным и южным монголоидам.

В неолите происходит интеграция мелких соседских коллективов, слияние их в более крупные единства. Это сопровождалось уменьшением дробности диалектов. Тогда же появились и поселения охотников на морского зверя и специализированных рыболовов на северотихоокеанских побережьях Америки и Азии.

В неолите начала формироваться основная масса ныне известных языковых семей. В это время северо-восточное побережье Тихого океана представляло единую хозяйственную область. Видимо, существовал общий языковой коридор с диалектными различиями. На рубеже III-II тыс. до н.э. на Алеутских островах возникает палеоалеутская культура. Перед этим, по всей видимости, в IV тыс. до н.э. произошло разделение протоэскимосского и протоалеутского языков. Примерно во II тыс. до н.э. в юго-западной части Аляски формируется культура эскимосов, а в I тыс. до н.э. она распространяется в восточной части Чукотки. А во внутренних районах полуострова во II - начале I тыс. до н.э. начинает складываться проточукотский этнокультурный комплекс.

Таким образом, в этногенезе чукчей основополагающее значение сыграло автохтонное население континентальных районов Чукотского полуострова. Начало его формирования, видимо, связывается с рубежом IV-III вв. до н.э., с эпохой раннего безкерамического неолита, сохранившего пережитки мезолитической традиции микролитических культур сумнагинского облика². Во II – начале I тыс. до н.э. здесь развиваются поздненеолитические культуры охотников и рыболовов (северчукотская и усть-бельская) с каменным, костяным инвентарем и тонкостенной вафельной (ымыйахтахой) керамикой. Эти проточукотские племена имели устойчивые связи с приморскими районами полуострова и поздненеолитическим населением таежной зоны Восточной Сибири. На рубеже двух эр усть-бельская культура постепенно распространяется по северному и восточному побережью Чукотки, занятыми эскимосами, постепенно положив начало береговым чукчам – зверобоям моря.

То, что усть-бельцы находились в контакте с предками юкагиров говорит и антропологический материал из Усть-Бельского могильника, в котором проявилось

¹ Федосеева С.А. Указ. соч. С. 83.

² Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Востока Азии. М., 1979. С. 129-132.

сочетание арктической расы с байкальской. При этом Н.Н. Диков в сложении Усть-Бельской культуры обнаруживает влияние неолитических культур Приморья, Приамурья и Охотского побережья. Так постепенно происходило формирование проточукотской культуры. Она со второй половины I тыс. н.э., в связи с переходом части населения на морской охотничий промысел и занятием оленеводством в XIII-XIV вв., завершается этногенез чукотского двухчастого этноса, как результат экономических трансформаций периода пережиточного неолита Чукотки¹.

На рубеже двух эр хозяйство морских зверобоев широко распространяется по северо-восточному побережью Тихого океана. Оно привело к разделению коряков и чукчей. До этого, в течение I тыс. до н.э., т.е. во время расцвета этого хозяйства, ительмены отделились от коряко-чукчей. Неолитические и особенно поздне-неолитические культуры Восточной Сибири, видимо, продолжали оказывать влияние на население северо-восточного побережья Тихого океана.

Арктический антропологический тип окончательно сформировался в начале нашей эры, хотя его основа определилась где-то со II тыс. до н.э. В нем проявляются наряду с американоидными чертами признаки, характерные для восточных и южных монголоидов, что говорит о древних связях. По мнению антропологов, все они составляли как бы одну ветвь монголоидов. Следовательно, этнические истоки арктических монголоидов связаны с Восточным и Юго-Восточным регионами Азии.

Первоначальный облик чукчей, по всей вероятности, представлен в оленных чукчах, всегда проживавших в западных внутренних районах полуострова и с древности испытывавших влияние континентальных монголоидов. Внутри чукотского этноса они представляют так называемый "камчатский тип".

Возможно, где-то в мезолите, небольшая часть тихоокеанских (восточных) монголоидов, в силу определенного исторического обстоятельства, смешалась с континентальными. Результатом этого смешения стали, например, нивхи. В целом их формирование происходило в расово неоднородной среде.

Палеоазиатские народы – это, прежде всего, осколки древнейшего населения Сибири и Дальнего Востока. Их предки принимали участие в этногенезе древних китайцев, корейцев и японцев. Так, в частности, среди первых переселенцев японских островов Рюкю и Хоккайдо в эпоху Дзёмон (XI тыс. до н.э. - 300 г. до н.э.) были племена из Сибири. Они проникали через Сахалин и относились к прото-айнским² и другим палеоазиатским популяциям. Кроме того, палеоазиатское население, видимо, продолжало составлять часть автохтонного населения Горного Алтая в I тыс. до н.э. Об этом можно судить на примере существования у пазырыкцев второй половины I тыс. до н.э. капоровидных головных уборов, "смокин-гообразного" кафтана, обычая скальпирования черепов³ и монголоидной примеси у части европеоидного населения Алтая.

¹ Алексеев А.Н., Гоголев А.И., Зыков И.Е. Археология Якутии. (Эпоха палеометаллов и средневековья): Уч. пособие. Якутск, 1991. С. 57.

² Делз Нелли. Япония вечная. М., 2002. С. 16.

³ Руденко С.И. Второй пазырыкский курган. Л., 1948. С. 55 и др.

Древнюю форму монголоидной расы, как отмечалось выше, составлял относительно нейтральный тип, сходный с типом современных американских индейцев. В пережиточном виде она сохранилась в Северной Америке и частично – в некоторых районах Восточной Азии (например, тибетцы кама) и приполярных районах Якутии до I тыс. до н.э. (погребение из Бугачана).

В древности, особенно в условиях верхнего палеолита, на берегах Тихого океана происходили очень сложные расогенетические процессы, явившиеся в дальнейшем этногенетическим импульсом для формирования ряда этносов. Радиусы его распространения достигали не только юго-восточных регионов Азии, но и районов Берингии, Аляски и северо-западных районов Северной Америки.

Палеоантропологический материал из Чукотки и Аляски свидетельствует о чрезвычайной специализированности антропологического типа их древнего населения. "Весьма вероятно, – писал по этому поводу академик В.П. Алексеев, – что какие-то пережиточно сохранившиеся антропологические элементы древнего "американоидного" облика, проникнув на север вдоль тихоокеанского побережья, приняли участие в формировании арктического антропологического типа"¹.

Термин "палеоазиатские народы" касается не только современных палеоазиатов, но также используется для обозначения вообще "первичного" населения Северной Азии. Так, например, еще раз напомним о том, что в формировании древнекитайского этноса принимали участие палеоазиатские племена: создатели земледельческой культуры Яншао (V-IV тыс. до н.э.) были протосинотибетцами, вытеснившие и частично ассимилировавшие более древнее палеоазиатское население правобережья Хуанхэ.

В целом можно согласиться с мнением В.Г. Тан-Богораза о том, что палеоазиаты, по всей видимости, представляли какие-то более общие и более древние группы населения Азии² (например, кетский язык обнаруживает связь с иберийским и баскским языками). Время существования этой древней общности, видимо, следует связывать с эпохой верхнего палеолита и мезолита. Об этом также может говорить наличие сходства между кавказскими языками и языками индейцев Северной Америки, обнаруженное Н.Ф. Яковлевым. Притом эти параллели более значительны, чем между камчатскими (чукотским и корякским) и североамериканскими³ языками. Таким образом, эти лингвистические данные могут говорить о том, что формирование северо-восточных тихоокеанских палеоазиатов начиналось уже после периода первичной языковой "матрицы", т.е. после верхнего палеолита.

Таким образом, в становлении первоначальной этноязыковой основы Северо-Восточной Азии, видимо, принимала участие какая-то древняя языковая платформа, возникшая в юго-западных районах Евразии в верхнем палеолите. Для такого предположения косвенными доказательствами являются данные о наличии связей между языками народов Северного Кавказа с языками североамериканских индейцев и чукотско-камчатскими языками (эти данные приводит Н.Ф. Яковлев),

¹ Алексеев В.П. Сибирь как очаг расообразования. С. 104.

² См.: Окладникова Е.А. Модель Вселенной в системе образов наскального искусства Тихоокеанского побережья Северной Америки. СПб., 1995. С. 22.

³ Там же. С. 31.

отдаленное родство некоторых северокавказских языков с языками тибето-китайской и древней енисейской (предки современных кетов) языковых семей. С другой стороны, обнаруживается древнее родство тибето-китайской языковой семьи с языками американских индейцев на-дене, атапасков (по сведениям Г.А. Меновщикова). Здесь следует также вспомнить материалы Е.А. Крейновича, показавшие связи между эскимосским, ненецким, юкагирским языками. Кроме того, у предков большинства этих народов наблюдались связи с древней для Азии "американоидной" антропологической средой.

§2. Происхождение юкагиров и древнее население Якутии

Юкагиры являются самыми древними обитателями Якутии. Название "юкагиры" русские заимствовали у якутов (як. *дьүкээбил*), но по происхождению оно тунгусское. Самоназвания юкагиров – *одул* и *вадул* (в переводе "могучий", "сильный"). В настоящее время юкагиры проживают в Нижнеколымском (тундренные юкагиры, *вадулы*), Верхнеколымском (таежные, *одулы*), а также Аллаиховском улусах РС (Я) и Анадырском районе Магаданской области.

О юкагирах известно с 1640-х гг., но их научное изучение начинается с 1890 г., благодаря исследованиям В.И. Иохельсона¹.

В 1959 г. в местах компактного проживания юкагиров на территории ЯАССР работала специальная комплексная экспедиция ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. На основе собранного материала была выпущена коллективная монография о юкагирах². О них также писали в своих исследованиях, посвященных археологии и этнической истории народов Северо-Восточной Сибири, А.П. Окладников, Б.О. Долгих, И.С. Гурвич, И.С. Вдовин, И.Е. Зыков, А.Н. Алексеев³. Научно-популярную работу⁴ по юкагирам опубликовал В.А. Туголуков. Во II-м томе "Истории Якутской АССР", в известной монографии И.С. Гурвича на основе документальных источников рассматривается этническая история юкагиров с 1640-х гг. до начала XX в.⁵

* * *

Ученые, изучавшие этногенез юкагиров, подчеркивали сложность его разработки из-за бедности источниковой базы. Мало что дают и археологические исследования⁶.

¹ Иохельсон В.И. Предварительный отчет об исследованиях инородцев Колымского и Верхоянского округов // Известия ВСОРГО. 1898. Ч. 29 №1; Он же. По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письма // Известия РГО. 1898. Т. 34. Вып. 3; Он же. Образцы материалов по изучению юкагирского языка и фольклора // Известия АН. Сер. VI, IX. 1898. №2; Он же. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. 1. СПб., 1900 и др.

² Юкагиры. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975.

³ См.: Этногенез народов Севера. М., 1080. С. 141-151, 255-257; Археология Якутии: Уч. пособие. Якутск, 1991. С. 50-54 и др.

⁴ Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М., 1979.

⁵ История Якутской АССР. Т. 2. Гурвич И.С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966.

⁶ Гоголев З.В. Раскопки чандалов – жилищ юкагиров // Юкагиры. С. 84-96. С. 187; Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. С. 34-39.

Юкагиры считаются дотунгусским населением северо-востока Сибири. М.Г. Левин связывал происхождение юкагиров с эпохой неолита Восточной Сибири¹.

Археологические данные последних тридцати лет в Якутии показали, что она была заселена людьми еще в эпоху плейстоцена². Палеолитические памятники бассейна Средней Лены показывают, что обитавшие здесь люди ни в чем не отставали от популяций европейского палеолита. На протяжении всего плейстоцена население Якутии развивалось автохтонно. В позднем плейстоцене и голоцене оно становится более подвижным, особенно в северо-восточном направлении, вплоть до Америки. Ю.А. Мочанов и С.А. Федосеева связывают эти миграции с популяциями сумнагинской (эпоха мезолита), белькачинской (эпоха среднего неолита) и ымыяхтахской (эпоха позднего неолита) культур. Это древнее население Якутии имело мощный запас адаптивной прочности. "...Их биокультурная система жизнеобеспечения, – отметила С.А. Федосеева, – всегда потенциально сохраняла возможности развития новых адаптаций..."³.

На каких языках говорили эти племена, судить очень сложно. На одном археологическом материале установить это невозможно, а других данных о населении эпохи каменного века и даже периода палеометаллов в Якутии нет. Остаются одни догадки и более или менее приемлемые гипотезы.

С.А. Федосеева предполагает связь усть-мильцев (культура бронзового века в Якутии) с предками юкагиров⁴. Тем самым подтверждается более ранняя идея, высказанная А.П. Окладниковым в 1955 г. Ее в дальнейшем разрабатывали Л.П. Хлобыстин, Ю.Б. Симченко, И.С. Гурвич, М.А. Кирьяк.

Учитывая существование в ымыяхтахской культуре локальных вариантов, А.Н. Алексеев выдвинул гипотезу о полиэтничности этой культуры⁵.

Основы материальной культуры населения эпохи неолита в Якутии фактически были сформированы в голоценовом палеолите и мезолите. Составляли ее жилища типа чума, хозяйственный уклад, основанный на охоте и рыболовстве, глухой тип одежды и меховая обувь, продолжавшая существовать в традиционное время преимущественно у палеоазиатского населения Северо-Восточной Азии.

Некоторые изменения происходят в эпоху позднего неолита. Так, ымыяхтахцы вели полуоседлый образ жизни. На таежной полосе они преимущественно охотились на лосей, на севере – на оленя. Жили в круглых, обложенных по краям камнями, жилищах, отличавшихся меньшими размерами, чем в белькачинское средне-неолитическое время. Костяные орудия были представлены наконечниками

¹ Левин Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. С. 187.

² Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977; Он же. Древнейший палеолит Диринга и проблема внутрорипической прародины человечества. Новосибирск, 1992; Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Основные этапы древней истории Северо-Востока Азии // Берингия в кайнозоне. Владивосток, 1976. С. 515-539; Они же. Основные этапы заселения человеком Якутии // Геология кайнозоя Якутии. Якутск, 1982. С. 157-167; Они же. Археология, палеолит С-В Азии, внутрорипическая прародина человечества и древнейшие этапы заселения человеком Америки. (Труды Приленской археологической экспедиции). Якутск, 2002.

³ Федосеева С.А. Археология Якутии. С. 80.

⁴ Там же. С. 84.

⁵ См.: Алексеев А.Н. Локальные варианты и этническая идентификация ымыяхтахской археологической культуры // Ученые записки ЯГУ. Серия: Гуманитарные науки. Якутск, 1994. С. 29.

копий и ножей с каменными вкладышами, шильями, иглами¹. Многие типологически близкие каменные или костяные изделия встречались в материальной культуре юкагиров до XIX в.: метательные дротики, лук и стрелы. При этом костяной материал преобладал над каменным в старинных изделиях юкагиров. Копья и ножи изготавливались из ребер сохатого, скребки для обработки кожи (сохранялись и каменные скребки), наконечники стрел – из костей оленя. В юкагирских преданиях есть упоминания о гончарстве².

В начале XIX в. в низовьях Колымы Г.А. Сарычевым были раскопаны предполагаемые юкагирские (омокские) чандалы (жилища). В них были обнаружены многочисленные фрагменты керамических сосудов и каменные треугольные ножи³. Но, по всей видимости, это были скорее древнечукотские поселения⁴.

Имеются все основания предполагать, что примерно с рубежа III-II тыс. до н.э. на территории Якутии и сопредельных районов уже обитали предки современных юкагиров (Л. Хлобыстин, Ю. Симченко, И. Гурвич). Они жили разбросанными небольшими группами на большей части Восточной Сибири. В силу этого, в языковом и этническом отношении должны были существовать диалектно-племенные различия.

Каждый из трех этапов эпохи неолита в Якутии был связан с очередными передвижками населения, которые, как правило, провоцировались импульсами с юга и юго-востока, преимущественно с районов Байкала и Амура. В результате часть местного населения постепенно оттеснялась на северо-восточные и северо-западные районы. Поэтому, например, отдельные группы белькачинского (средне-неолитического) населения распространялись на севере от Хатанги до Анадыря. Ымыяхтахская культура, с которой связываются процессы этногенеза юкагиров, судя по керамике, встречается на той же территории⁵. Воздействие неолита Якутии на археологические комплексы Чукотки на протяжении неолита чувствовалось фактически постоянно⁶. Поэтому древнее население Якутии оказывало определенное влияние на общий ход этнической истории северо-восточной Сибири и континентальной части Чукотки. Так, носители усть-бельской культуры (I тыс. до н.э. - начало нашей эры), видимо, имели спорадические контакты с праюкагирами⁷. Это подтверждается, например, анализом черепа из Усть-Бельского могильника. В нем имеются признаки, характерные для арктического и байкальского типов, которые присущи юкагирам⁸.

¹ Мочанов Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М., 1969; Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Востока Азии. Новосибирск, 1980.

² Народы Сибири. С. 888, 891.

³ Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному Океану. М., 1952. С. 83.

⁴ Вдовин И.С. Юкагиры в этнической истории коряков и чукчей // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 103-109.

⁵ Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. С. 215-220.

⁶ Очерки истории Чукотки... С. 28-30

⁷ Диков Н.Н. О раскопках Усть-Бельского могильника // Записки чукот. краевед. музея. Вып. 32. Магадан, 1961; Гурвич И.С. Этногенез юкагиров. С. 146.

⁸ См.: Гурвич И.С. Этногенез юкагиров. С. 146.

И.С. Гурвич, специально занимавшийся проблемой этногенеза юкагигов, связывал формирование этнической основы народа с древним уральским, ещё недифференцированным субстратом Северо-западной Сибири в позднем неолите¹.

Присоединяясь к мнениям А.П. Окладникова и Ю.Б. Симченко, И.С. Гурвич считал, что "праюкагиры были самым ранним пластом уральцев, продвинувшихся на Север"². В дальнейшем более длительная изоляция определила большую степень языковых отличий между юкагирами и самодийцами.

Исследование родового состава нганасан и происхождения их отдельных родов выявляет существовавшие связи коренного уралоязычного населения с восточными юкагироязычными группами XVII в.³

Что по этому поводу говорят языковые материалы? Основоположник юкагироведения В.И. Иохельсон высказал предположение о родстве юкагирского языка с языками североамериканских индейцев. Эта версия в дальнейшем не получила подтверждения и в начале XX в. было предложено мнение о связи юкагирского языка с языками финно-угров. В 50-х гг. XX в. Б. Колминдер и И. Ангерс более обоснованно определили существование в древности единой языковой основы у языков уральской семьи с одной стороны и юкагирского языка⁴ с другой. С ними согласились Е.А. Крейнович, специально занимавшийся исследованием юкагирского языка, и О. Тайер⁵. В дальнейшем Б. Викман предложил ввести термин "урало-юкагирская семья языков"⁶.

Обособленное положение и отдаленность юкагирского языка от языков представителей уральской языковой семьи предполагает длительный период изолированности самих юкагигов. Поэтому, учитывая отсутствие в Восточной Сибири мощных ледниковых формообразований, которые имели место на западе от Таймырского полуострова, И.С. Гурвич вслед за Л.П. Хлобыстиным высказал предположение о раннем проникновении в северные районы Восточной Сибири древних уральцев, причем это произошло раньше расчленения их на отдельные языковые группы на территории Западной Сибири и за Уралом⁷.

Материалы стоянок охотников на северного оленя, раскопанных Л. Хлобыстиным на Таймыре, давшие безкерамический культурный комплекс сумнагинского облика, позволили датировать начало обособления древнеуральского пласта, возможно, связанного с этногенезом юкагигов, концом мезолита (V тыс. до н.э.)⁸. Сказанное находится в соответствии с предположениями о западном (приенисейском) происхождении сумнагинской культуры⁹, хотя Л.П. Хлобыстин связывал

¹ Там же. С. 146-147.

² Там же. С. 148.

³ Первобытная периферия классовых обществ... С. 148.

⁴ Крейнович Е.А. Юкагирский язык. М.; Л., 1958.

⁵ См.: Гурвич И.С. Этногенез юкагигов. С. 147.

⁶ Wikman B. Verwandtschaftsbeziehungen des Finnougrischen mit anderen Sprachen Ural – altaische Jahrbuchtr. 1969/ Dd 41. S. 312.

⁷ Гурвич И.С. Указ. соч. С. 148.

⁸ Хлобыстин Л.П. Древнейшие памятники Западного Таймыра // Краткие сообщения Института археологии. Вып. XXXIII. Л., 1973. С. 89-96.

⁹ Астахов С.Н. Палеолит Енисея и проблема происхождения т.н. эпиграфета Северной Америки // Берингийская суша и её значение для развития голарктических флор и фаун в кайназоне. Хабаровск, 1973; Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977; Алексеев А.Н., Гоголев А.И., Зыков И.Е. Археология Якутии. С. 51.

происхождение сумнагинцев с Забайкальем. В дальнейшем, осваивая Якутию, они достигли Северо-Сибирской низменности, а оттуда проникли на Таймыр. На рубеже III-II тыс. до н.э. в Заполярной части Восточной Сибири, как и по всей циркумполярной зоне Евразии, выработались те характерные черты культуры охотников на дикого оленя, определившие развитие хозяйства у населения тундры до появления у них оленеводства.

На севере Якутии в эпохе позднего неолита, по мнению И.Е. Зыкова, начался процесс оюкагирования древнего уралоязычного субстрата, ускоренного в I тыс. до н.э. притоком усть-мильских праюкагирских племен, взявшие вверх над аборигенным уралоязычным населением. Видимо, поэтому С.А. Федосеева предлагает связать носителей сумнагинской культуры (10,5-6,5 тыс. лет назад) с уральской языковой семьей¹. Но при всем этом следует учесть еще одно обстоятельство: в современной лингвистике происхождение шести языковых семей, в том числе уральской, связывают с древнейшей макросистемой языков – ностратической, существовавшей в районах Западной Азии. Ее распад датируется второй половиной переднеазиатского мезолита².

Известный томский топонимист и филолог А.М. Малолетко считает включение юкагиров в уральскую языковую семью сомнительным. По его мнению, общие черты языка отражают очень давние контакты уральских с юкагирским языком. Поэтому А. М. Малолетко связывает этногенез юкагиров с древними монголоидами Центральной Азии³.

Антропологическую характеристику юкагиров впервые пытались определить В.И. Иохельсон и Д.Л. Иохельсон-Бродская в начале XX в.⁴ В 1951 г. опубликована статья Д. Дебеца по данному вопросу⁵. В 1959 г. антрополог И.М. Золотарева во время работы Юкагирской экспедиции собрала на местах проживания юкагиров самотологические и серологические материалы. Результаты ее исследования опубликованы в двух работах⁶. По этим данным оказалось, что таежные (верхнеколымские) и тундровые (нижнеколымские) находятся в непосредственной близости, но тем не менее, по сумме признаков типологически нижнеколымские юкагиры оказались близкими к чукчам, нганасанам, анюйским эвенкам, в основном, по нейтральностью самого типа. Но в целом данные показали тяготение юкагирских групп к эвено-эвенкийской общности при исключении из неё западных эвенков. При всем этом юкагиры заметно различаются как от центральноазиатского (например, якуты), так и от арктического типов монголоидов.

¹ Федосеева С.А. Археология Якутии... С. 83.

² Иллич-Свитич В. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь Ч.1. М., 1971; Ч. II. М., 1984.

³ См.: Малолетко А.М. Палеотопонимика. Томск, 1992 и др.

⁴ Иохельсон-Бродская Д.Л. К антропологии женщин крайнего с-в. Азии // Русский антропологический журнал. 1907. № 1.

⁵ Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // Труды Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. XVII. 1951.

⁶ Золотарева И.М. Юкагиры (антропологический очерк) // Проблемы антропологии и исторический этнографии Азии. М., 1968; Она же. Антропология некоторых народов Северной Сибири // Юкагиры (историко-этнографический очерк). Новосибирск, 1975.

По мнению И.М. Золотаревой, тип северных (тундровых) юкагиров является близким к исходному¹. Подтверждена точка зрения М.Г. Левина о решающей роли "палеоазиатского", предположительно юкагирского, антропологического пласта в расогенезе Восточной Сибири.

При сопоставлении антропологического комплекса признаков, выявленного у нганасан, с одной стороны, и юкагиров – с другой, отмечается их большая близость по ряду признаков, отнесенные И.М. Золотаревой к древнейшим расовым типам Сибири. В своем происхождении они восходят к единой исходной форме. Последняя, как считает исследователь, представляла достаточно однородную антропологическую общность, связанную с древнейшим населением Енисее – Ленского междуречья².

При этом, если исходить из тесного антропологического сходства юкагиров с тунгусоязычными, то можно предположить, что район формирования первых располагался поблизости от прародины тунгусо-маньчжурских народов. Но с другой стороны, неолитическое население Прибайкалья, по антропологическим данным, отличалось от белькачинцев и ымьяхтахцев Якутии. Его сближают с североамериканскими сериями из того же периода. Следовательно, эти данные, возможно, указывают на протомонголоидность и недифференцированность (американоидность) неолитического населения Прибайкалья. Во всяком случае, здесь речь идет о III тыс. до н.э.³

Неолитические погребения в Якутии представлены небольшой серией и они относятся к среднему, преимущественно позднему неолиту. Так, в Центральной Якутии они обнаружены в Кангаласском, Амгинском районах и в местности Чочур-Муран рядом с г. Якутском. По антропологической характеристике, чочурмуранские черепа принадлежали к монголоидам, и предположительно они относятся к байкальскому типу⁴. Оннеские погребения, раскопанные В.И. Козловым, по своим основным параметрам отнесены также к байкальскому типу⁵.

В 1980 г. в низовьях Колымы С.П. Кистеневым и В.М. Михалевым раскопано интересное неолитическое погребение. Оно было отнесено к позднему этапу белькачинской культуры. Метрическая характеристика, составленная Л.Ф. Томтосовой, говорит о преобладании признаков арктической расы в строении черепной коробки и о сочетании черт арктической и байкальской рас в морфологии лицевого скелета⁶. При этом сходство его с черепом из близлежащего Усть-Бельского могильника эпохи позднего неолита (на р. Анадырь), принадлежащего к арктическому типу, оказалось близким. Определено близкое сходство их с сериями черепов берингоморской культуры. Это положение подтверждается данным двух погребений из Помазкина (Нижняя Колыма) ымьяхтахского этапа и

¹ Золотарева И.М. Юкагиры. С. 169-170.

² Золотарева И.М. Антропология некоторых народов Северной Сибири. С. 110.

³ Трубникова О.Б. К классификации неолитических серий Северной и Восточной Азии по краниометрическим признакам // Палеоантропология Сибири. М., 1980. С. 104.

⁴ Устное сообщение С.А. Федосеевой.

⁵ Гохман И.И., Томтосова Л.Ф. Археологические исследования неолитических могильников Диринг-Юрях и Родинка // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск, 1992. С. 116.

⁶ Там же. С. 113.

трех детских погребений из средней Колымы (Каменька), в которых наблюдались признаки арктического и байкальского типов.

На этом фоне в обособленном плане стоит ымыяхтахский могильник из местности Диринг-Юрэх¹. По мнению антропологов, обнаруженный здесь комплекс признаков у древнего населения Восточной Сибири встречен впервые. Так, по низкому переносью и слабым выступлением носовых костей напоминают байкальскую расу, а по остальным признакам – брахикrania, плоское лицо – они близки с центральноазиатским типом². Сравнение средних размеров и указателей неолитических черепов из могильника Диринг-Юрэх и могильников Прибайкалья и Забайкалья показали резкое отличие диринг-юрехских черепов от остальных. На черепах из прибайкальских серий имеется сдвиг в сторону европеоидности. А древнее забайкальское население неолита также имело метисное происхождение. Оно, по предположению И.И. Гохман, сформировалось на основе двух компонентов – европеоидного и монголоидного (байкальского) типов³. В то же время диринг-юрехская краниологическая серия по высоте черепной коробки, носовому указателю обнаруживает сходство с черепами из областей распространения арктической расы⁴.

При сопоставлении погребального инвентаря Чочур-Муранского и Диринг-Юрехского могильников проявляются черты, как определенного сходства, так и отличий⁵. Сам могильник Диринг-Юрехского отнесен к позднему этапу ымыяхтахской культуры (примерно XVIII в. до н.э.). Имеются в этих материалах аналоги в глазковских погребениях Прибайкалья и Забайкалья. Контактная зона взаимодействия носителей этих культур на сегодняшний день ещё не выявлена.

Ещё одна деталь: в диринг-юрехских погребениях использованы каменные ящики. В некоторых синхронных культурах Европы, Южной Сибири, Забайкалья, Монголии зафиксирована типологически близкая погребальная обрядность. В Якутии захоронения в каменных ящиках пока обнаружены только на Диринг-Юрехе и в фрагментарном виде – в могильнике Помазкино в низовьях Колымы⁶. Поэтому данный могильник, по мнению С. Федосеевой, среди погребений ымыяхтахской культуры (Чочур-Муранский могильник, Куллатинское, Покровское, Бугачанское, Иччиляхское погребения) стоит обособленно, не обнаруживая полного совпадения ни в погребальном обряде, ни в инвентаре.

Одна интересная палеоантропологическая находка эпохи неолита происходит из верхнего Вилюя – Туой-хайинский памятник, датируемый эпохой белькачинской культуры. По определению Г.Ф. Дебеч, этот средненеолитический человек являлся представителем хатангского антропологического типа, близкого к байкальскому⁷.

¹ Федосеева С.А. Диринг-Юрехский могильник (типология каменного погребального инвентаря и место памятника в древней истории Северо-Востока Азии // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск, 1992. С. 84-105.

² Гохман И.И. Томтосова Л.Ф. Указ.соч. С. 112.

³ См.: Там же.

⁴ Там же. С. 116.

⁵ Федосеева С.А. Диринг-Юрехский могильник. С. 102.

⁶ Раскопки В.А. Кашина.

⁷ Дебеч Г.Ф. Древний череп из Якутии // Краткое сообщение Института этнографии. Вып. XXV. С. 60-63.

В 1999 г. исследовано неолитическое погребение, обнаруженное на 2 км Вилюйского тракта на окраине г. Якутска. Отличительной особенностью его является ярусное трупоположение с антитезной ориентировкой погребенных. В могиле были выявлены два костяка: взрослый (женский) и детский, захороненные в вытянутом положении на спине. Ближайшим аналогом захоронению, по мнению В. М. Дьяконова, могли служить китойские погребения (6550 лет назад) могильника "Локомотив" в Иркутске, на Верхней Лене – Никольский могильник (4940 лет назад)¹. Наиболее вероятной датой погребения исследователь считает возраст 5-6 тыс. лет, т.е. сыалахской культуры раннего неолита, хотя по радиоуглеродной датировке погребения является 3290 ± 60 лет (СО АН – 4247). Следовательно, последняя дата совпадает с эпохой поздненеолитической ымыяхтахской культуры.

Сравнение полученных измерений данных женского черепа с краниологическими особенностями некоторых древних и современных монголоидных женских групп из Восточной Сибири позволили антропологам отметить его максимальное сходство с неолитическим черепом со стоянки Родинка II в Нижней Колыме. Последний сочетал в себе черты арктической и байкальской рас. Но по ширине лба, уплощенности верхнего отдела лица прослежены аналогии исследуемого черепа с женскими неолитическими черепами из Забайкалья².

Одонтологические (зубные) материалы фиксируют почти полное отсутствие монголоидного комплекса признаков³.

По остеологическим данным (по длине тела, конечностей тазовых костей, лопатки, конечностей), женщина с Вилюйского тракта близка к европеоидам из Южной Сибири конца III-I тыс. до н.э. При сравнении костяка со средними остеологическими показателями в женских группах широкой временной принадлежности антропологи выявили преобладание морфологического сходства с наиболее ранними представителями европеоидного населения верхнепалеолитического времени и представителями неолитического населения Западной Сибири.

Таким образом, краниологические данные говорят о сочетании черт арктической и байкальской рас, одонтологические и остеологические особенности предполагают также участие европеоидного компонента. Но с другой стороны, как признаются сами антропологи, ... "возможно, крайне сильная выраженность некоторых морфологических особенностей может быть отнесена только к индивидуальным характеристикам субъекта"⁴.

Итак, какое население проживало в Якутии, в неолитическое время и каково участие его в формировании юкагиров?

Как было отмечено выше, с эпохи раннего неолита нет антропологического материала. Но, предполагается наличие в то время на территории Якутии населения байкальского антропологического типа. Могильник Туой-Хайа, Кангаласское, Уолбинское, Родинковское, одно из Куллатинских, Оннеское, Амгинское и

¹ Дьяконов В.М., Шпакова Е.Г., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Погребение вилюйское шоссе в Якутске: палеоантропологические характеристики и предварительная датировка // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология., палеоинформатика. Новосибирск, 2003. С. 64-69.

² Там же. С. 73.

³ Там же. С. 80-86.

⁴ Там же. С. 87.

Джикимдинское погребения относятся к белькачинской культуре среднего неолита. У них, за исключением Родинковского погребения, в основном, наблюдалось преобладание черт байкальской монголоидной расы при комбинации признаков.

В погребениях ымыйахтахской поздненеолитической культуры (Чочур-Муранский, Диринг-Юряхский могильники, Куллатинское, Покровское, Бугачанское, Иччиляхское погребения), за исключением Диринг-Юряхского могильника, Бугачанского погребения, наблюдается преобладание признаков байкальской расы. В диринг-юряхских погребениях по краниологическим признакам обнаруживаются сходства с черепами арктического и центральноазиатского антропологических типов. Получается, что в эпоху позднего неолита (до второй половины II тыс. до н.э.) на территории Центральной Якутии проживали представители нескольких разновидностей монголоидов Северной Азии – байкальского, смешанного с небольшой европеоидной примесью и преобладание центральноазиатского. Все эти группы имели примесь арктической расы, но при этом большей распространенностью байкальского антропологического типа. Выше приводилось мнение специалистов о том, что древнеюкагирское население относилось к байкальской расе.

Среди дорусского населения северной части Средней и Восточной Сибири распространен именно байкальский или палеосибирский тип. Для него характерны сильное развитие эпикантуса, исключительно слабый рост бороды, очень высокое, широкое и плоское лицо с сильно выступающими скулами, слабо выступающий нос с очень низким переносьем. У них сравнительно мягкие волосы, светлая кожа, довольно значительный процент смешанных оттенков глаз, тонкие губы и очень высокая, выступающая вперед верхняя губа. Рост у мужчин в среднем ниже 160 см. По мнению М.Л. Левина, байкальский тип, видимо, составил основу древних, палеоазиатских по языку, групп Восточной Сибири и областью его формирования были таёжные пространства к востоку от Енисея (как об этом говорят вышеприведенные материалы). В дальнейшем в эпоху палеометаллов, когда значительная часть палеоазиатского населения была ассимилирована тунгусоязычными группами из районов Байкала и верховьев Амура, байкальский тип стал преобладающим среди эвенков и особенно эвенов.

В древности, во всяком случае, с эпохи среднего неолита, байкальский тип был распространен за пределами современной Якутии до бассейна Амура. Об этом говорит неолитический череп из Шилкинской пещеры (верховье Амура), охарактеризованный как древний представитель байкальской расы¹.

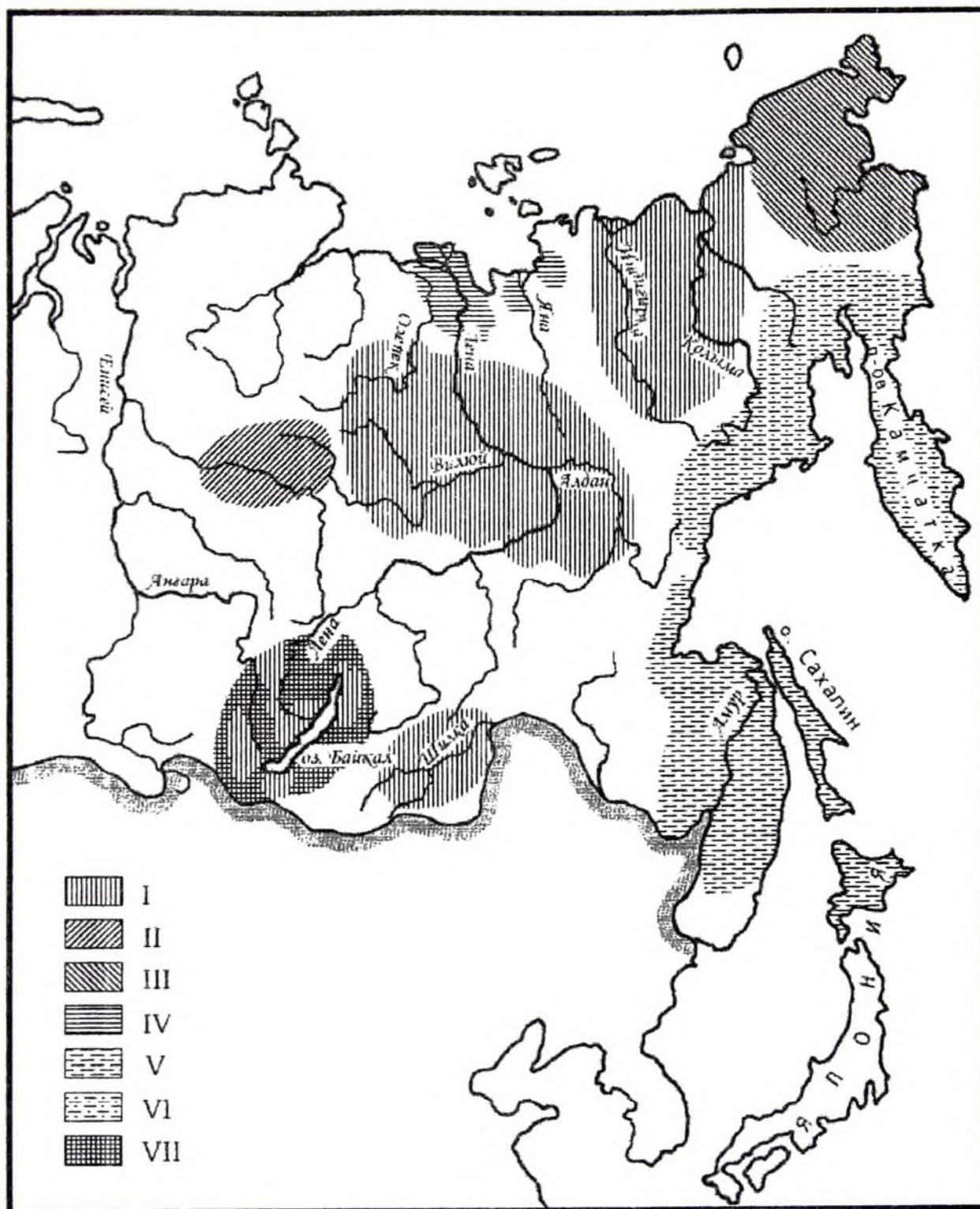
При рассмотрении краниологических материалов эпох неолита и бронзы из Забайкалья, по мнению И.И. Гохмана, оказалось затруднительным сделать выбор между байкальским и центральноазиатским расами, хотя черты байкальской расы у них преобладали². В Центральной Монголии в I тыс. до н.э. у хунну и кочевников Забайкалья IX-XIII вв. преобладали черты байкальской расы³.

¹ См.: Гохман И.И., Томтосова Л.Ф. Указ. соч. С. 113

² Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследование по палеоантропологии и краниологии СССР. Л., 1980. С. 11.

³ Там же. С. 12.

Распространение антропологических типов монголоидов Сибири
в эпоху развитого неолита и бронзы

I – байкальский тип; II – катангский тип палеосибирской расы; III – арктический тип с палеосибирскими чертами; IV – палеосибирский тип с американоидными чертами; V – амуро-сахалинский тип; VI – камчатский тип; VII – монголоиды с европеоидными чертами

В Прибайкалье в неолите и бронзовом веке наблюдалось наличие европеоидной примеси. Это были низколицые монголоиды, возможные предки современных представителей западного низколицего варианта байкальской расы – тувинцев-тоджинцев, тофаларов, западных эвенков¹. В целом наблюдается ослабление европеоидной примеси с запада на восток, а также на юг и на север от Прибайкалья.

Имеется предположение о том, что байкальский тип формировался в эпоху неолита к востоку от Байкала, может быть даже в Приамурье². С таким мнением согласились И. Гохман и Л. Томтосова: "Область формирования байкальской расы ...отодвигается в юго-восточные районы Сибири, а может быть, и за её пределы"³.

Приведенный выше палеоантропологический обзор показывает, что, начиная с III тыс. до н.э., в Центральной Якутии и до низовьев Лены наблюдалось преобладание монголоидов с чертами байкальской расы. Близкое к ним население проживало в Забайкалье, на Верхнем Амуре (Приамурье?). Место формирования байкальского расового типа – неизвестно. Предположительно, что это таёжные районы Восточной Сибири (возможно, юго-восточные районы Сибири). Исключение составляли Прибайкалье и Верхняя Лена, где в неолите и эпохе бронзы проживало метисное население.

В раннем неолите фактически отсутствует связь Якутии с Амуром, но судя по археологическим материалам, она имела связь с Прибайкальем. Примерно с III тыс. до н.э. прослеживаются культурные параллели с Приамурьем и Байкалом. Эта связь становится ещё яркой в ымыяхтахское поздненеолитическое время. А.П. Окладников местом возникновения "вафельной" ("шашечной") керамики считал бассейн Хуанхэ (с культурой Яншао)⁴. На Дальнем Востоке во II тыс. до н.э., видимо, формировались амуро-сахалинский и камчатский антропологические типы.

С ымыяхтахцами, как отмечено выше, связывается происхождение юкагиров. В порядке уточнения отметим также о возможной связи их именно с поздненеолитическим населением бассейна Лены, при этом допуская генетическую связь белькагинцев и ымыяхтахцев северо-восточных районов с формированием арктической расы.

Аналогичная картина распространения антропологических типов на территории Якутии, по всей видимости, продолжалась и в эпоху бронзы, во время существования усть-мильской археологической культуры. Интересно при этом отметить о том, что в Бугачанском погребении А.П. Окладников обнаружил перламутровые бусы прибайкальского типа.

Таким образом, основываясь на вышеприведенные данные, районами возможного истока предков юкагиров являются, или северо-западный регион Центральной Сибири, или верхнее Приамурье. Пришлые ассимилировали часть старого

¹ Левин М.Г. Антропологические типы Сибири и их генезис. М., 1956. С. 10; Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы. С. 13.

² Балуева Т.С. Краниологический материал неолитического слоя пещеры "Чертовы ворота" // Вопросы антропологии. 1978. Вып. 58.

³ См.: Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология Азиатской части СССР. М., 1985. С. 34.

⁴ Окладников А.П. История Якутской АССР. Т. 1. М.; Л., 1955. С. 126.

белькачинского населения. Возможно, правы С.А. Федосеева, Л.П. Хлобыстин и А.Н. Алексеев, предполагая разноэтническое происхождение ымьяхтахской культуры¹. Интересно в этой связи выделение А.Н. Алексеевым трёх локальных вариантов в культуре позднего неолита Якутии. При этом, варианты I и II примерно соответствовали ландшафтными зонам тайги и тундры (по А.П. Окладникову, Среднеленская и Нижнеленская культурно-исторические области неолита)². Население северных районов ымьяхтахской культуры, несомненно, участвовало в дальнейшем в формировании современных палеоазиатских племен. Но, тем не менее, можно быть уверенным в том, что основная масса ымьяхтахцев явилась основой в этногенезе юкагиров.

С другой стороны, значение ымьяхтахской культуры и её локальных вариантов (групп) заключается, по мнению А.Н. Алексеева в том, что они "явились последующим этническим компонентом, участвовавшим в генезисе нескольких современных народов Северо-Восточной Азии"³.

Следует в этой связи отметить о том, что древние тунгусские племена в период освоения территории Восточной Сибири, судя по фольклорным сведениям, в бассейнах Алдана и Вилюя столкнулись с местными племенами и частично ассимилировали их. За счёт влияния их языка тунгусские диалекты здесь стали, по выражению М.Г. Василевича, "хахающими". При этом она обратила внимание на следующий факт: отсутствие фонемы "х" в чукотском и наличие трёх фонем "х" в юкагирском⁴. Следовательно, эти местные, ассимилированные тунгусами, этногруппы были юкагирами или близким к ним населением. А нижнеленская группа до тунгусского заселения по языку несколько отличалась, но была близка к ней⁵. Следовательно, до середины I тыс. н.э. страна Юкагирия занимала, судя по всему, большую часть современной территории Якутии, исключая ее юго-западные территории и часть северо-восточных районов.

* * *

После включения Якутского края в состав Русского государства у юкагиров заканчивается эпоха пережиточного неолита. К ним в большом количестве стали проникать железные орудия.

Русские архивные материалы XVII в. показывают сложные отношения юкагиров с соседними племенами. Нередко враждовали между собой и отдельные юкагирские племена.

И.С. Вдовин, видимо, был частично прав, считая чукчей аборигенами континентальных районов Чукотки. Как отмечалось выше, усть-бельский череп, датируемый I тыс. до н.э., близок к черепам оленных чукчей и отличается от неолитических черепов Якутии, за исключением Родинковского погребения из Нижней

¹ Федосеева С.А. Ымьяхтахская культура Северо-Востока Азии; Хлобыстин Л.П. Бронзовый век Восточной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 344-345; Алексеев А.Н. Локальные варианты и этническая идентификация ымьяхтахской археологической культуры.

² Алексеев А.Н. Локальные варианты... С. 18-31.

³ Там же. С. 31.

⁴ См.: Гоголев А.И. Неистовая Глафира // Полярная Звезда. 1995. № 2. С. 106.

⁵ Василевич Г.М. К вопросу о палеоазиатах Сибири // Краткое сообщение Института этнографии АН СССР. 1949.

Колымы. С последним усть-бельский составлял фактически единый тип. Если бы юкагиры предшествовали предкам чукчей в континентальных областях полуострова, то в культуре, языке чукчей и коряков остались бы какие-то элементы языка и культуры юкагиров. Е.А. Крейнович в специальном разделе своей работы «Юкагиро-чукотско-корякские языковые связи» отмечает всего три слова, корни которых можно считать общими для этих языков. «Это обстоятельство, – писал автор, – также является одним из доказательств того, что юкагиры не являются аборигенами Северо-Востока Азии, что в эти районы они пришли из каких-то иных мест»¹.

По авторитетному заявлению В.Г. Богораза, в чукотском фольклоре нет упоминаний о юкагирах. А в устном творчестве самих юкагиров почти отсутствуют сведения о чукчах, но говорится в нем о коряках, с которыми у юкагиров бывали военные столкновения².

В исторических преданиях юкагиров имеются указания на то, что, когда они пришли на Колыму, её берега были заселены чукчами. Сюда юкагиров привел 33-й по счету старейшина. «Наши предки пришли на Колыму вторыми после чукчей». Только откуда они пришли в эти места, неясно. В преданиях якутов говорится следующее: «Наши старики рассказывали, что некогда полоса правого берега р. Лена от Жиганска до устья р. Май была занята кочующими юкагирами. Шли они куда-то на северо-восток. По пути у них были кровопролитные бои с тунгусами, которые догоняли юкагиров, кочуя за ними, их тоже влекло куда-то на северо-восток»³.

С другой стороны, топонимика континентальных районов полуострова, Прианадыря является чукотской. Юкагиры не оказали никакого влияния на изобразительное искусство чукчей и коряков. Художественное творчество юкагиров в отношении пиктографического письма стоит особняком. «...В остальных случаях, – пишет С.В. Иванов, – оно примыкает к эвенкийско-эвенскому»⁴. Это мнение в дальнейшем подтверждено исследованием В.М. Иванова. Изучая традиции и инновации в декоративно-прикладном искусстве юкагиров, он обнаружил наличие длительных контекстов их с коряками⁵.

Появление юкагиров на крайнем Северо-Востоке И.С. Вдовин связывает XIII-XVI вв., после того, как на Лено-Амгинском плоскогорье обосновались южные предки якутов. Это предположение подтвердилось археологическими открытиями в Центральной Якутии в 1970-1980 гг. Местное тунгусское население вынужденно отодвинулось частично на Северо-Восток. Под их нажимом могло произойти перемещение и юкагиров. Они начали процесс освоения бассейна р. Колымы и её притоков, далее – на восток бассейн р. Анадырь. Небольшая группа юкагиров по р. Омолон вышла к верховьям рек, впадающих в Охотское море. По долине

¹ Крейнович Е.А. Юкагирский язык. С. 245-246.

² Вдовин И.С. Юкагиры в этнической истории коряков и чукчей. С. 108.

³ Березкин Н.Н. Юкагиры // Архив ЛОИЭ (Кунсткамера). К-5, оп. 1. № 6. Л. 6, 8; Вдовин И.С. Указ. соч. С. 108.

⁴ Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX-начало XX в. М.; Л., 1954. С. 531.

⁵ Иванов В.Х. Этнокультурные взаимосвязи и взаимовлияния у народов северо-востока Сибири. Новосибирск, 2001. С. 119.

Анадыря они шли широкой полосой и отделили северную часть аборигенов от южной. «В результате этого, - писал И. С. Вдовин, - ранее локализовавшаяся северная (к северу от р. Анадыря) и южная группы предков чукчей и коряков лишились непосредственно связей между собой и из-за юкагирского клина обособились ещё больше»¹. В результате сложились коряки на юге и чукчи на севере. Видимо, тогда же юкагирская экспансия Колымы привела на её нижнем течении к разъединению чукчей. Западные колымские чукчи, изолированные от основной массы соплеменников, по мнению И.С. Вдовина, удерживали за собой междуречье Большая Чукочья – Алазея.

С другой стороны, на западе в раннем железном веке древние юкагиры имели продолжительные связи с предками нганасан, прерванные вклинившимися между ними, видимо, в первой половине I тыс. н.э. предками анабаро-оленекских тунгусов. Это привело в дальнейшем к постепенному оттоку юкагиров на восток под давлением тунгусоязычных племен. Поэтому к приходу русских юкагиры представляли собой народ, значительная часть которого была связана с тунгусами.

В источниках XVII в. "Юкагирская земля" на западе доходила до нижнего течения Лены, на востоке – до Анадыря, Гижиги и Пенжины. По Омоллону и Большому Анюю и по Анадырю и Чауну – чуванцы (от юкагир. "чавандзи", житель р. Чаун) или "шалаги". В области Среднего Анадыря жили анаулы, часть которых проживала и по нижнему Анадырю, соприкасаясь с коряками. Омоки кочевали по Нижней Колыме и ее правым притокам; по р. Алазее – алазеи; по р. Индигирке – широмбойцы, енгинцы и олюбенцы; по Яне – оноды, ендинцы. Все они делились на "пеших", "рыболовных", охотников и "оленных". Первые из них жили в бассейнах Яны, Индигирки, "оленные" кочевали в тундре между Индигиркой и Колымой, по Колыме, Анадырю и Пенжине².

С середины XVII в. численность юкагиров стала быстро сокращаться. Причинами этого процесса, по данным Б. Шишло, стали, во-первых, система заложников (аманатов), которые представляли "лучших людей" (одновременно находилось 6% взрослого мужского населения в русских зимовьях и острогах). Кроме того изъятие русскими юкагирских женщин, которые служили наложницами и являлись, как и дети, живым товаром. В 1650-1680 гг. у юкагиров было отнято около 10% лучших женщин. Во-вторых, страшные эпидемии оспы, кори, появившиеся с приходом русских. Уже к концу XVII в. от этих болезней умерло 50% юкагиров. В третьих, административный произвол и беззащитность юкагиров перед жестокостью казаков и промышленников. Из-за непомерных поборов в 1662-1663 гг. восстали янские юкагиры, в 1666-1667 гг. – индигирские, которые объединились с ламутами и трижды ходили на Зашиверский острог. Восстания происходили и в первой половине XVIII в. В четвертых, потеря юкагирами своих территорий в результате набегов чукчей и коряков³. Дальнейшее продвижение

¹ Туголуков В.А. Тунгусские элементы в составе юкагиров в XVII веке // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока (тезисы). Новосибирск, 1973. С. 114.

² История Якутской АССР. Т. 2. М.; Л., 1957. С. 103-104.

³ См.: Гоголев А.И. История Якутии (Обзор исторических событий до начала XX в.). Якутск, 2000. С. 41-42.

эвенов, эвенков и якутов, становившихся доминирующими этносами на юкагирской земле.

Одновременно эти события послужили причиной ряда перемещений юкагирских родов. Так, например, отдельные их группы перешли с р. Омолой на Яну.

В 1730-х гг. ни в одном из ясачных зимовий северо-востока Якутского воеводства юкагиры не составляли большинства населения, хотя первоначальные наименования юкагирских родов ещё продолжали упоминаться в официальных документах¹.

В 1769 г. Первая ясачная комиссия частично упразднила старые юкагирские роды, заменив их новыми административными родами. Так, в Усть – Янском зимовье был образован Омолойский, в Зашиверском – Каменный, в Верхнеколымском зимовье – Коркодонский, Рыбников и Ушканский, в Нижнеколымском – два Омолонских и три Юкагирских рода².

Чуванцы и ходынцы (анадырские юкагиры) в начале XVIII в. привлекались служилыми людьми к походам на Чукотку и Камчатку. Во второй половине этого же века часть ходынцев сблизилась с коряками, а чуванцы большей частью были разгромлены тогда чукчами. Большая часть северо-восточных юкагиров поселилась около русских зимовий. По мнению И.С. Гурвича, уже в первой половине XVIII в. значительная часть юкагиров была обращена в христианство. Начались браки с русскими.

К началу XIX в. территория, занимаемая юкагирами, резко сократилась. Так, на северо-востоке, в бассейне рек Анадыря и Чауны, в связи с ослаблением ходынцев и чуванцев, проникли оленные чукчи. На Колыме, Индигирке и Яне расширяются районы расселения якутов и эвенов. Резко сокращается количество колымских юкагиров из-за уменьшения поголовья лосей и диких оленей. В середине XIX в. голод вызвал значительные перемещения одулов и вадулов в пределах Колымы. Они стали селиться в русских поселках. Это привело часть юкагиров к принятию русского языка и культуры. В связи с этим в середине XIX в. чуванский диалект исчезает³. Потомки юкагиров между Леной и Индигиркой перешли на ламутский (эвенский) и якутский языки.

В течение 1880-х гг. эпидемии оспы дважды прошли среди алазейских и колымских юкагиров, сократив их количество. Перепись 1897 г. выявила 544 юкагира. Из них только две кочевые группы, верхне-и нижнеколымские, пользовались родным языком, остальные (78 чел.) говорили на русском и эвенском (ламутском) языках⁴.

В 1890-х гг. от эпидемии оспы и кори вымерли целые поселки. В.Г. Богораз писал: "Когда я спустился вниз по р. Омолону в 1897 г. ...мы прошли через целую цепь этих вымерших поселков. ...Мы сделали больше 1000 км и до самого устья Омолона...не нашли человеческого обитания, кроме этих разрушений селений,

¹ Юкагиры (историко-этнографический очерк). С. 16.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 18-19.

наполненных полуистлевшей утварью и старыми могилами и даже не погребенными скелетами"¹.

В уменьшении юкагирского населения в XVIII-XIX вв. следует также добавить причину, связанную с нарушением экологического равновесия. "Почему страшный призрак голода, - вопрошал по этому поводу замечательный этнограф В.А. Туголуков, - не встречается нам с такой навязчивостью в этнической истории тунгусов, вечных странников по захолустьям сибирской тайги?"

Одной из основных причин постоянного голода юкагиров в течение XIX в. и в начале XX в. он считает то, что они не сумели приспособиться к менявшимся условиям существования. Экологическая обстановка в Сибири с каждым столетием менялась не в лучшую сторону².

Дикий олень имел огромное значение для существования приполярного населения. Когда-то оленей было очень много на всех крупных реках Восточной Сибири. Малочисленные юкагиры и тунгусы не могли причинить им большого ущерба. Но в XVII-XVIII вв. положение на севере Якутии изменилось: появились якуты, ламуты, русские. Причем у последних было много ездовых собак, требующих колоссального количества рыб для прокорма. С другой стороны, чукчи размножили своих домашних оленей и начали продвигаться на запад. Дикие олени лишились значительной части тундровых пастбищ. Их поголовье стало резко сокращаться. Постепенно также сократился улов рыбы. "Рыбу на Колыме, - заметил В.А. Туголуков, - в полном смысле слова съели собаки..." Ф.П. Врангель в начале XIX в. писал, что, на годовое содержание 100 жителей, живущих в Нижнеколымске, нужно не менее 3 миллионов сельдей, большую часть которых съедали ездовые собаки³.

Одновременно оскудел промысел линных гусей, уток и лебедей от их чрезмерного промысла. В результате всего этого процесса во второй половине XIX в. в бассейне Колымы и в ряде других юкагирских районов экологическое равновесие оказалось нарушенным.

По характеристике того же В.А. Туголукова, юкагиры являются живым примером незавершенного процесса взаимодействия различных по уровню и характеру культур. В них переплелись как черты, свойственные их предкам – древним аборигенам Северной, Центральной Якутии, так и черты, перенятые ими от тунгусов, ламутов, якутов и русских⁴.

На примере этнической истории юкагиров XVII-XIX вв. можно проследить определенные закономерности в возникновении, развитии и гибели народов в мировом историческом процессе. А на примере чукчей выявляются типологические явления возмужания, усиления и демографического роста этноса со всеми присутствующими для такой эволюции объективными и субъективными факторами развития.

¹ Там же. С. 18-19.

² Богораз-Тан В.Г. Классовое расслоение у чукчей-оленьеводов // Советская этнография. 1931. №1-2. С. 115.

³ Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? С. 46-47.

⁴ Там же. С. 131.

Резюмируя вышеприведенное, можно сделать следующее заключение. Начало юкагирского этногенеза, видимо, связано со временем становления циркумполярной культуры неолитических охотников на дикого оленя, берущего начало в позднемезолитическое время на Таймырском полуострове и сопредельных районах, связанных с сложением древнеуральской основы юкагиров. Предположительно, население в мезолите и в раннем неолите в центральных и северных районах Якутии, принимавшее участие в формировании северо-восточных палеоазиатов, прежде всего, предков чукчей и коряков, проживало разбросанно. Это отчасти можно проследить на основе близости чукотско-камчатских языков с енисейскими (с кетским), выявленной А.П. Дульзоном, что свидетельствует о наличии длительного контакта носителей этих языков в древности. Следовательно, можем предположить, что до урало-алтайцев Восточную Сибирь населяли отдаленные предки современных палеоазиатов, прежде всего, чукчей и коряков.

В развитом неолите Енисейско-Ленское междуречье было населено монголоидами древнесибирской (байкальской) расы катангского типа (антропологические данные могильника Туой-Хайа в верховьях Вилюя). Хангаласское, одно из Куллатинских, Оннеское и Джикимдинское погребения по антропологической характеристике отнесены к байкальской малой групповой расе. В остальных предполагается преобладание комплекса байкальской. Верховье Приамурья в неолите характеризуется наличием той же байкальской расы.

В позднем неолите, судя по могильникам, обнаруженным в Центральной Якутии, продолжало жить монголоидное население. При этом чочур-муранские погребения, вероятно, принадлежали к байкальской расе (антропологической характеристики нет), а в Диринг-Юрэхском могильнике были погребены люди смешанного физического типа (арктического и центральноазиатского). Бугачанский человек из Нижней Лены эпохи позднего неолита или ранней бронзы имел американоидные черты. Приведенное, видимо, говорит о том, что во II тыс. до н.э. на территории от низовьев Лены на западе и Чукотки на востоке лежала область, населенная монголоидами американоидного и арктических типов с небольшой палеосибирской примесью. Они в дальнейшем, в эпоху пережиточного неолита и палеометаллов, приняли участие в формировании северо-восточных палеоазиатов. Территорией становления древнеюкагирских племен в позднем неолите и ранней бронзе являлись, по всей видимости, районы центральной и северо-западной Якутии. А.П. Окладников выявил связи между населением Скандинавии и Северо-Восточной Европы неолита и бронзы с неолитическими племенами Якутии, т.е. контакты, наблюдаемые среди древнего уралоязычного населения Евразийского Севера. В этот круг вписывались и древнейшие предки юкагиров.

Усть-мильская культура бронзового века Якутии существовала на протяжении от XIV до II вв. до н.э. А.П. Окладников происхождение бронзовой металлургии на обширной территории Якутии связывал с глазковской культурой Верхней Лены и Прибайкалья¹. Показал также влияние карасукской культуры Южной Сибири

¹ Окладников А.П. История Якутской АССР. Якутия до присоединения к русскому государству. Т. 1. М.; Л. 1955. С. 170-176.

и Чжоуской бронзы Китая¹. Позже Комиссаров уточнил эту южную связь с бронзовой традицией дунху, северных соседей Китая в эпоху Восточного Чжоу. Но в целом комплекс эпохи бронзы Якутии отличается своеобразием от одновременных культур Сибири. Это позволило С.А. Федосеевой и В.И. Эртюкову выделить особую Усть-Мильскую культуру². В её формировании определенную роль сыграли миграционные основы. Но Усть-Мильская культура существовала преимущественно в бассейне среднего и нижнего течения Лены и её притоков. Мнение А.Н. Алексеева о невозможности сейчас четкого выделения отдельных хронологических этапов бронзового века Якутии остаётся в силе³. Но в целом, усть-мильская традиция наложила определенную печать в формировании юкагирского этноса или юкагироязычных племен и их культуры.

§ 3 Этногенез, этническая история тунгусоязычного населения Сибири и Якутии до начала XX в.

В истории народов Сибири, Дальнего Востока и северо-восточного Китая в древности, особенно в эпоху средневековья, очень важную роль сыграли тунгусо-маньчжурские народы.

Русские землеоткрыватели Сибири в начале XVII в. застали тунгусские этногруппы на огромном пространстве Центральной и Восточной Сибири. В настоящее время их поселения на западе начинаются со среднего течения Оби, на востоке – до побережья Охотского моря. С севера на юг они проживают между низовьями Лены и Ангары. На всей этой обширной территории насчитывается около 34 тыс. эвенков и 15,5 тыс. эвенов.

В число тунгусоязычного населения Российской Федерации входят коренные народы Амура – ульчи, орочи, ороны, удэгэ, нанайцы, негидальцы. За пределами России – в Маньчжурии и Монголии проживают примерно 16-17 тыс. эвенков.

Такое широкое расселение тунгусоязычного населения при их небольшой численности представляет собой весьма примечательное явление в истории человечества.

Происхождению тунгусов посвящена значительная часть литературы. Историко-географический анализ проблемы дали Г.М. Василевич, А.П. Окладников, В.А. Туголуков, Ф.Г. Сафронов и др.⁴ Были высказаны разные мнения, нередко даже противоречивые. Так, ещё в XIX в. М.А. Кастрен родиной тунгусов считал Южную Сибирь (Саяно-Алтайское нагорье), Л.И. Шренк – Центральную Азию, К. Гикиш, С. М. Широкогоров – бассейн Хуанхэ.

В 1930-1950 гг. А.П. Окладников этногенез тунгусов связывал с Прибайкальем эпохи позднего неолита и бронзы. В дальнейшем он отодвинул область возник-

¹ См.: Алексеев А.Н. Древняя Якутия. Неолит и эпоха бронзы. Новосибирск, 1996.

² Федосеева С.А. Усть-Мильская культура эпохи бронзы Якутии. // Древняя история народов Юго-Восточной Сибири. Иркутск, 1974. Вып. 2; Эртюков В.И. Усть-Мильская культура эпохи бронзы Якутии. М., 1991.

³ Алексеев А.Н., Гоголев А.И., Зыков И.Е. Указ. Соч. С. 24.

⁴ Булатова Н.Я. Говоры эвенков Амурской области. Л., 1987. С. 9.

новения тунгусов на верховья Амура¹. Он также отметил движение этих племен с севера на юг – в долину Среднего Амура и Маньчжурии, где они начали заниматься земледелием и скотоводством². Здесь у них сложились классовые общества и образовались государства – Бохайское, затем Чжурчженское («Золотая империя»), от IX и до второй половины XIII в. в районах Приамурья, Приморья, Маньчжурии и Северного Китая.

Северные тунгусы, попавшие в суровые условия, оказались в изоляции и развивались очень медленно³.

Автохтонную теорию происхождения тунгусов, высказанную А.Ф. Миддендорфом (XIX в.), Г.Ф. Ксенофонтовым (1937 г.), А.М. Золотаревым (1939 г.), А.П. Окладниковым и др., наиболее последовательно разработала Г.М. Василевич. Она считала, что территория их предков находилась в таёжной местности, примыкающей к Байкалу с юга. После выхода прототунгусов на Амур, где-то в начале нашей эры⁴, в процессе их взаимодействия с местными палеоазиатами сформировались маньчжуры.

В.А. Туголуков происхождение тунгусов связывал с Забайкальем, основываясь на китайские письменные источники, в которых наиболее ранние сообщения об оленеводах датируются V-VII вв. н.э. Китайцы, по мнению авторов данной концепции, имели в виду забайкальский народ *увань*. В них В. Туголуков видел непосредственных предков тунгусов. Это – район, лежащий между верховьями Верхней Ангары и Олекмой. «Увань представляли собой группу бывших кочевников-скотоводов, - писал он, - ушедшую в горно-таежное Забайкалье из более южной, лесостепной местности»⁵. К хиским (прототунгусским) группам автор относил также *мохэ* и *чжурчженей*, предков маньчжуров. Общение уваней с аборигенами Забайкалья и Приамурья положило начало этническому формированию тунгусов. Начало исхода тунгусов из Забайкалья и Приамурья В.А. Туголуков определил рубежом XII-XIII вв.⁶ Исторический период существования тунгусов, по его предположению, не превышает полутора тысяч лет. Ко времени широкого расселения тунгусов по Сибири сложился их этнографический комплекс: облегающая распашная одежда в сочетании с нагрудником, легкая каркасная лодка, олени седла, особенности шаманства и анимистические воззрения. Такова основная суть концепции Туголукова по этногенезу тунгусов.

А.Н. Алексеев в изданной в 1996 г. работе в основном поддержал идею В.А. Туголукова и М.Г. Левина по этногенезу тунгусов. При этом он обратил внимание на происхождение нагрудников или передников, являвшихся одним из характерных элементов тунгусской одежды. С открытием Родинского неолитического погребения на Колыме, по его мнению, предположение о существовании у палеоазиатского населения костюма с нагрудником получило подтверждение, «тезис о

¹ Окладников А.П. Археологические данные древнейшей истории Прибайкалья // Вестник Древней истории. 1938. №1-2; Он же. Шилкинская пещера – памятник древней культуры верховьев Амура // Труды Дальневосточной археологической экспедиции. Т. 1. № 86.

² Окладников А.П. Тунгусо-маньчжурская проблема и археология. С. 25-42.

³ Там же.

⁴ Василевич Г.М. Тунгусы. С. 17.

⁵ Этногенез народов Севера. С. 158.

⁶ Там же. С. 161-165.

приоритете тунгусского населения на этот элемент древней одежды утратил свою убедительность»¹. Автор внес определенные коррективы в отношении материальной культуры населения Якутии в эпоху раннего железного века на основании обнаруженного им нового археологического материала и уточнил при этом ранее предложенную И.В. Константиновым периодизацию железного века Ленского края. В целом, он выступил против теории автохтонного происхождения тунгусов. Наиболее заметное передвижение их, по мнению автора, произошло на оленеводческой стадии, в конце I – начале II тыс. н.э. «Вероятно, именно в это время, - пишет А.Н. Алексеев, - на писанице Укаан на Алдане появился единственный в Якутии рисунок с оленеводческой тематикой – антропомерфная фигура, восседавшая верхом на олене»². В активизации движения тунгусоязычного движения по Средней и Восточной Сибири, по его убеждению, послужили три фактора: политические события в Центральной Азии, Забайкалье, развитие оленеводства и освоение новых пастбищ и их демографический рост.

Во второй половине 1990-х гг. в поисках этнических истоков эвенков новый подход предложила петербургский тунгусовед Н.В. Ермолова. Опираясь на мнение антрополога Ю.Г. Рычкова о значении катангского типа в формировании эвенков, она выдвинула предположение о их формировании на территории Южной Сибири, Западной Монголии и юга Байкала. При этом она опиралась также на материалы о наличии тунгусских названий гидронимов в таёжной зоне Саян среди преобладающих там самодийских и кетских топонимов, на наличие некоторых общих черт эвенков, тофаларов. Следовательно, как полагает Н. Ермолова, ареал пратунгусского расселения включает горно-таёжные районы Саян и Южного Забайкалья³.

С другой стороны, Н.В. Ермолова попыталась определить время выделения тунгусов из среды древних праалтайцев. Используя материалы географов, она связала время их распада с началом I тыс. до н.э., когда аридизация захватила тайгу, а увлажнение – степь. Иссушение климата в тайге вызвало сокращение площади лесов, что повлекло за собой миграцию зверя на север. Это изменение привело к приручению оленя и использованию его под выюк и верховую езду. В результате «тайга была покорена тунгусами»⁴.

Этническая неоднородность современных эвенков привела автора концепции к предположению о наличии двух стартовых площадок в этногенезе тунгусов-прототюркотунгусской и промонголотунгусской общностей. Первая дала западных эвенков, из второй вышли восточные. Хронологически разделение первой общности она определила гуннским периодом. Монголо-тунгусская общность распалась позднее – в середине I тыс. н.э.⁵

* * *

¹ Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. Новосибирск, 1996. С. 40.

² Там же. С. 43.

³ Ермолова Н.В. Возвращаясь к тунгусской проблеме: поиск этнических истоков эвенков и новые предложения // Сибирь: древние этносы и их культуры. СПб., 1996. С. 122-129.

⁴ Там же. С. 131.

⁵ Там же. С.136-137.

Этногенез покоится на трех главных компонентах – историко-культурном, языковом и антропологическом.

А.П. Окладников, основываясь на археологическом материале, полагал, что целый ряд особенностей тунгусской культуры восходит к энеолиту Прибайкалья. Так как он считал, черты сходства проявляются в жилище (конический чум), рыболовном инвентаре (костяные рыбки-приманки, лодки-берестянки), в области искусства. Одежда древних обитателей Прибайкалья была, судя по археологическим материалам погребений, сходна с традиционной эвенкийской. Большинство исследователей считает тунгусов автохтонами горно-таежных районов Сибири, у которых первое место занимала охота на копытных животных. Коллективная и индивидуальная охота на лосей, диких оленей упоминается во всех преданиях, в то время как в них совершенно не говорится о промысле пушного зверя. Поэтому основа древней пратунгусской культуры пеших охотников начала складываться еще, видимо, в неолите в горно-таежных районах Южного Прибайкалья и Забайкалья (Восточные Саяны, Верховья Енисея, Селенги и сопредельные районы). На позднем этапе неолита они выделились из массы степных охотников-протоалтайцев. Г.М. Василевич, исследуя проблему происхождения тунгусского языка, выделила в нем общеалтайский пласт, сформировавшийся в «алтайской» эпохе. Ее окончание датирует временем до н.э. и дифференциация завершилась возникновением трех языковых групп – тунгусо-маньчжурской, монгольской и тюркской. Затем последовательно выделяется прототунгусский и тунгусский этапы.

Тунгусский праязык был свистящим, а шипящая сибилентность развивалась позже в собственно тунгусском (эвенкийском) под влиянием фонетики языков-субстратов в районе Прибайкалья-Приангарья¹.

Г.М. Василевич подтвердила древнее родство тунгусо-маньчжурских языков с тюркскими и монгольскими. Прототунгусский язык получил от алтайской языковой общности довольно богатое наследство (агглютинация, сингармонизм, отсутствие категории рода, постоянство структуры предложений). Разработанность географической, промысловой и бытовой терминологии, кроме того грамматический строй подтверждали генетическую связь тунгусо-маньчжурских языков с праалтайским².

Исходя из развития лексики по линии охотничьего промысла (тунгусы) и скотоводческого хозяйства (монголы, тюрки), она предположила, что отделению групп, ставших тунгусоязычными, способствовало начало приручения парнокопытных животных.

Одна из особенностей, отличающая языки тунгусской подгруппы от тюркско-монгольской, по определению Г.М. Василевич, - это употребление начального заднеязычного *h*. Наличие этой особенности в языках чукчей и коряков, а также в самодийских указывает на общий субстрат у пратунгусского, прачукотско-корякского и прасамодийского языков³.

¹ Архив МАЭ (Кунсткамера). Ф. 22. Оп. 1. № 141. Л. 16.

² Там же. Л. 161-162

³ Там же. Л. 162.

Первым этапом становления тунгусского языка является тунгусо-маньчжурская языковая общность. Ее лексику составляют анатомическая терминология, название частей живого организма, охотничье-бытовая, социальная, шаманская терминологии, к ней также относится группа слов, связанных с шаманством, относящихся к духам-помощникам, духам-предкам шамана и с бубном и колотушкой. Вместе с шаманством, в язык прототунгусов вошло и слово "шаман"¹. Судя по отсутствию слов, связанных с обозначением металлов, эта тунгусо-маньчжурская общность должна была существовать до эпохи палеометаллов. В этот период фактически отсутствует связь с пратюркским языком, но зато у пратунгусов были значительные связи с протомонгольским. Это позволяет предположить о сопредельности районов, где начинали формироваться прототунгусский и протомонгольский языки. Такими местами могли быть верховья Амура и южные районы Забайкалья, рядом с южным Прибайкальем. Тем более, по языковым материалам среда, в которой жили пратунгусы, находилась в районе, примыкающей к большой воде – Ламе, т.е. Байкалу.

Первые тунгусоязычные группы расселялись, по тем же языковым материалам, в гольцовой, пересеченной реками (*бира*) зоне, на которой было много озер. Слова для растительности характеризуют территорию, примыкающую к рекам: осина, ольха, тополь, береза, ива, сосна. Жили охотой на изюбра и мелких парнокопытных. Распространяется пальма (длинный нож на палке). В результате связей с монголоязычными появилось значительное количество общих словообразовательных и некоторых словоизменительных суффиксов². Судя по всему, эти события происходили уже в эпоху раннего железного века (I тыс. до н.э.), и это в дальнейшем получило подтверждение исследованием В.И. Рассадина. Он выделил солидное количество общих элементов в монголо-тунгусских языках, не имеющих в тюркских. «Монголо-тунгусско-маньчжурское время, - пишет он, - языки составляли длительное время некое единство, отделившееся от тюркских языков»³.

Лексика, образовавшаяся на втором этапе развития пратунгусского языка (после отделения от «маньчжур»), сохранилась во всех тунгусских языках, кроме маньчжурского, и отразила естественно-географические условия, несколько отличные от предыдущего этапа. Началось, по определению Г.М. Васильевич, "путно рыболовство и полностью оформился этнографический комплекс предметов, отличающий тунгусов от других этносов"⁴. Лексика, отразившая связи с тюркоязычными, на этом этапе более многочисленна, чем на предыдущем, что говорит о жизни пратунгусов рядом с древнетюркскими племенами. А слов, отразивших связи с монголоязычными, по своему количеству меньше, чем на предыдущем этапе⁵.

¹ Там же. Л. 188-196.

² Там же. Л. 238.

³ Рассадин В.И. О тунгусо-маньчжурских элементах в монгольских языках // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск, 1989. С. 147-148.

⁴ Там же. Л. 243.

⁵ Там же. Л. 253-256.

Данный этап, по рассуждению Г.М. Василевич, начался после отхода какой-то части тунгусов на восток. Это привело в дальнейшем к ослаблению связей с ними и к последующему самостоятельному развитию языков как оставшихся, так и ушедших, которые стали в дальнейшем маньчжурами. В это время древние тунгусы расселились на большой территории, освоив горную тайгу вокруг Байкала. Но выход первых тюрков к Байкалу в начале нашей эры разделил древних тунгусов, заставив их двинуться на запад и восток от Байкала. В Приамурье они смешались с аборигенами, в результате образовался шипящий диалект¹.

Соглашаясь в основе с построенной Г.М. Василевич схемой этногенеза и ранних этапов этнической истории тунгусов, следует добавить частные замечания. Например, рыболовство могло развиваться наряду с охотничьими промыслами. Железная пальма не могла возникнуть у пратунгусов так рано, как заметила исследователь.

Продвижение древних тунгусов (пратунгусов) по Сибири, как показывают археологические материалы, началось, видимо, в первых веках нашей эры. Направления, по которым шли они, получили отражение в диалектах эвенкийского языка. Так, эвенки к северу от Нижней Тунгуски юг называют "направо", запад обозначают словом "спина". А древнее освоение ими тайги шло от Енисея на восток. Эвенки Забайкалья восток называют "левый", запад – "правый". В памяти забайкальских эвенков сохранилось предание о приходе их с севера. Следовательно, полагала Г.М. Василевич, солоны, манегры, онггоры пришли на современную территорию с севера. Чжурчжены и современные ульчи, нанайцы двигались на восток, маньчжуры – на восток, потом на юг². На северо-западе Восточной Сибири до прихода тунгусов жили аборигенные племена, которых Г.М. Василевич называет "палеоазиатами". Об этом, по ее мнению, говорит топонимика, например, *Анавари, Таймури, Катанга*, возможно, чукотско-корякского происхождения³.

В фольклоре западных эвенков сохранились упоминания о племенах с удочками, которые ели рыбу в сыром виде, содержали собак на мясо. Диких оленей ловят арканами и с живых сдирают шкуры чулком. Эти черты резко отличают их от древних тунгусов, которые ловили рыбу острием палки или острогой, сырую рыбу не ели, собак не били на мясо. У первых – одежда "чулком" – закрытая, у вторых – распашная, закрытая только по бокам и на спине.

Вторую группу аборигенов Г.М. Василевич связывает, как приводилось выше, с Вилюйско-Алданским междуречьем. Ее представители отличались по языку от енисейских "палеоазиатов" и в дальнейшем были ассимилированы тунгусами. На основании фонетических данных она определила их юкагирами⁴.

Третья – нижнеленская – группа дотунгусского населения, по языку несколько отличалась от среднеленской, но была близка к ней.

По тем же языковым материалам Г. Василевич выделила и четвертую группу дотунгусского населения на востоке от Удского залива и на юге к Владивостоку и до Усури. По фольклорным данным, тунгусы здесь впервые увидели верхового

¹ Там же. Л. 271-277.

² Архив МАЭ. Ф. 22. Оп. 1. № 47. О. 17.

³ Архив МАЭ. Ф. 22. Оп. 1. № 62. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 1-2.

олена. Люди высокие, смуглые по цвету кожи, с круглыми глазами, курчавыми волосами. В языке тунгусов данного ареала обнаруживается небольшое влияние языка сахалинских айнов¹. Все это говорит о том, что здесь тунгусы встретились с палеоазиатами, имевшими родство с древними австронезийцами.

По существующей традиции с распространением тунгусов в Якутии связывается начало раннего железного века. Так, А.П. Окладников в своих ранних работах появление железа связывал с проникновением на Лену прибайкальских племен. Затем в 1960-х годах, пересматривая свое мнение, предположил приамурское начало в распространении в Якутии железной металлургии². В бассейне Вилюя С.А. Федосеева в начале 1960-х годов открыла памятники раннего железного века. Она связала появление железных вещей в верховьях Вилюя с тунгусами, которые представляли тогда наиболее северную группу древнетунгусского населения Сибири³.

В дальнейшем Приленская археологическая экспедиция открыла в бассейне Алдана стоянки раннего железного века, где были выделены его чистые комплексы. Исследование этих памятников подтвердило ранее предложенную С.А. Федосеевой датировку этого периода – конец I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.

На основании материалов Приленской экспедиции известный якутский этнограф И.В. Константинов опубликовал монографию, посвященную раннему железному веку Якутии. В ней автор, используя довольно большой керамический материал с хорошо датируемых алданских стоянок, выделил три керамических комплекса раннего железного века, "которые соответствуют примерно трем основным группам керамики, выделенных А.П. Окладниковым на материалах долины Лены"⁴. Первый комплекс И.В. Константинов назвал дюктайско-белькачинским, в котором ведущим типом орнамента являлись оттиски зубчатого штампа. Второй, сумнагинский, охарактеризован автором наличием рассеченных налепных валиков. В третьем керамическом комплексе из Усть-Миля преобладающим типом являлись пояса из гладких вдавлений разнофигурных штампов. Здесь также зафиксированы сосуды, орнаментировка которых создавалась сочетанием двух первых типов украшений⁵.

Сопоставление ленских и алданских материалов показало наличие у них локальных особенностей. В частности, сосуды из ленских стоянок типа мухтуйского, действительно выделяются своей тонкостенностью от остальной массы керамики раннего железного века. Они получили распространение и на озерных стоянках, расположенных на территории центральных районов Якутии. Об этом свидетельствуют также материалы из стоянки раннего железа, раскопанной археолого-этнографической экспедицией Якутского государственного университета на оз. Булгунняхтах Чурапчинского улуса.

¹ Там же. Л. 2.

² Окладников А.П. Древнее население на полуострове Песчаном у Владивостока. Материалы к древней истории Дальнего Востока // Материалы и исследования по археологии СССР. № 112. М.; Л., 1963.

³ Федосеева С.А. Древние культуры Верхнего Вилюя. М., 1968.

⁴ Окладников А.П. История ЯАССР. Т. 1. С. 371-375.

⁵ Константинов И.В. Ранний железный век Якутии. Новосибирск, 1978.

По определению И.В. Константинова мухтуйско-сихтяхский комплекс из Лены и керамика из Капчагая, Зеленого (выше Сангар-хая) соответствуют сосудам из Усть-Миля. К материалам, близким к сумнагинским, он относит часть керамики из стоянок "чебедельского" облика с рассеченными валиками, раскопанной А.П. Окладниковым.

Вслед за С.А. Федосеевой исследователь связывает сосуды с налепными валиками с традицией местной культуры бронзы. Орнаментировка сосудов путем привлечения различных видов штампа считается новым и притом ведущим украшением, генетически связанного с приангарской культурой эпохи раннего железа. Все эти данные привели И.В. Константинова к убеждению о возможности проживания здесь двух этнических групп: местных племен, предков юкагиров, и пришлых тунгусоязычных. Появление последних на территории современной Якутии автор датирует началом I тыс. н.э. При этом "расселение тунгусоязычных племен по Сибири, в частности, и по Якутии, и распространение оленеводства произошли на различных хронологических стадиях и эти события не имеют между собой неразрывной связи". По его мнению, оленеводство проникло в бассейн Средней Лены в начале II тыс. н.э. со стороны Забайкальско-Приамурского региона. В дальнейшем с появлением оленеводства здесь связывается полное исчезновение памятников с керамикой, орнаментированной различными оттисками штампа¹.

Привлечение радиоуглеродных дат на некоторых стоянках Алдана позволило датировать эпоху раннего железного века Якутии серединой II в. до н.э. – первой половиной II тыс. н.э.²

И.В. Константинов в усть-мильском комплексе выделил железные изделия польцевского (Приамурского) типа, датируя их III-I вв. до н.э. А в позднем дюктайско-белькачинском комплексе выявил мохэские аналогии, датируемые в Приамурье IV-VIII вв.

А.Н. Алексеев усть-мильский комплекс раннего железного века также считает автохтонным. "Пионерами металлургии железа в Якутии, - пишет он, - были палеоазиаты, предположительно праюкагиры"...³. В дальнейшем усть-мильский этап, как считает исследователь, трансформируется и в VIII-X вв. н.э. существует как сумнагинский комплекс. Появление в нем новых элементов автор связывает с пришедшей тунгусской культурой, датируемой VIII-X вв., сосуществовавшей с местной и постепенно смешавшейся с аборигенной структурой.

Вслед за исследователями А.Н. Алексеев приход в Якутию второй более многочисленной волны оленных тунгусоязычных групп, как отмечалось выше, датирует XI-XII вв. (дюктайско-белькачинский комплекс раннего железа)⁴.

С формированием вьючно-верхового оленеводства около XII в. начинается более широкое распространение по Сибири тунгусов. По предположению В.А. Туголукова, тунгусы начали это движение из Забайкалья и Приамурья. Толчком послужила экспансия родственных им чжурчженей, которые в 1125 г. начали подчинять себе племена, жившие на Амуре. В связи с этим более южные тунгусы,

¹ Там же. С. 86.

² Там же. С. 97.

³ Алексеев А.Н., Гоголев А.И., Зыков И.В. Указ. соч. С. 37.

⁴ Алексеев А.Н., Гоголев А.И., Зыков И.Е. Указ. соч. С. 38, 39.

обогнув Байкал, вышли в Прибайкалье и Приангарье, а более северные направились в сторону Верхоянского хребта, которого они достигли в XIV в.¹ Отсюда часть тунгусов движется на Охотское побережье, вероятно, начиная с XV в. Исследуя этнические корни тунгусов, В. А. Туголуков исходил из основных положений в гипотезах И.И. Майнова и М.Г. Левина. Взгляды последних в основном синтезировали построения сторонников степной и автохтонной гипотез. По мнению Майнова, предки тунгусов вышли на Ангару и Верхнюю Лену из западной части Забайкалья².

Концепция М. Г. Левина была близка к гипотезе И. И. Майнова – область формирования тунгусских языков находилась восточнее Байкала. Формирование современных антропологических типов Левин, как и Майнов, связывал с ассимиляцией ими аборигенного населения Северной Сибири³.

Как отмечалось выше, В. Туголуков местом первоначального расселения тунгусов считал район, заключенный между верховьями Верхней Ангары, и Олекмой. Так называемые "уваны", по его мнению, были бывшими кочевниками-скотоводами. Ушедшие в горно-таежные районы Забайкалья из более южной лесостепной местности и явились частью народа "кумохи". Большую часть кумохи составляли мохэ и чжурчжени – предки позднейших маньчжуров⁴. Основываясь на своих полевых материалах, В.А. Туголуков среди тунгусов, ушедших в северные области Восточной Сибири, выделяет роды *баягир*, *бакарай*, *иологир*, *калтагир*, *киндигир*, *чильгагир*, *шамагир* и др.⁵

Одним из важных этапов расселения тунгусов по Сибири связывается с Вилюем, с которого они вышли на верховья Нижней Тунгуски и, возможно, Оленька.

Я. Линденау в середине XVIII в. у удских тунгусов записал предание о том, что их предки пришли на Охотское побережье из "далекой страны". Спустившись вниз по Лене и добравшись до устья Олекмы, они через пустоши и горные реки пробрались на Алдан, а оттуда – на берег Охотского моря. Здесь под "далекой страной", видимо, имеется в виду бассейн Байкала.

Северо-восточные районы современной Якутии, как считал Туголуков, осваивали забайкальские тунгусы рода *вакаран*. А вакаранцы из чукотского Анадыря переселились в бассейн реки Амгунь.

Массовое переселение тунгусов на более восточные широты Восточной Сибири связывается с XIII-XIV вв., с приходом на Среднюю Лену якутского населения⁶.

Тунгусы, осваивая среднюю полосу Восточной и Центральной Сибири, от Зеи и Алдана на востоке, до Енисея на западе, столкнулись с аборигенами, с т.н. "чангитами". В кетском языке это слово обозначало гость. А в восточной половине

¹ Туголуков В.А. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. М.1980. С. 165-173; Алексеев А.Н., Гоголев А.И., Зыков И.Е. Указ. соч. С. 41.

² Майнов И.И. Некоторые данные о тунгусах Якутской области. Иркутск, 1898. С. 95-96.

³ Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958. С. 96, 204

⁴ Туголуков В.А. Указ. соч. С. 159.

⁵ Там же. С. 165.

⁶ Там же. С.168.

этнического ареала расселения тунгусов предшествующие им аборигены именовались терминами *булэн* и *хугана*.

Предание об улэнах Туголуков записал среди тунгусов на пространстве от междуречья Яны и Лены на северо-западе до Охотского побережья и Сахалина на юго-востоке. На голое тело они натягивали сырую шкуру оленя. Это были длиноволосые, широколицые люди. Лицо специально намазывали смолой. По тунгуски «булэн» обозначает врага¹.

Рассказы эвенов и эвенков о *хугана* во многом перекликаются с рассказами о булэнах. Часть из них татуировали лоб. Они владели луком и стрелой, а наконечники стрел были костяные.

По якутским преданиям на Вилюе в период появления там тунгусов жил «шитолий» народ *дьирикинэй*, носивший ровдужные шубы и шапки, окрашенные красной охрой. Они имели оленей и охотились. Из числа тунгусов на Вилюе жили *сологоны*, кочевавшие вместе с дьирикинэями, и *нюрбаганы*².

С дьирикинэями исследователи связывают туматов, которые жили не только на Вилюе, но и на Оленьке.

В фольклоре северных якутов-оленоводов, живущих к западу от Нижней Лены, упоминаются племена, украшавшие свои лица «прошитыми швами». Тунгусские герои называют их «чужеплеменниками». У одних групп были наколоты на лице «простые швы», у других сложные, в виде «оленьих рогов». Последние рассматривались как враги, тогда как с обладателями «простых швов» предки рассказчиков поддерживали мирные отношения. Обладатели «оленьих рогов» отличались особой свирепостью; их язык был не тунгусский³.

В этих преданиях В.А. Туголуков видел древних тунгусов, которые придя на Вилюй и в низовья Лены, вступали в контакт с местными аборигенами и образовали с ними ряд этнически смешанных групп. При этом обладатели «простых швов» были более отунгушенными, чем остальные.

В XVII-XVIII вв. татуировка лица была больше всего распространена у тунгусов правобережной части бассейна Енисея, к северу от Ангары на Вилюе и пространстве, расположенном к северу от него. «Это как раз та область, - писал Туголуков, - где происходили наиболее интенсивные процессы взаимодействия тунгусов с предшествовавшими им аборигенами и где в настоящее время локализован катангский антропологический тип»⁴.

На данную проблему обратила специальное внимание Н.В. Ермолова. Она отметила, что восточные эвенки не имели обычая татуировывать свое лицо и тело. Тем не менее, сахалинские тунгусы считали, что татуировка получала распространение особенно среди континентальных тунгусов⁵.

Близкую аналогию такой традиции дает пример енисейских кыргызов, таштыкцев, у которых татуировку наносили молодым воинам, проявившим храбрость

¹ Там же. С.170-171.

² Исторические предания и рассказы якутов. Ч. 1. М., 1961. С. 103.

³ Ксенофонов Г.В. Ураангхай-сахалар (Очерки по древней истории якутов). Иркутск, 1937. С. 505-517, 526.

⁴ Туголуков В.А. Указ.соч. С. 173.

⁵ Там же. С. 174.

в бою, а девушкам – при выходе замуж. У кыргызов в посмертных погребальных масках, являвшихся скульптурным воссозданием лиц усопших людей, наносились узоры-татуировки. В этой связи Н. Ермолова высказала предположение о возможном влиянии таштыкского компонента II в. до н.э. – V в. н.э. сложении древнего субстрата Западно-Сибирского культурного комплекса¹. В этой связи Н.В. Ермолова, как отмечалось выше, этногенез тунгусов связывает с двумя разновременными этнолингвистическими массивами. Так, на западе выделение тунгусов с заметной тюркской окраской она относит к рубежу эр. А восточный ареал дает более поздний (к середине I-го тыс. н.э.) выход тунгусов с монгольским влиянием. При этом восточные, по ее предположению, складывались в Приленском регионе.

Обращаясь еще раз к антропологическому материалу, отметим, что среди населения северной части Средней и Восточной Сибири распространен байкальский или палеосибирский тип, восходящий к ранним этапам каменного века.

Байкальский тип характерен для различных групп эвенов и эвенков, у тунгусоязычного населения Нижнего Амура и Сахалина, входит в качестве одного из компонентов в состав якутов. Как отмечалось выше, он в более полной мере представлен среди юкагирских племен. Предположительно формирование этого типа происходило на таежных просторах к востоку от Енисея. По мнению Н.Г. Левина, значительная часть палеоазиатского населения была ассимилирована тунгусоязычными группами. В связи с этим данный тип вошел в состав эвенков и особенно ламутов, которые больше, чем эвенки сохранили черты этого древнего палеоазиатского пласта.

Сложение эвенков – это процесс смешения различных по своему происхождению элементов. Как считал М.Г. Левин, байкальский тип составляет лишь один компонент их этногенеза. А наличие у эвенков Забайкалья центральноазиатского типа связано своим формированием с более южной территорией.

Ороки Сахалина и негидальцы по антропологической характеристике близки к эвенкам, а ульчи занимают промежуточное место, обнаруживая черты смешения байкальского и сахалино-амурского типов. Байкальский компонент прослеживается в составе орочей и нанайцев².

Таким образом, современное распределение байкальского типа среди народов Амура и Сахалина указывает, во-первых, на его более позднее происхождение на данной территории по сравнению с амуро-сахалинским типом, во-вторых, связывается с распространением тунгусоязычных народов.

В связи с этим вопрос о том, к какому антропологическому типу относились первоначально тунгусы (или пратунгусы), остается открытым. Если, как предполагают антропологи, байкальский тип возник среди палеоазиатского населения Восточной Сибири, предположительно у древних юкагиров, то в таком случае почему байкальский тип существовал в неолите в верховьях Амура, где не должны были находиться праюкагиры; и почему распространение этого антропологического

¹ Ермолова Н.В. Татуировка в культурной традиции эвенков // Культурное наследие народов Сибири и Севера. СПб., 2002. С. 117-118.

² Левин М.Г. Антропологические типы Сибири // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 110-113.

ческого типа среди населения Амура и Сахалина связывается с появлением здесь тунгусоязычного населения?

Для ответа на этот вопрос рассмотрим вначале материалы по мохэ, раннесредневекового тунгусо-маньчжурского народа, расселенного на территории Среднего Приамурья в I тыс. н.э. Южная их часть занималась земледелием, северные, таежные – охотой, рыболовством, скотоводством. В дальнейшем они участвовали в образовании чжурчженского этноса. Окончательную победу последнего над мохэ Е.И. Деревянко относит к XI в.¹ В этой связи, какова краниология мохэ? Известно, что в серии черепов мохэ очень уплощенный нос. В этом отношении они близки к тунгусо-маньчжурским народам Амура. Аналогичным образом варьируют в этой раннесредневековой серии и размеры переносья, оцененные специалистами как очень низкие. При этом они не находились в родстве с восточно-азиатскими и дальневосточными монголоидами. Зато они сближаются с представителями центральноазиатской и байкальской групп популяций внутрисибирских монголоидов². При этом по пяти из шести признаков мохэская серия попадает в границу вариаций байкальской группы, т.е. того же комплекса, который выражен сейчас у тунгусо-маньчжурских народов Амура, эвенков, эвенов и отдельных палеоазиатских народов, например, юкагиров.

В 1951 г. Г.Ф. Дебеч в байкальском комплексе выделил четыре локальных подтипа: собственно байкальский, т.е. эвено-эвенкийский, хатангский, амгунский, нанайский. В дальнейшем акад. В.П. Алексеев уточнил эти подтипы: внутрисибирский (эвено-эвенкийский), амгунский (негидальцы), нижнеамурский (нанайцы) и приморский (орочи). При этом амгунский краниологический ближе к внутрисибирскому. Оказалось, что мохэ в целом относительно нейтральны по отношению ко всем четырем подгруппам байкальского комплекса, хотя проявляя при этом близость к типу ульчей и нанайцев³.

Шилкинский (верхнеамурский) неолитический череп, по признанию В.П. Алексеева, включал в себе тот комплекс признаков, который вполне можно признать исходным для всех локальных комбинаций байкальской группы, включая даже хатангский. «Район Прибайкалья,- писал он,- а в еще большей степени Забайкалья и центральных районов таежной зоны Восточной Сибири, возможно, также верхнего и среднего течения Амура вполне могут претендовать на роль прародины и исходного начального расселения представителей этого комплекса признаков»⁴. Но после обнаружения Диринг-Юряхского позднеолитического могильника В.П. Алексеев, согласно новому уточнению территории формирования байкальской расы, допускал, что прародиной ее могли стать юго-восточные районы Сибири⁵.

Внутрисибирский вариант, представленный эвенками и юкагирами, возможно, также эвенами, видимо, в наибольшей чистоте сохраняет основные особенности походного байкальского протокомплекса. А мохэ, по гипотезе В.П. Алексеева, состоят в близком биологическом родстве с современными тунгусо-

¹ Деревянко Е.И. Племена Приамурья в I тыс. нашей эры. Новосибирск, 1981. С. 278.

² Алексеев В.П. Материалы по краниологии мохэ // Палеоантропология Сибири. М., 1980. С. 119.

³ Там же. С. 127.

⁴ Там же. С. 128.

⁵ Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология Азиатской части СССР. М., 1984. С. 34.

маньчжурскими народами Амура, не составили преобладающей основы ни для одного из них.

Неолит Прибайкалья дал исследователям основной материал в системе неолитической краниологии Сибири. Объединение американских групп (могильники Кланг и Найт из области Великих озер США) с сибирскими в этом случае может интерпретироваться как указание на протомонголоидность и недифференцированность (американоидность) неолитического населения Прибайкалья. Хотя на основании новых материалов, неолитическое население Прибайкалья имело в своем составе европеоидную примесь и оно походило на представителей уральского и южносибирского типов¹. Группа же из Северо-Восточной Азии, по мнению О.Б. Трубниковой, уже в неолите успела приобрести особенности, которые отделяют ее как от американских, так и от сибирских групп. По тому же методу многомерной краниометрической статистики, Ипиутакский могильник из Аляски тяготеет скорее к неолиту Сибири, чем Северо-Востоку Азии².

К концу I тыс. н.э. западные тунгусы в основном завершили процесс освоения правобережья Енисея.

Местом первоначальной domestikации оленя, как считают С.И. Вайнштейн и Н.В. Ермолова, является Саянский регион и она произошла на рубеже двух эр. Вероятно, с этим временем связывается начало использования предками западных эвенков домашних оленей для транспортных целей³. А формирование восточной ветви тунгусов, как считают исследователи, протекавшее на юге Забайкалья произошло, вероятнее всего, к середине I тыс. н.э. Они в дальнейшем освоили территорию на востоке от р. Лены до Охотского побережья. Их оленеводство имело более развитую форму, как полагали Г.М. Василевич и М.Г. Левин, усовершенствованное под влиянием коневодства монголоязычных племен. Притом восточноэвенкийское оленеводство (орочонское) получило распространение преимущественно в горной системе Яблоневого и Станового хребтов, Витимо-Олекминском плоскогорье.

Но, тем не менее, вероятнее всего, предки восточных эвенков начали освоение бассейна Лены и прилегающие к нему восточные регионы на стадии пешей охоты. Такое мнение отчасти подтверждается фольклорными материалами, собранными Г.М. Василевич, в которых верхнеамурские тунгусы и отчасти тунгусы Енисея рисуются пешими охотниками горной тайги⁴.

Таким образом, происхождение тунгусов до начала XXI в. остается не до конца разработанным. Но в целом принято считать, что местами первоначального формирования древнего тунгусоязычного населения являются лесостепные районы южной полосы Центральной и Восточной Сибири, во взаимодействии с другими представителями алтайской языковой семьи. В более конкретной форме

¹ Алексеев В.П., Гохман И.И. Указ. соч. С. 32-33.

² Трубникова О.Б. К классификации неолитических серий Северной и Восточной Азии по краниометрическим признакам // Палеоантропология Сибири. М., 1980. С. 103-104.

³ См.: Ермолова Н.В. Природное и историко-культурное пространство эвенкийского этноса // Евразия: этнос, ландшафт, культура. СПб., 2001. С. 160-161.

⁴ Василевич Г.М. Типы оленеводства у тунгусоязычных народов в связи с проблемой расселения по Сибири. М., 1964

этногенез предков современных тунгусо-маньчжурских народов, видимо, протекал в горно-таёжных районах южного Байкала, верхнего Енисея, возможно, ещё Приамурья. Вероятнее всего эти события начали разворачиваться во второй половине неолита, когда вокруг Байкала (особенно в Прибайкалье) жили монголоиды с заметной европеоидной примесью или они представляли первоначальный недифференцированный вариант, объединяющий в своём морфологическом облике монголоидные и европеоидные особенности. Но при этом обращает на себя внимание ослабление элементов европеоидности с запада на восток, а также на юг и на севере от Прибайкалья. Поэтому это население, скорее всего, являлось по своему происхождению метисным. В эпохе ранней бронзы в Прибайкалье продолжали жить непосредственные потомки населения неолитической эпохи.

По археологическим материалам Прибайкалья (XVII-XII вв. до н.э.) была реконструирована А.П. Окладниковым наличие у этого энеолитического метисного населения одежда с нагрудником. Кроме того эти погребения (особенно глазковского времени) были ориентированы, как и поздних тунгусов, по течению реки.

В связи с прибайкальской версией формирования древних прототунгусов, по всей видимости, есть необходимость затронуть генезис т.н. «катангского» антропологического типа, имевшего в Восточной Сибири древнюю местную основу и сыгравшего существенную роль в расогенезе Сибири. Данный тип низколицих монголоидов в настоящее время характеризует эвенков бассейна Енисея, тюркоязычных тофаларов, тувинцев-тоджинцев. По Ю.Г. Рычкову черты этого типа прослеживаются на востоке – в Северном Прибайкалье, Забайкалье, а на западе от Енисея, среди угров и самодийцев. В неолите он был распространен в Приамурье, Южной Сибири, на Байкале. В Якутии в неолите катангский тип представлен материалами из Верхнего Вилюя. Г.Ф. Дебеч происхождение этого типа связывал с лесной зоной Саяно-Алтайского нагорья. Следовательно, формирование пратунгусов могло происходить на территории, лежащей между Саянами и Прибайкальем, в зоне распространения протосамодийских и древнеенисейских (протокетских) этногрупп. Такая постановка вопроса предполагает вновь вернуться к гипотезе С.А. Федосеевой о вероятном проживании прототунгусов в неолите в верховьях Вилюя и о наличии связей части Западной Якутии с Прибайкальем в эпоху неолита¹. Но при всем этом среди современных тунгусоязычных, как отмечалось выше, низколицих (катангский) тип лица встречается в основном у западных (енисейских) эвенков, а для восточных характерен высоколицый (байкальский) антропологический тип черепа, с небольшой примесью катангского². Это, возможно, говорит о том, что пратунгусы были расселены в конце неолита и в эпоху бронзы (до начала I тыс. до н.э.) и на востоке Байкала, где фактически формируется основной антропологический тип тунгусов – байкальский. Так, в частности Н.В. Ермолова ареалом пратунгусского расселения считает горно-таёжные районы Саян и Южного Забайкалья³. Автор права и в предположении о существовании в

¹ Рычков Ю.Г. и др. Генетика и антропология популяций таёжных охотников-оленьеводов Сибири. (Эвенки средней Сибири) // Вопросы антропологии. 1974. Вып. 47. С. 6; Алексеев В.П., Гохман И.И. Указ. соч. С. 43.

² Федосеева С.А. Древние культуры Верхнего Вилюя. М., 1968.

³ Ермолова Н.В. Возвращаясь к тунгусской проблеме... С. 128.

течение некоторого времени после распада праалтайцев неразделенных общностей типа "монголо-тунгусов» и «тюрко-тунгусов».

Начало раннего железного века Якутии определяется концом I тыс. до н.э. Эти события, по всей видимости, не сопровождались заметными этническими перемещениями. Но, тем не менее, примерно в начале (или до середины) I тыс. н.э. сюда проникают "пешие" тунгусоязычные группы (во всех известных ныне памятниках раннего железного века Якутии не обнаружены признаки, свидетельствующие о наличии оленеводства). В частности, об этом говорят железные изделия польцевского (приамурского) типа, а во второй половине I тыс. н.э. зафиксировано мохэское влияние, но при этом новый тип орнаментировки сосудов путем привлечения различных видов штампа генетически был связан с приангарской культурой эпохи раннего железа.

По мнению исследователей, выючно-верховое оленеводство проникает в бассейн Лены в начале II тыс. н.э. со стороны Забайкальско-Приамурского региона.

На Вилюйско-Алданском междуречье пришлые, в начале малочисленные, тунгусы встретились с юкагирами. Эти группы, видимо, осваивали преимущественно среднее и нижнее течения Вилюя, т.к. на ее верховьях, возможно, продолжали обитать пратунгусы катанского типа, расселенные здесь с эпохи среднего неолита.

* * *

Этноним «эвенк» был введен в 1920-е годы, существовавший в начале XX в. в междуречье Ангары и Подкаменной Тунгуски¹.

В первой половине XVII в. в разных местах Центральной и Восточной Сибири русско-тунгусские отношения были очень сложными, особенно в районе Приангарья. Из-за них казацкие атаманы писали московскому царю, что «таких жестоких служб во всей Сибири нет» и что «малыми людьми нельзя быть, потому что малых людей тунгусы ... побивают»². Из этих мест вышли известные предводители тунгусского сопротивления – Данул и Тасе в частности, борьба приангарских тунгусов против русских длилась более 10-и лет, с 1608 по 1619 гг. Все это, по всей видимости, говорит о времени консолидации и этнического формирования тунгусского этноса на рубеже XVI-XVII вв. Но с другой стороны, исследователи (Б.О. Долгих, В.В. Карлов, Н.В. Ермолова) отрицают наличие у тунгусов родоплеменных подразделений. Основной составной единицей у них в XVII-XVIII вв. была, видимо, большая патриархальная семья³. В целом, безродовая форма разложения народов Сибири стала предметом дискуссий еще в 1950-1960 гг. Существовали временные военные объединения с последующим распадом. Тунгусский этнос, по Н. Ермоловой, всегда оставался относительно молодым: каждый раз в нем происходила перестройка составляющих его субэтнических единиц, из которых он выходил в изменившемся, обновленном виде⁴. Иными словами происхо-

¹ Ермолова Н.В. Эвенки Центральной Сибири: социальная организация и этническая структура // Народы Сибири в составе государства Российского. СПб., 1999. С. 70.

² Там же. С. 72-73.

³ Там же. С. 77.

⁴ Там же. С. 161.

дило постоянное обновление этногрупп – распадались устоявшиеся субэтноты и слагались новые.

В бассейне р. Нижней Тунгуски в начале 1620-х гг. кочевали тунгус-буляши около 750 человек, видимо, прибывшие сюда из Вилюя, как полагал В.В. Карлов. В верховьях Нижней Тунгуски жили шаягиры, еще один субэтнос западных тунгусов. В 80-х гг. XVII в. часть буляшей вступила в новый союз с баягирами и передвинулась к северу, в район оз. Ессей. А из Анабара сюда же переселились синигиры и эдяны. Эти тунгусские группы участвовали в Ессейском восстании против произвола ясачных сборщиков (1682-1683 гг.). Затем они откочевали на север, где впоследствии вошли в состав новых этносов – нганасан, долган, северных якутов¹.

В Приангарье еще до прихода русских шло этнокультурное взаимодействие тунгусов с кетоязычными асанами, аринами, коттами в пользу первых². Но спустя столетие из Приангарского региона на север откочевала почти половина тунгусского населения. Они объединились с тунгусами Подкаменной Тунгуски, создали чапагирский субэтнос.

В первой четверти XIX в. среди населения междуречья Подкаменной Тунгуски и Ангары лидирующее положение заняли куркагиры, к началу XX в. возникает новый субэтнос с этнонимом момоль³. По мнению Н.В. Ермоловой, на рубеже XIX-XX вв. и в остальных районах Центральной Сибири происходили аналогичные этнические процессы, связанные с возникновением новых субэтносов у западных эвенков – лемтескиль, кесмаль, баунтаган. Все они, видимо, были объединены вокруг двух этнонимов – эвенки и илэ⁴.

В XVII в. тунгусы, кроме западных (енисейских), заселяли большую часть Байкальского региона. Здесь они численно не намного уступали бурятам⁵.

Исследователи на этнографическом материале установили факт тесного взаимодействия на территории Дальнего Востока лесной тунгусской культуры с культурой местного аборигенного населения. Так, тунгусоязычные нанайцы унаследовали черты местной древней культуры, о чем свидетельствуют неолитическая по происхождению криволинейная орнаментика с ее спиралями и меандром, а также с «амурской плетенкой».

На Среднем Амуре и в соседней Маньчжурии, в плодородных низменностях по Зее, Амуру и в долинах Сунгари и Нонни, тунгусоязычные пришельцы становились земледельцами и скотоводами.

В 719 г. на развалинах Когурё, на территории нынешних Маньчжурии и Приморья возникло государство Бохай. Оно существовало до 925 г., основоположниками его были тунгусские племена⁶.

¹ Там же. С. 102.

² Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 205-206.

³ Ермолова Н.В. Эвенки Центральной Сибири... С. 149.

⁴ Там же. С. 152.

⁵ См.: Павлинская Л.Р. Еще раз об этнической истории Байкальского региона // Сибирь: древние этносы и их культуры. СПб., 1996. С. 65-66.

⁶ Березницкий В.В. Об этногенезе тунгусо-маньчжуров Дальнего Востока // Сибирь: древние этносы и культуры. СПб., 1996. С. 152.

Самым северным мохэским этносом являлись племена, расселенные по берегам Амура от устья Сунгари до устья Уссури. Они до конца сохранили свой суверенитет от Бохайского государства. В китайских источниках их называли *хэншуй мохэ*. В X в. среди них выделилось племя *нюйчже* (чжурчжени), потомки легендарных *сушеней* юга Маньчжурии¹. Как отмечалось выше, в X-XI вв. чжурчжени стали главным этносом Восточной Маньчжурии, Приморья и Приамурья. В XIII в. государство было разгромлено монголами и этнические процессы на Дальнем Востоке приобрели другое направление. По мнению специалистов, значительную часть Приамурья в XII населяли чжурчжени – удигэ².

К началу XVII в. родоплеменное объединение чжурчженей под началом Нурхаци обретает политическую стабильность. Возникает маньчжурская письменность и происходит отделение их от Минского Китая. В 1616 г. возникает новое независимое государство Маньчжурия.

Во время чжурчженского этапа (XI – первая треть XIII в.), как считает В.В. Березницкий, происходит формирование основных этнокультурных компонентов, характерных для современных тунгусских народов юга Дальнего Востока.

В маньчжурско-удигэйском этапе (30-е годы XIII-XVII вв.) происходило внедрение в лексику маньчжурских чжурчженей огромного числа монголизмов. А чжурчжени-удигэ нашли от монголов убежище в дебрях уссурийской тайги, перейдя от скотоводства и земледелия к присваивающей. Аналогичные процессы в это время происходили с теми чжурчжениями, которые были переселены монголами в Приморье. Они вступили в этнические связи с местным населением – с нивхоязычными гилэми и монголоязычными шибэрами. «Все эти обстоятельства, - пишет В. Березницкий, - обусловили в конечном итоге появление, с одной стороны, маньчжуров, а с другой – близких между собой по языку и культуре удэ-гэйцев, орочей, нанайцев и ульчей»³.

Негидальцы – одна из самых малочисленных (наряду с ороками и орочонами) тунгусоязычных народностей. В начале XX в. они проживали недалеко от устья Амгуни и на р. Амгуни, левом притоке Амура.

Негидальский язык считается отдельным языком и в генетическом плане он ближе стоит к эвенкийскому. Как считают М. Хасанова и А. Певнов, оба языка выходят к некоему уже не существующему языку, который также принимал участие в формировании некоторых юго-западных эвенкийских диалектов (например, подкаменно-тунгусского). Именно к ним, по всей вероятности, ведут от негидальского языка некоторые изоглоссы, обнаруживаемые в основном в лексике. Поэтому негидальцы пришли на берегах Амгуни через территорию Якутии⁴.

В конце 1630-х годов началось присоединение к Московскому государству земель Дальнего Востока. После похода В.Д. Пояркова к якутскому воеводе

¹ Там же.

² Там же. С. 159-160.

³ Там же. С. 162.

⁴ Хасанова М., Певнов А. Мифы и сказки негидальцев. Осако, 2003 (Osahito, 2003) / Исследования по тунгусоведению. 21. С. 285.

П.П. Головину стало известно, что берега Амура заселены фактически ни от кого не зависящими племенами. В 1649 г. на Амур был отправлен отряд Е.П. Хабарова.

В середине XVII в. по Верхнему Амуру проживало довольно многочисленное даурское племя, дючеры располагались на бассейне Сунгари. Происходил процесс ассимиляции даурами дючеров.

В соответствии с Нерчинским договором в 1689 г. русские покинули Амур и только в 1858 г. Россия вновь присоединила к себе Приамурье¹.

На побережье Охотского моря тунгусы появились примерно в XV-XVI вв., разделили коряков и нивхов, до этого живших на сопредельных районах. Тунгусский язык в дальнейшем оказал весьма сильное влияние на лексику нанайцев, орочей и удэгейцев, связанную в основном охотничьим промыслом.

В XVII в. в Приамурье и Приморье проживало около десятка этносов, общее количество которых составляло более 40 тыс. человек². Из них только дючеры занимались земледелием.

В 1860 годы с Охотского побережья на Сахалин начали переселяться эвенки.

* * *

Ко времени появления русских большая часть Якутии была заселена тунгусами, состоявшими из отдельных т.н. «родов» или «генеалогических групп и союзов». Н.Н. Степанов выделил среди них киндигирцев, кочевавших по Олекме и Верхнему Алдану: нанagirцев – от Нижней Олекмы до Вилюя; шелогонцев, футлядов – по левым притокам Вилюя, калтакулов – по Нижнему Вилюю, ижиганцев, адянов (азянов) и синигирцев – в бассейне Оленка и Анабара. Верхний и Средний Алдан занимали лалагирцы, азяны, тугочары. К востоку от Алдана и вплоть до Охотского побережья – горбиканцы, годниканцы, уяганцы и долганцы. Каждый из этих объединений состоял в целом из 100-200 ясачных плательщиков³.

К востоку от Нижней Лены, в бассейнах Яны, Индигирки и Колымы, преимущественно по верхним течениям этих рек, кочевые ламуты, предки современных эвенов. Названия этих этногрупп совпадали с названиями тунгусов Охотского побережья в XVII-XVIII вв. Основываясь на это обстоятельство, проф. Н.Н. Степанов первоначальное происхождение ламутов северо-востока Якутии связывал с Охотским побережьем.

Борьба тунгусов против злоупотребления ясачных сборщиков продолжалась до конца XVII в. Отношения их с якутами в это время оставались довольно сложными: в XVII-XVIII вв. продолжалось продвижение якутов по Алдану и Вилюю, по тунгусским землям. Этот процесс шел медленно и постепенно. Происходило смешение якутов с тунгусскими группами по мере продвижения их на север. На Оленке и Анабаре в результате этих процессов постепенно сформировались т.н. «северные якуты».

¹ Березницкий В.В. Этапы освоения русскими Приамурья и Сахалина (XVII-XIX вв.) // Народы Сибири в составе государства Российского. СПб., 1999. С. 337.

² Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640-1917). Историко-демографический очерк. М., 1985. С. 34.

³ См.: История Якутской АССР. Т. II. Якутия от 1630-х годов до 1917. М., 1957. С. 95.

Со второй половины XVIII и до середины XIX в. на территории Якутии произошло определенное чередование этнических процессов – распад старых этногрупп тунгусов и сложения новых. Так, по данным Н.Н. Степанова, в это время по Верхнему Вилюю кочевали брагатский, угулятский и шелогонский роды. Средне-Вилюйской зимовье подчинялись кильтянцы, жегунцы, эженцы; Жиганскому – эженцы, бетинцы; Верхоянскому – мэмильцы и др. семь родов; кочевавшие между Вилюйским и Олекминским, числились особо. В пределах Зашиверского и Колымского комиссарств кочевали ламуты, всего 520 муж. душ. А по данным переписи Первой ясачной комиссии в Якутском уезде было около 5 тыс. тунгусов и около тысячи ламутов¹. При всем этом отдельные группы тунгусов нередко откочевывали из центральных районов Якутии к Амуру и Нелькану, а из Вилюйского округа уходили в Туруханский округ.

Во второй половине XIX в. тунгусы Вилюйского округа кочевали в Верховьях Вилюя и к северу от него. В Якутском они проживали в юго-западной части округа (это по верхнему Алдану, Амге, Ботоме, Мае). Часть маинских тунгусов начала заниматься скотоводством. В Олекминском округе тунгусы кочевали повсюду, за исключением приленских районов².

В XIX в. ламуты продолжали жить в бассейне Колымы, Индигирки, Яны и Омолоя. В целом, по переписи 1897 г., в Якутской области насчитывалось 13,4 тыс. человек, из них ламуты составляли 2,4 тыс.³

Территориальная перетасовка административных родов и их дробление создавали предпосылки для объединения по новому – территориальному принципу. Необходимость временных объединений вытекала из особенностей комплексного хозяйства тунгусов. Такие объединения включали до 15 и более хозяйств, для коллективного рыболовства, для организации совместного выпаса оленей.

В XIX в. в результате широкого расселения якутов по всей области большие размеры приняла ассимиляция тунгусов якутами. Особенно сильно этим процессом были охвачены маинские и вилюйские эвенки. Они перешли на якутский язык. А на северо-востоке ламуты смешивались с юкагирами, возникали смешанные ламутско-юкагирские роды.

В западной и южной части Якутии в XIX в. миграция эвенков шла в сторону Верхнего Приамурья, в западные отроги Станового хребта. Преимущественно это были нинаганский и соллогонский роды.

В начале 1840-х гг. с Алдана на Верхний Амур мигрировали беллеты и баягры. В целом, миграции эвенков в Верхнем Приамурье были связаны с продвижением Кангаласских тунгусов⁴.

Итак, во второй половине XIX в. на территории Якутской области происходил процесс смешения тунгусского населения с якутским. Так, на север-западе, как вскользь отмечалось выше, на основе смешения с якутами и частично с русскими старожилами сложились две новые общности – северные якуты-оленоводы и

¹ Там же. С. 206.

² История ЯАССР. Т.2. С. 324; Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985. С 184-194.

³ История ЯАССР. Т. 2. С. 224.

⁴ Дьяченко В.И., Ермолова Н.В. Эвенки и якуты юга Дальнего Востока XVII-XX вв. СПб., 1994. С. 16..

новый долганский этнос. При этом формирование долган происходило на Таймыре и Хатанго-Ленском междуречье. Их составные части прибыли сюда в разное время, из других районов Сибири. Возникновение нового этноса «долган» первыми зафиксировали А.Ф. Миддендорф и А. Кастрен, К. Бэр. В этом процессе принимали участие с запада илимпейские тунгусы, ессейские якуты, русские старожилы, с востока обьякученные русские, вилюйские тунгусы, ламуты¹.

В начале XX в. необьякученное тунгусское население сосредоточилось, по данным В.А. Туголукова, в самых западных районах региона – к западу от Анабара. Но и там на родном языке говорило всего около 27% всех местных эвенков.

На рубеже XIX-XX вв. онакутское, калтагарское, брагатское (нюрбаганское), сологонское, угулятское объединения тунгусов Вилюя превратились в якутские наслега. А потомки, оставшихся на Лене эдиганов, были известны в начале XX в. под названием «жиганский род» и входили в 3-й Хатагинский наслег Жиганского улуса².

В усилении якутского влияния на эвенков исследователи находят свое объяснение в резком уменьшении численности тунгусского населения Якутского округа в конце XIX в. По сравнению с данными 1858 г., материалы по переписи 1897 г. зафиксировали здесь сокращение численности тунгусов на 20% (1168)³. В уменьшении численности немаловажной причиной послужила их обьякучивание при переходе к оседлости. Местом наибольшего воздействия саха на тунгусов явилось междуречье Амги, Алдана и Май.

Самые западные из североохотских тунгусов, расселенные по среднему течению Алдана, были в значительной степени ассимилированы якутами и в конце XIX в. почти не отличались от последних ни в хозяйственном отношении, ни по языку и занимались скотоводством и земледелием.

В.Н. Васильев в 1920-х гг., проезжая по Мае и встретив по пути 76 хозяйств, не обнаружил ни одной якутской семьи. Однако отмеченные им 3-4 хозяйства русских так же, как и остальные эвенкийские, были совершенно обьякученные, говорящие на языке саха и перенявшие даже якутские верования⁴.

Тунгусы, рассеянные в верховьях Май и до Охотского побережья, к началу XX в. испытали незначительное якутское влияние, сохраняя в целом свою традиционную культуру. Все они говорили и по-тунгусски и по-якутски.

Таким образом, в среде тунгусов постоянно происходил распад старых этногрупп и сложение новых за счет этнической эволюции.

¹ Дьяченко А.И. Формирование долган в процессе исторических связей тунгусов, якутов и русских // Народы Сибири в составе государства Российского. СПб., 1999. С. 272, 329.

² Гоголев А.И. История Якутии. Якутск, 2000. С. 143.

³ Дьяченко В.И., Ермолова Н.В. Указ. соч. С. 36.

⁴ См.: Там же. С. 37.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Происхождение и этническая история якутов до начала XIX в.

Среди тюркских народов якуты (самоназвание «саха») занимают весьма своеобразное положение, которое характеризуется особенностями языка, традиционной культуры и физического облика. Несмотря на принадлежность якутского к тюркским языкам, в нем прослеживается большой процент слов монгольского происхождения. Вместе с тем якутский язык относится к числу древних тюркских языков и, возможно, с этим связано наличие в его словарном составе около 10% слов неизвестного происхождения.

Предположение о южном происхождении якутов выдвинули ученые и путешественники XVIII века (Ф. Страленберг, Г. Миллер, Э. Фишер, Я. Линденау)¹. Оно подтвердилось в трудах исследователей XIX в. (Р.К. Маак, А.Ф. Миддендорф, В.Л. Серошевский и др.)². В 1930-х годах Г.В. Ксенофонтовым предпринимается первое монографическое изучение «древней истории якутов»³, но оно осталось незавершенным: в опубликованной книге автор предложил свой вариант по сложению двух этнических групп якутов – северных и вилюйских. А общее положение концепции этногенеза Г.В. Ксенофонтова изложено в виде конспекта.

Изучением происхождения якутов занимался А.П. Окладников. Основные идеи и материалы автора по данному вопросу воплощены в виде отдельных глав в его фундаментальной работе по древней истории Якутии⁴.

Данной проблеме посвятили специальные статьи И.В. Константинов и И.Е. Зыков⁵. Кроме того, различные аспекты происхождения народа затрагивались в историко-этнографических, языковедческих и антропологических исследованиях о якутах и все это привело к тому, что по этногенезу якутов сложилась своя историография. Из нее видно, что исследователями определен круг древних и средневековых этносов, так или иначе принимавших участие в формировании якутов. Высказаны различные предположения и концепции по данному вопросу. Но все они, за исключением работ А.П. Окладникова, И.В. Константинова, строились на узкой источниковедческой базе. Основная причина ее узости была в отсутствии местных археологических материалов ниже XVI-XVII вв. Это положение несколько улучшилось в 1970-1990-е годы, когда на территории Центральной Якутии были обнаружены скотоводческие поселения, датируемые XIV-XVI вв.⁶ Появилась возможность сопоставить этот материал со средневековыми археологическими комплексами из сопредельных территорий Сибири, Дальнего Востока и

¹ См.: Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар. (Очерки древней истории Якутии). Иркутск, 1937. С. 5-37; Гоголев А.И. Якуты: проблемы этногенеза и формирования культуры. Якутск, 1993. С. 6-7 и др.

² Там же.

³ Ксенофонтов Г.В. Указ. соч.

⁴ Окладников А.П. История Якутской АССР. Т. I. Якутия до присоединения к русскому государству. М.; Л., 1955. С. 227-365.

⁵ Константинов И.В. Происхождение якутского народа и культуры // Якутия и её соседи в древности. Якутск, 1975. С. 106-173; Зыков И.Е. Основные этапы этнической истории якутов по данным археологии // Полярная звезда. 1978. № 5. С. 128-132 и др.

⁶ Гоголев А.И. Распространение по Средней Лене скотоводства и проблема этногенеза якутов // Историческая этнография: традиции и современность. Л., 1993. С. 73-78 и др.

Центральной Азии, иными словами, на основе этого сопоставительного материала проверить ранее высказанные предположения по этногенезу якутов и проводить целостное исследование этой проблемы с привлечением языковых, этнографических, фольклорных и антропологических материалов¹.

В 1990-х годах на основании анализа нового археологического материала А.Н. Алексеев пришел к выводу о значительном участии автохтонного населения в сложении якутской народности и сохранении в её культуре многих палеоазиатских элементов, отразившихся в облике материальной и духовной культуры саха. «Проникновение тюркских групп в Якутии, - пишет он, - не было тотальным, соответственно и тюркизация местных этносов была процессом длительным и многоэтапным»². Автор выразил согласие с выводами Г.В. Ксенофонтова о длительной, поэтапной колонизации Ленского края южными предками якутов³.

Точку зрения автохтонного происхождения якутов придерживается известный якутский этнограф С.И. Николаев-Сомоготто. Он фактически отрицает участие тюркоязычных групп в формировании саха, так как по его мнению, каждый якутский род имеет связь с угро-самодийскими и майато-индейскими общностями⁴.

В начале XXI в. по этногенезу якутов опубликованы работы, в которых излагаются оригинальные авторские взгляды по данной проблеме. Среди них особенно нужно выделить статьи известного филолога проф. Н.Е. Петрова. В них возрождена дореволюционная, т.н. миграционная теория по происхождению саха. Процесс этногенеза сводится к простой миграции сложившегося в Прибайкалье народа⁵ на Среднюю Лену.

Таков краткий обзор историографии проблемы.

Истоки этногенеза.

Как принято считать, этногенез – это вся совокупность исторических явлений и процессов, которые имеют место в ходе формирования народа и приводят к сложению его этнического лица. Вместе с тем этногенез не только формирование этнической общности, но и сложение определенного комплекса культуры, рассмотрения условий, способствовавших консолидации этих компонентов и возникновению этнического самосознания. Конечным результатом этногенетического процесса является сложение народа в окружении определенной географической среды и ландшафта.

Происхождение каждого народа протекает в длительное время во взаимообразии разновременных и разнородных процессов. С этой точки зрения процесс складывания якутской этнокультуры можно разделить на два этапа – формативный, "доэтнический" (явление субстратное), выявление истоков этногенеза и

¹ Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV-XVIII вв.). Иркутск, 1990; Он же. Якуты: проблемы этногенеза и формирование культуры. Якутск, 1993; Он же. Отражение древних алтае-индоевропейских связей в культуре и языке якутов // Вопросы истории. 1998. № 11-12. С. 113-118 и др.

² Алексеев А.Н. Происхождение якутского народа. (По новым археологическим данным) // Ученые записки ЯГУ. Серия: гуманитарные науки. Якутск, 1994. С. 125-130.

³ Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. Новосибирск, 1996. С. 45-60.

⁴ Сомоготто С. Происхождение якутского народа. Якутск, 1995. С. 86-87.

⁵ Петров Н.Е. Из древней истории народа саха (на якут. яз.). Якутск, 2003 и др.

реально-исторический, "этнический", в конце которого происходит оформление народности.

В формативном этапе создавались предпосылки возникновения определенных "стартовых" компонентов будущей этнокультуры. В некоторых случаях предпосылки этногенеза брали свое начало от нескольких культурно-исторических общностей, базировавшихся на отдельных семьях языков. С данной позиции и истоки якутской этнокультуры уходят своими корнями в общую региональную культуру ранних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Эта культура оказала большую роль в становлении современных тюркоязычных народов Сибири, киргизов и казахов, т.е. "этногенетического пучка", под которым в отечественной этнологии понимается группа народов, связанных между собой общим генезисом. Для указанного круга народов этим "этногенетическим моментом" или условной точкой отсчета этногенеза стала эпоха скифо-сибирского культурного единства. Фактически продолжавшегося и в последующее гунно-сарматское время. Условно этот компонент называется "скифо-хуннским".

В раннескифскую эпоху (VII-V вв. до н.э.) на севере Центральной Азии сформировались два больших этнокультурных ареала – *восточный*, преимущественно монголоидный, включающий бассейн Байкала, Восточную и Центральную Монголию – культура плиточных могил и *западный*, европеидный, охватывающий Западную Монголию, Туву и Алтай – "культура с каменными набросками"¹. Таким образом, особенно с карасукского времени населения Западной Монголии и Южной Сибири проявляло определенную близость со скотоводческими ираноязычными племенами Восточного Туркестана, Памира и Средней Азии. В этой связи интересно предположение Г.Л. Членовой о том, что в конце VI – начале V в. до н.э. в Минусинскую котловину вторгаются значительные отряды людей из западных областей Казахстана или Средней Азии. Они принесли с собой чуждый тагарскому искусству звериный стиль и новые изображения оленей, волков, аргали. По мнению автора, это были саки, производившие свое самоназвание от названия оленя (*saka*)².

С VIII-VII вв. до н.э. в Туве начинается раннескифское время – алдыбельская культура скифского типа, сходная с майэмирским на Алтае и тасмолийскими памятниками Казахстана. В V-III вв. до н.э. здесь начинается скифский этап, представленный саглынской культурой, которую сопоставляют с пазырыкской на Алтае³.

В Горном Алтае во второй половине I тыс. до н.э. ярко расцветает знаменитая пазырыкская культура, население которой является одним из вероятных компонентов в этногенезе алтайских тюрков⁴.

¹ Волков В.В. Уламгинский могильник и некоторые вопросы этнической истории монголов // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1964. С. 63-72; Коновалов П.Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). Улан-Удэ, 1999. С. 7-18

² Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. II. Л., 1970. С. 219-220

³ Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. С. 38-93.

⁴ Малолетко А.М. Топонимы Большереченского времени в бассейне Верхней Оби // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Тезисы докл. Омск, 1987. С. 138-140; Он же. Топонимистические свидетельства пребывания саков на Алтае // Проблемы археологии степной Евразии: Тезисы докл. Ч. II. Кемерово. 1987. С.52-53.

Вышеприведенное обстоятельство позволяет предположить наличие ирано-сакского и тохарского влияния (этнического суперстата) в становлении древнетюркской культуры.

Итак, во второй половине I тыс. до н.э. в степях Евразии, развивалось скифо-сибирское культурно-историческое единство, включавшее на западе степные районы Причерноморья вплоть до Дуная, степное Предкавказье и Приволжье, а на востоке – степи Южного Приуралья, Казахстана, Южной Сибири и Монголии. Это общее выражалось в единстве т.н. "скифской триады": в некоторых предметах вооружения, конской сбруи, "зверином стиле", но с наличием значительных местных особенностей.

Исследователи давно уже высказывали идею преемственности многих черт культуры древних тюрков от предшествующего скифо-сибирского этапа. Она проявляется в хозяйстве, культуре древних тюрков и связанных с ними современных народов Сибири. Ниже остановимся на некоторых из них, в основном, на примере якутской культуры.

В хозяйстве и материальной культуре. Многие элементы скотоводческого хозяйства скифо-сибирского периода и хозяйственные навыки, выработанные в то время, в дальнейшем передавались последующим поколениям обитателей великого степного пояса. Так, на Алтае, в Туве и Хакасии они проявляются, например, в способе доения кобыл с применением костяных трубочек, описанных еще Геродотом у скифов. В качестве намордников у этих народов и сейчас используются специальные дощечки с острыми зубчатыми концами, подвязываемые на мордочки телят и жеребят. Все эти навыки, выработанные в период раннего кочевничества, до недавнего времени сохранялись у якутов¹.

В хозяйстве пазырыкцев Горного Алтая, сагылинцев Тувы для шитья применялись сухожильные нити и конские волосы. Из этого материала свивали арканы и веревки. Изготавливались большие сумы типа переметных из хорошо выделанной кожи, меховые нагрудники², мягкая кожаная обувь. Все эти вещи составляют определенную часть материальной культуры якутов и других тюркских народов Сибири, а также казанских татар³. Кроме того, женская шапка дьябака по своей форме близка фасону скифо-сакского головного убора.

С этим периодом связывается распространение у племен Саяно-Алтая железного тесла. С хуннского времени он входит в широкий обиход у народов Центральной Азии и Южной Сибири. Последующие эпохи до начала XX в. железные тесла у народов указанного региона, а также у якутов сохраняются как один из основных орудий труда для обработки изделий из дерева. К этим древностям, видимо, относится также якутский однолезвийный черешковый нож. Одновременно с ними в скифское время на Алтае распространяются проволочные серьги в виде

¹ Каралькин П.И. О древнейшем способе доения скота у сибирских кочевников. (По материалам Алтая и Тувы) // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 46.

² До начала XX в. алтайские шаманы надевали меховые нагрудники весьма близкие к катандинскому. (См.: Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. М., 1893. С. 46).

³ См.: Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948. С. 58-60; Сулейманова-Валеева Г.Ф. Древнеалтайские параллели в народном искусстве казанских татар // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: Тезисы докл. XXIX сессии PIAC. Ташкент. М., 1986. С. 110-111.

знака вопроса¹. У скотоводов Лены они сохранялись до начала XIX в. Женщины древнего Алтая на правое ухо нанизывали по две таких серьги, на левое – одну. Подобный обычай ношения серег зафиксирован в якутских женских погребениях XVIII в.²

В погребениях пазырыкцев встречены гривны плоской и круглой витой формы. Несколько отличные от них гривны, концы которых соединялись кожаными ремешками, бытовали в это время в Туве³.

Из всех тюркоязычных народов гривны сохранились только у якутов. Якутские гривны соединялись на концах кожаными ремешками. Они считались атрибутами замужних женщин, знаком их зрелости и в какой-то степени знатности. Но в старину гривну носили также известные воины-беги. Так, в одном мужском погребении XVII в., по преданиям, принадлежавшим богатырю Суор-Бугдук, была обнаружена шейная гривна из бронзы⁴. Напомним, что в скифских погребениях гривны обнаруживаются лишь в погребениях знати, также как захоронения с конем (22% всех могил)⁵.

В пазырыкских курганах найдена обувь из выделанной кожи, на подошве без подметок и каблуков, в носке кожа присборена. Для украшения применялся бисер, нанизанный на тонкую крученую сухожильную нить. Близкие традиции в изготовлении обуви сохранялись у якутов до XX в.

Деревянные сосуды саглынской скифской культуры в Туве, синхронной с пазырыкской, изготовлены в большинстве случаев из корня березы⁶, как это наблюдалось намного позже у якутов и других тюркоязычных народов Сибири.

А.П. Окладников полагал, что форма скифских котлов определенным образом повлияла на конфигурацию якутских деревянных чоронов. В дальнейшем исследователи подтвердили это положение и пришли к выводу, что своеобразная форма чорона на поддоне – результат слияния форм скифского котла и якутской посуды типа матарчах⁷. Следует к этому добавить, что скифы готовили кумыс в деревянной посуде. Ручка одной из деревянной посуды из Пазырыка оформлена в виде копыт лошади⁸, как ножки поздних якутских чоронов.

Скифские котлы «...несли смысловую нагрузку, а именно, были «символами единства», в данном случае единства патриархальных семей-кошей...»⁹. Вполне вероятно, что из таких котлов в круговую, как это принято на якутском обрядовом празднике ысыах, кошевое общество пило забродившее кобылье молоко-кумыс, любимый и общераспространенный напиток номадов. И в этом отношении чорон, большой деревянный кубок, пускаемый в круг празднующих людей, мог символизировать также их единство перед богами, у которых посредством жреца, айыы

¹ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1951. Табл. 32, № 4, 9.

² Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII века. (По материалам погребений). Якутск, 1971. С. 81.

³ Грач. А.Д. Указ. соч. С. 36.

⁴ Константинов И.В. Указ. соч. С. 79

⁵ Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев, 1986. С. 352.

⁶ Грач А. Д. Указ. соч. С. 34.

⁷ Потапов И.А. Якутская народная резьба по дереву. Якутск, 1972. С. 62-63.

⁸ Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. С. 44

⁹ Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982. С. 22-23.

ойуна, испрашивали благополучие и размножение конного и рогатого скота. В языческих погребениях якутов обнаружены чороны архаичной формы, похожие на скифский котел¹.

Эти древнейшие истоки в культуре прослеживаются и в декоративно-прикладном искусстве якутов, испытавшем влияние «звериного стиля», этого общего достояния скифо-сибирского времени. В его основу положено изображение реальных или мифических животных в определенной позе или в борьбе между собой. Пережитки этой далекой традиции прослеживаются в народном искусстве тувинцев, кочевников Северного Тибета, связанных с саками, у алтайцев, монголов и др.² Реминисценции его, как полагаю, проявляются и в традиционном искусстве якутов³. «Из всех тюркских народов, - писала по этому поводу немецкий этнограф У. Йоханзен, - только у якутов повторяются пазырыкские мотивы в орнаментике»⁴.

Интересен в этом плане мифический образ огромной сказочной птицы из эпоса – «халлаан кэй кыыла, бар кетөрө», грифона, крылатого зверя-барса, полуптицы. Бар-өксөкү – буквально «птица-барс» (як. *бар* соответствует алтайскому *бар*, обозначающему тигра, пантеру или льва. Основой их послужило иранское слово *парс* = *барс* «пантера»). В олонхо «Ала Булкун» облик самого героя описывается с использованием эпитета «козлиная спина, крючковатые когти, махающие крылья, развивающийся хвост, тревожная ярость»⁵.

Раннекочевнический субстрат обнаруживается и в верованиях якутов: в деталях обряда погребения с конём, в конструктивных особенностях погребальных сооружений, в культе коня.

Древнее индоарийское влияние прослеживается в мифологических представлениях якутов: в космогонических и эсхатологических мифах теонимах, образе мирового дерева, мифологических терминах⁶. Эти слова почти целиком относятся к архаической лексике эпоса⁷ и верованиям⁸. Притом, как выяснил Е.С. Сидоров, санскритские параллели преимущественно исходят из древнего ведического источника, восходящего к древнейшему индоевропейскому праязыку. Таких параллелей в якутском языке – более двухсот основ и корней⁹. Напомню, что «Веды» – памятник древнеиндийской литературы конца II – начала I тыс. до н.э. и состоит из сборников гимнов и жертвенных формул. В этом плане интересной иллюстрацией могут послужить слова *аар*, *кудук* и соответствующие к ним индоиранские термины. Так, в системе айы своё особое место занимает термин *аар*. Э.К. Пеккарский объясняет его в четырех близких по значению, но отдельных значениях: 1) лучший в своем роде, 2) почтенный, 3) громадный, 4) чистый, священный,

¹ Потапов И.А. Указ. соч. С. 54, 57.

² См.: Там же; Кореняко В.А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. М., 2002. С. 26-75.

³ Гоголев А.И. Скифо-сибирские истоки традиционной культуры якутов//Скифо-сибирский мир: искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 143-149.

⁴ Johansen U. Die ornamentik der jakuten. Gamburg., 1954. С. 135.

⁵ Захаров Т.В. – Чээбий. Ала – Булкун. Якутское олонхо. Якутск, 1994. С. 11.

⁶ Гоголев А.И. Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. Якутск, 2002. С. 6-36.

⁷ Сидоров Е.С. Санскритско-якутские параллели. Якутск, 1992.

⁸ Гоголев А.И. Якуты. С. 23-24.

⁹ Сидоров Е.С. Указ. соч. С. 4-21.

божественный. Эти понятия иллюстрируются следующими примерами: **аар мас**, почтенное, громадное, крепкое дерево в лесу; **аар тойон ага**, почтенный (высокий, важный) господин отец, Высший господь, **Аар Айыы тойон**, высшее божество, творец и верховный правитель мира, зиждитель жизни на земле, орошающий землю. Виновник обилия корма; творец мира¹. У древних тюрков *аар* имело форму *ары*, чистый; нравственно безупречный, благородный; истинный, праведный, священный; чистая, дозволенная пища².

В современных тюркских языках основная форма этого слова *ары=ари*, чистый, невинный, благородный. Оно восходит к синкретичной основе *ар-аар*³.

Судя по значению этого слова, сохранившегося в одном из древних (из ныне существующих) тюркских языков – чувашском **ыра**, первоначально оно, видимо, использовалось в значении «доброе божество», «доброе начало в природе».

В существующей литературе якутское **аар** производится от санскритского *arja*, благородный, арий. Е.С. Сидоров со ссылкой на Л.А. Лелекова подчеркнул, что эпитет *arja* в «Ведах» прилагался к божествам. К этому следует добавить еще осетинское **ард**, божество (осетины считаются остатками древних ираноязычных скифов).

Однокоренными и семантически близкими **арйа** является ведическое **арта** и иранское **рта**, означающие понятия «порядок», гармоническое соответствие всех частей некоего целого, как правового, религиозного и нравственного сознания древних индоевропейцев. По Э. Бенвенисту, **арт** «порядок», которому подчинены как устройства мира, движения светил, смена времен года и течение лет, так и отношения между богами и людьми⁴. Все, что касается человека и мира, находится во власти «порядка», т.е. религиозная и нравственная основа всего общества, вселенной. Без этого принципа все возвратилось бы к первоначальному хаосу. Все названные формы (в частности **рта** и **арта**) относятся к корню **ар**.

Якутский термин **аар**, несомненно, имеет этимологическую связь с общеиндоевропейской основой **ар**, **арта** «божество», «порядок». Первоначальная семантика як. **аар**, так же, как и в древнеиндоевропейских языках, исходила из понятия «первопричинный порядок», т.е. тот Вселенский порядок, образовавшийся в результате распада первоначального хаоса. Притом на уровне первой половины I тыс. до н.э. в среде восточных ираноязычных кочевников (скифов = саков) **ар** в форме **ард** уже обозначало понятие божества. Примерно к этому времени у ведических индоариев термин **арта**, обозначал сакральное речение идеального характера и имя божества внешней упорядочивающей силы. Якутское **аар**, видимо, сохранило более древнее индоарийское состояние этого сакрального термина. Поэтому **Аар Тойон** или **Аар айыы тойон** является высшим божеством, (в отличие от Юрюнг Айыы тойона, божества солнца). К этому семантическому ряду, видимо, относятся следующие якутские слова: **аартас** «молить, умолять кого о чем», «уговаривать»; **ардах** в дословном «дождь», но этимологически

¹ Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. 2-ое изд. Л., 1968. Стб. 126.

² Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 51-52.

³ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974. С. 185-186.

⁴ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: Пер. с франц. М., 1995. С. 299.

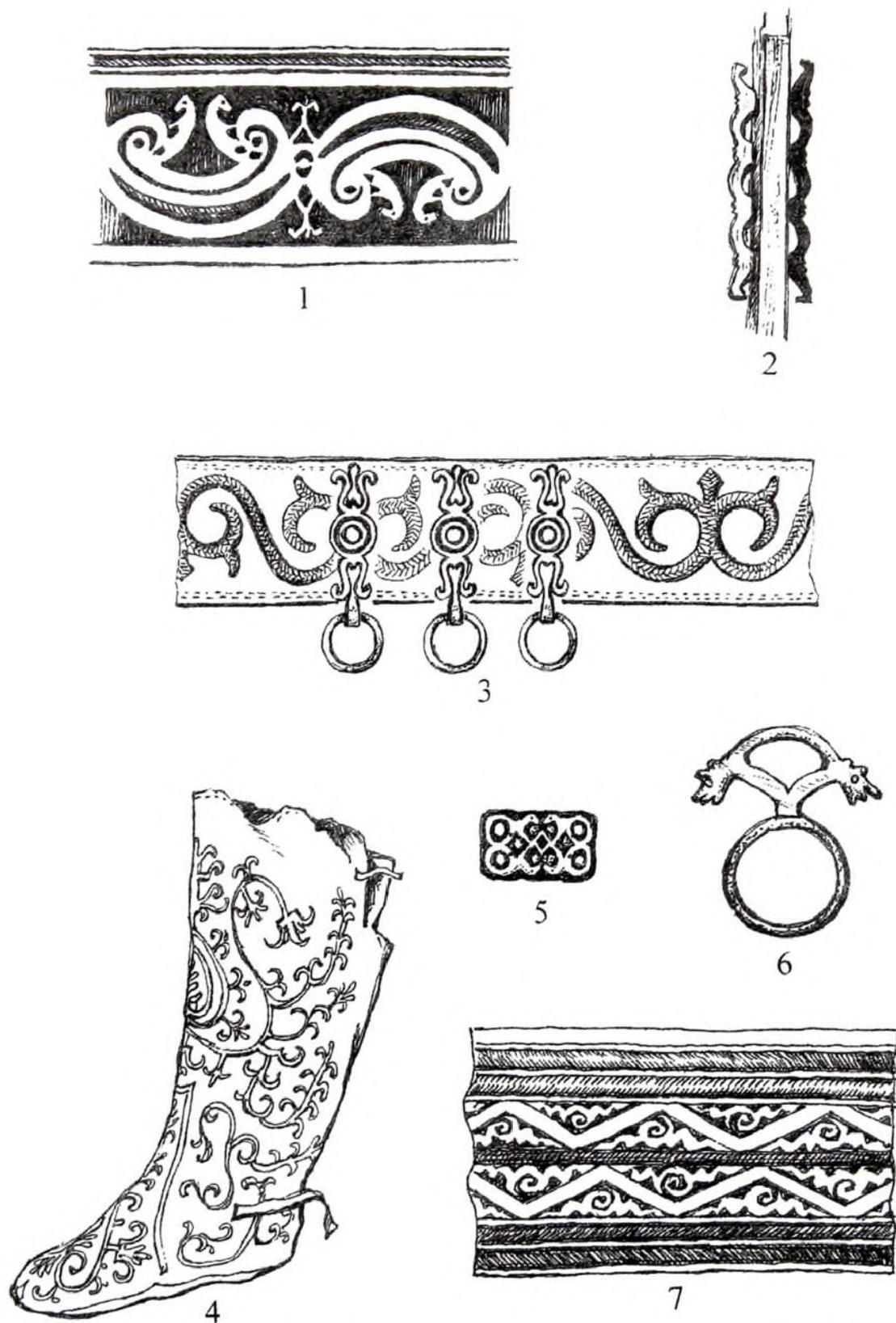

Рис. № 1. Реминисценции скифо-сибирского «звериного стиля» в культуре саха XVIII-XIX вв.: 1. Фрагмент гравировки на серебряной рукоятке плетки; 2. Украшение на верхней части деревянного креста (XIX в. Вилюйский улус); 3. Фрагмент мужского ремня из погребения XVIII в.; 4. Женские торбаса из погребения XVIII в.; 5. Звено медной цепочки из погребения XVIII в.; 6. Медное украшение из погребения XVIII в.; 7. Фрагмент медного обклада передней луки седла из погребения XVIII в.

«благодаяние неба, его божества **Аар тойона** (ar + dan(x) – течь, «божественная течь» или **ар + таммах** = ар + да + мах); **ары** дословно «масло», этимологически возможно «чистая, небесная пища»; **арчы** «пучок зажженных лучинок из дерева, разбитого молнией, употребляемый при окурировании с целью освящения... **аарах**, приправа из парного молока и небольшого количества сливок к кумысу»¹.

Слово **кудук** встречается в словаре многих современных тюркских языков. Так, например, у киргизов, казахов и башкир оно используется в значении «колодец»². В словаре тюркских наречий акад. В.В. Радлова слово дается в трех значениях: колодец; источник (в телеутском яз.); прорубь во льду (в алтайском яз.)³.

В первом словаре тюркских языков, составленном в XI в. Махмудом Кашгарским, Quduq дается в одном значении – колодец⁴. Оно включено и в «Древнетюркском словаре»: Quduq 1, колодец; Quduq 2, берег⁵.

В якутском языке слово **кудук** сохранило свое первоначальное значение – «изобилие»⁶. Оно относится к числу архаических и в настоящее время почти не употребляемых слов языка. Это – язык религии, олонхо – эпоса, ритуальной лексики. В ней сохранилось много реликтовых основ дотюркского происхождения.

Основываясь на этом небольшом экскурсе можно попытаться вывести основу слова **кудук** из индоевропейской лексики, в частности древнегреческого kudos, относящегося к языку эпика (гомеровский стиль), и из древнеславянского sudo. Общее для этих слов основное значение «сверхъестественная сила». Kudos обозначает также нечто, что дает божество, дар божественный⁷. Аналогичные слова, видимо, имеются и в лексике индоиранских языков.

На основании приведенных данных возможно следующее предположение относительно этимологии слова **кудук** с первоначальным значением «изобилие» или «источник изобилия». Его следы обнаруживаются в телеутском диалекте современного алтайского языка, где сохранилось в значении «источник».

Кудук в языке саха, как отмечалось выше, означает изобилие, источник изобилия и сохранилось в обрядово-поэтической, ритуальной лексике, например, **Аар Кудук Мас**, «дерево изобилия», мифологическое мировое дерево.

Каким же образом в якутской культуре и языке мог отложиться этот древний индоевропейский субстрат?

Как известно, начиная с конца III тыс. до н. э. в Южной Сибири и западной части Монголии начали проникать с юго-запада и запада европеоидные племена со скотоводческо-земледельческим хозяйством. Преобладание европеоидного населения на Саяно-Алтайском нагорье наблюдалось вплоть до конца скифо-сибирской эпохи, т.е. до рубежа III-II вв. до н.э. В языковом отношении они представляли различные диалекты североиранской группы языков.

¹ Пекарский Э.К. Указ. соч. Стб. 153, 158

² Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. М., 1965. С. 23; Русско-башкирский словарь М., 1964 306 с. и др

³ Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. Ч. I. СПб., 1899. С. 324

⁴ Кашгарский М. Словарь тюркских наречий. Т. III Ташкент, 1963. С. 261

⁵ Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 463

⁶ Пекарский Э.К. Указ. соч. Стб. 1913

⁷ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 277

Памятники пазырыкского типа имели широкое распространение и охватывали территорию Западной Монголии, Казахстана. Это положение усиливает отождествление пазырыкцев с саками.

Вышеприведенные материалы дают возможность, с одной стороны, еще раз констатировать тот факт, что многие стороны культуры скифского времени Южной Сибири прослеживаются в культуре последующих поколений кочевников-скотоводов. Из современных наследников культуры ранних кочевников многие её основы сохранились также у якутов. Этот «дотюркский» южносибирский субстрат в якутской культуре указывает на самые древние «подпочвенные» истоки, отражающие её «до этническое» состояние, когда создавались предпосылки «стартовых» компонентов будущей этнокультуры.

С другой стороны эта связь культуры со скифо-сибирской эпохой (условно «индоиранской») могла так заметно сохраниться благодаря тому, что в этногенезе якутов приняли участие какие-то ранние, по всей вероятности, тюркские или оттореченные этногруппы индоиранского (сакского) происхождения, имевшие связи с пазырыкцами Горного Алтая. Следует обратить внимание на то, что саки являлись брахикранными европеоидами с широким и несколько уплощенным лицом и средневыступающим носом. По топонимическим данным язык саков северо-восточного Алтая, видимо, являлся значительно архаичным¹. Следовательно в силу своей архаичности этот североиранский язык сохранял реликты общеарийской общности. Тем более, отделение протосаков от остальных ираноарийцев произошло не позднее первой половины I тыс. до н.э.² Учитывая при этом факт близости сакского с языком авестийских иранцев, можно подчеркнуть его близость с языком величских ариев.

Вот почему в якутской культуре и языке сохранились некоторые субстратные элементы, возможно, возникшие еще в эпоху общеарийской общности. В связи с этим уместно привести мнение О.Н. Бётлингга о том, что «ослабление основы, аналогично санскритскому..., высшей степени излюблено в якутском языке»³. А по мнению акад. В.В. Радлова, первоначально язык якутов принадлежал к какому-то неизвестному языку не тюркского происхождения⁴.

Истоки хуннского времени в якутской культуре

На рубеже III-II вв. до н.э. завершается период существования скифо-сибирского единства как исторической системы. На смену ей приходит иная историческая эпоха – гунно-сарматская.

Возвысившись из среды кочевых центральноазиатских племен, хунну в III в. до н. э. создали раннегосударственное формирование, центром которого стала современная территория Монголии. Этот этап фактически во многом продолжил скифское время, но уже на новой ступени – хуннской.

В антропологическом плане хунну являлись сложным конгломератом, включавшим помимо основного байкальского типа антропологические черты своих

¹ Малолетко А.М. Топонимистические свидетельства пребывания саков на Алтае. С. 53.

² Абаев В.И. Скифо-еврейские изоглоссы. М., 1987. С. 140.

³ Бётлингк О.Н. О языке якутов / Пер. с немец. В.И. Рассадина. Новосибирск, 1989. С. 35.

⁴ См.: Гоголев А.И. Якуты. С. 26.

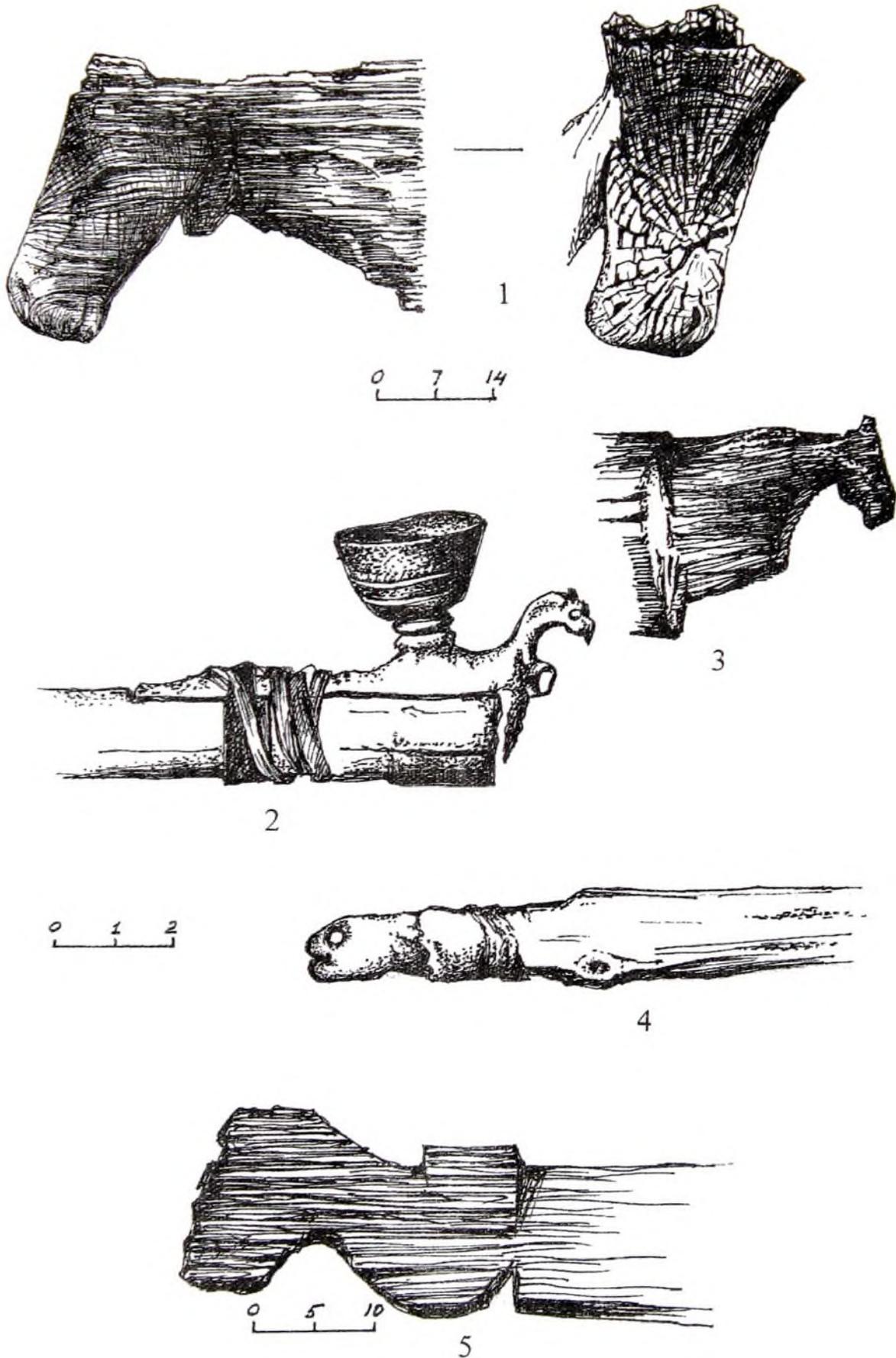

Рис. 2. Отражение культа животных и птиц в материальной культуре якутов в XVIII – начале XIX вв.

северных, южных и западных соседей. В серии хуннских черепов из Забайкалья имеются и совершенно европеоидные черты. Следовательно, они антропологически не были однородными. Но тем не менее, по своим внешним особенностям хунны обнаруживают значительное сходство с монголами, тувинцами и якутами.

На сегодняшний день вопрос об этнической и языковой принадлежности хунну остается спорным. Так, из зарубежных тюркологов Э. Дж. Пуллиблэнк, специально исследовавший язык хунну, пришел к выводу об их енисейском происхождении. «У нас есть основание предполагать, - пишет Г. Дёрфер, - что ни язык сюнну, ни язык европейских гуннов не принадлежат к какой-нибудь известной... языковой семье, более того... речь идет о вымерших языковых группах»¹. Тем не менее тюркская версия считается наиболее обоснованной. Так, Н.А. Баскаков и др. известные тюркологи считают вопрос этнолингвистической дефиниции хуннов настолько решенным, что в основу классификации тюркских языков положили деление на восточнохуннские и западнохуннские языки².

Ещё в 1930-х годах Г.В. Ксенофонтов пытался перекинуть зыбкий мостик родства между хуннами и якутами³. Пользуясь «методом анализа языковых пережитков», А.Н. Бернштам также выдвинул предположение о хуннском происхождении якутов. Так, к словам хуннского происхождения, он относил такие, как «тойон» и «сюнэ». Причем, в слове «сюнэ» означавшем «грозный», «величественный», автор усматривал племенное название самих хуннов или сюнну. «Являясь частью гуннского объединения, - писал он, - якуты составили его северную окраину...»⁴.

Е.С. Сидоров провел сравнительное изучение отдельных слов из языков хунну и тоба, сохранившихся в китайских источниках, и якутского языка и пришел к положительному результату⁵.

Профессор судебной медицины А.Д. Григорьев показал сходство химического состава и формы волос хуннов из княжеских погребений в Ноин-Улы с волосами современных якутов⁶. О хуннском компоненте в орнаментике якутов высказывался С.В. Иванов⁷. Действительно в материалах из ноинулинского погребального комплекса встречается много орнаментальных мотивов, общих с пазырыкско-якутскими узорами⁸. Кроме того орнаментом, состоящим из сочетания длинных продольных и коротких перпендикулярных (Т-образных) валиков, европейские гунны раннего средневековья (наследники центральноазиатских хунну) украшали

¹ Дёрфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. С. 113.

² Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1968. С. 134.

³ Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар. С. 106.

⁴ Бернштам А.Н. Происхождение турак // Проблемы истории до капиталистических обществ. 1935. № 4-5. С. 43-53.

⁵ Сидоров Е.С. Этюды по сравнительно-исторической лексике якутского языка // Советская тюркология, 1985. № 3. С. 53-63.

⁶ См.: Никифоров И. Волосы гуннов преподносят сюрпризы // Химия и жизнь. 1970. № 11. С. 54.

⁷ Иванов С.В. К вопросу о хуннском компоненте в орнаментике якутов // Якутия и её соседи в древности. Якутск, 1975. С. 174-183.

⁸ Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л., 1962. Табл. XXXIX, XLI; Novgorodova . Э. Mongolia der ... 1980. Рис. 157; Гоголев А.И. Историческая этнография якутов. (Вопросы происхождения якутов). С. 25, табл. III.

свои бронзовые котлы¹. Аналогичный узор встречается на курыканской и ранне-якутской керамике².

Некоторые конструктивные приёмы в якутских погребальных сооружениях, близкие к хуннским, отмечены Р.И. Бравиной³.

Из сопроводительного инвентаря ноинулинских курганов определенный интерес представляют круглый низкий стол из цельного дерева на трех ножках, традиция вышивать «тамбурным швом», веер-махалка из конского хвоста с деревянной или костяной ручкой и наконечники стрел со вставками-свистунками⁴. Правда, некоторые из них встречаются и у других современных народов, но в общем комплексе все они характерны для материальной культуры якутов XVI-XIX вв. Часть этого «хуннского» комплекса составляют религиозные верования.

В хуннское время развивается культ неба. Это всеобъемлющее почитание неба выражалось, в первую очередь, в общественных молениях. Сам шаньюй считался земным воплощением божественного неба и официально назывался «танри гуту» сыном неба или «чэнли гуту шаньюй», «обширный подобно небу шаньюй»⁵.

По всей вероятности, уже Тенгри, как и позднее у древних тюрков, выступал как адекватное понятие Вселенной, как синтез всех астральных представлений.

Главный праздник хунну проводился в начале лета и напоминал якутский ысыах. В этой связи интересен хуннский термин *дун=тун*. Слово это впервые встречается в китайских источниках в 296 г. до н.э. в сочетании с предложением «молоко коров и кобылиц». В древнекитайском словаре *дун* определяется как «молочная жидкость». В комментариях, датированных 104 г. до н.э., Э. Дж. Пуллиблэнком обнаружен следующий текст: «Он заведует молочными лошадьми... Он берет их молоко и приготавливает, трясая (*тун*) его. Вкус его кислый, но пить можно».

В других комментариях говорится о том, что кобылье молоко трясут (*тун*), почему таких лошадей называют «лошади тун»⁶. В «Гуанюне» *тун* определяется как «кумыс». «Ни тюркские, ни монгольские... ни тунгусские языки, - пишет автор, - не имеют похожего на это исконного слова для обозначения молока»⁷. Но между тем, в якутском языке слово *тунах* (основа *тун*) «пир брызганье кумысом во время ысыаха; обилие молочных продуктов; *улуу тунах* название молочной пищи весной...»⁸. У хакасов видное место занимает праздник первого айрана *тун*; его устраивают в начале июня, когда кобылы начинают доиться⁹.

Хунну постоянно испытывали влияние скифской сако-массагетской среды и в дальнейшем сами оказали на них существенное культурно-этническое воздействие. В первую очередь соседями были юечжи, являвшиеся частью народа сэ (саков). Поэтому ничего удивительного нет в том, что строительное искусство у этих

¹ Schreiber Hermann. Die Hunnen. Attila probt den Weltuntergang. Weltbild Verlag. Aubsburg, 1995. P. 111.

² Гоголев А.И. Якуты. Табл. XLIV, XLV.

³ Бравина Р.И. Погребальный обряд якутов, как историко-этнографический источник XVII-XIX вв. / Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1983. С. 18.

⁴ Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. Табл. XXIV, рис. 32. С. 40.

⁵ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. М., 1968. С. 43.

⁶ Пуллиблэнк Э. Дж. Язык сюнну // Зарубежная тюркология. Вып. 1. М., 1986. С. 43-44.

⁷ Там же. С. 45.

⁸ Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Стб. 2815.

⁹ Бутанаев В.Я. Хакасский тун пайрам. Препринт. Новосибирск, 1983. С. 3-5.

народов имело общие черты, которые так существенно отразились в технике строительства погребальных сооружений в Горном Алтае в пазырыкское время, татарских и таштыкских склепов Минусинской котловины и подкуранных наземных бревенчатых склепов саков Казахстана.

Таким образом, культура хуннского времени оказала существенное влияние на оформление древнейших «стартовых» основ якутской культуры, потому это влияние было опосредственным, эпохальным. В этом плане скифо-хуннское время, как бы подготовило площадку для строительства нового этнокультурного здания – древнетюркской эпохи.

В ранней истории человечества периоды культурного подъема неизбежно сменялись долгими веками затяжного кризиса, раздробленности. Этнокультурные импульсы давали не только заметный толчок в жизненной активности людей, но оказывали также громадное воздействие на ход дальнейшего развития культуры и этногенеза. Именно таким периодом для населения Центральной Азии и Южной Сибири стало скифо-сибирская эпоха. Порожденные ею последующие не менее бурные исторические процессы III в. до н.э.-V в. н.э., с их интенсивными миграционными истоками, привели к трансформации местных племенных объединений и народностей, подготовили исход знаменитой древнетюркской эпохи. Многие культурные образцы, созданные скифо-сибирской и переходной гунно-сарматской эпохой, стали истоками формирования культур будущих народов Южной Сибири и Центральной Азии. В якутской культуре, как отмечалось выше, с этим периодом связан её наиболее архаичный южный пласт, определяемый мною как скифо-хуннский. Эти истоки присущи также этногенезу тюркоязычных народов Сибири, казахов и киргизов. В этом плане хотелось бы ещё раз отметить большое влияние ирано-сакской мифологии на духовный мир ранних кочевников Алтая, сохранившиеся и в религиозной идеологии их поздних наследников.

Следует к этому добавить ещё один существенный факт: для сакской мифологии, оказавшей огромное воздействие на пазырыкцев, характерны параллели в большой степени с индоарийской религиозно-мифологической системой¹. А пазырыкцы, оказавшие столь заметное воздействие на последующее тюркоязычное население Сибири, представляли, видимо, смешанное население, продукт синтеза местных и пришлых сакских племен, испытавших воздействие каких-то индоарийских этногрупп.

Иммуногенетик В.В. Фефелова установила неожиданный факт, имевший прямое отношение к этногенезу якутов. У них, типичных представителей монголоидной расы, обнаруживается в крови антиген HL A-A1, который встречается только в европеоидных популяциях. При этом у якутов он зафиксирован в 29,1% случаях, т.е. вдвое чаще, чем в среднем у современных европеоидов. Как считает исследователь, антиген HL A-A1 попал к якутам не от современных европеоидов, а от каких-то неизвестных давних предков.

¹ Акишев А.К. Искусство и мифология саков. С. 172; Лелеков Л.А. Проблема индонранских аналогов к явлениям скифской культуры // Скифо-сибирская культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 118-125; Клейн Л.С. Индия и Скифия: общие корни идеологии // Скифо-сибирский мир: Тезисы докл. Второй археологической конф. Кемерово, 1984. С. 31-34.

Указанный антиген у якутов часто встречается в сочетании с другим антигеном – HL A-B17. Близкие показатели величины гаплотипа HL A-A1, B17 известны у жителей Индии, особенно у хинди. «Принимая во внимание исследования Ф.Л. Блэк, можно предполагать общих предков у якутов и хинди. Учитывая «европеоидность» гаплотипа HL A=A1, B17, речь должна идти о европеоидах. Причем они должны быть пришельцами с Индии из северных регионов. Мы полагаем, что это были арии»¹. Таким образом, по мнению исследователя, древний европеоидный пласт принимал участие в этногенезе якутов, но в настоящее время скрыт более поздним монголоидным наслоением.

Интересно также и то, что в волосах якуток в 60% встречается пигмент феомеланина, высокий процент которого содержится в волосах женщин-европеоидок².

Антиген HL A-A1 встречается также у тувинцев (8%), тофаларов (7%). И это закономерно: ведь европеоиды заселяли Саяно-Алтайское нагорье с эпохи энеолита и фактически до конца раннего железного века. Это – результаты неоднократных миграций с запада, связанных с избыточным демографическим давлением. Но как ни странно, сочетание антигенов HL A-A1 и HL A-B17 среди сибирских народов встречается только у якутов и частично, связанных с ними западных бурят (19%)³. Все это лишний раз подтверждает предположение об участии в якутском этногенезе какого-то древнего индоиранского субстрата.

В дальнейшем метод, по которому работала В. Фефелова при подсчете времени распространения указанных антигенов у европеоидных предков якутов, был подвергнут сомнению И.П. Гурьевым. Он, используя метод генетической археологии, пришел к выводу, что гаплотип AL B17 достался предкам хинди не от ариев, а от саков на рубеже II-I вв. до н.э. Следовательно, данный европеоидный гаплотип был у предков якутов во II-III вв. н.э. При этом И. Гурьев допускает, что этим предком мог стать кто-то из саков⁴.

По данным современной психологии существуют два типа мышления: логико-вербальный, преимущественно связанный с активностью левого полушария мозга и пространственно-образный, связанный с активностью правого полушария. При этом, как полагают исследователи, для европейцев характерно логико-знаковый тип мышления, а у восточных народов (не только монголоидов) – пространственно-образная форма мышления. Психофизиологические и электрофизиологические исследования группы якутов показали, что они занимают промежуточное положение между чукчами и эвенками, с одной стороны, и европейцами (европеоидами), с другой. Выявленную особенность объясняют тем, что якуты формировались «в условиях давних и глубоких контактов с европейской цивилизацией, и это наложило отпечаток на становление межполушарных отношений»⁵. Но на осно-

¹ Фефелова В.В., Высоцкая Г.С. Изучение распределения антигенов системы HLA у коренных народов Сибири как основа для анализа этногенеза популяций: Препринт ВЦ СО АН СССР. № 12. Красноярск, 1987. С. 3-5.

² Устное сообщение В.В. Фефелевой.

³ Fefelova V.V. Participation of Indo-European Tribes in Ethnogeny of the Mongoloid Population of Siberia: Analysis of HLA Antigen Distribution in Mongoloids of Siberia // 1990 by American Society of Human Genetics. All rights reserved. 47: 294-307.

⁴ Гурьев И.П. Распространение гаплотипа HLA A1 / B 17 в разных пропорциях // Наука и образование. 2000. 2/18. С. 108-110.

⁵ Роттенберг В.С., Аршавский В.В. Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур // Вопросы философии. 1984. № 4. С. 85-86.

вании данных иммуногенетики, видимо, есть возможность объяснить этот феномен наличием у части якутов скрытого древнего европеоидного генофонда.

Скифо-сибирские истоки в этногенезе якутов в дальнейшем развивались, видимо, в двух направлениях. Первое направление условно можно назвать «западным» или «южносибирским». В его основе лежали истоки, выработанные в основном в эпоху скифо-сибирского этапа под влиянием древней индоиранской этнокультуры. В культуре якутов (впрочем, как и у тюркских народов Сибири) с ним связаны зачатки определенной части материальной культуры (обувь, головные уборы, серьги в виде знака вопроса, гривны пережитки «звериного стиля», орнаментальное искусство), основы «коневодческой» мифологии и религиозных представлений, истоки погребального обряда с конем; слова близкие с древнеиндийскими формами: например, др.-инд. *rūga* «пирог» фонетически более близок к як. *бурдук* (основа б(п)ур) «хлеб», чем к др.-тюрк. *buḡdai* «пшеница»; др.-инд. *vis* «род», «племя» одинаково с як. *биис*, в том же значении; як. *уос* «губа» ближе по звучанию к др.-инд. *ostha* «губа», чем к авест. *aošta* в том же значении; др.-инд. *vidmdn* «знание» ближе к як. *биттэн* «узнавать что-то по приметам», чем др.-тюрк. *bilig* «знание». С последним можно связать якутское *бил* «узнать» и т.д.

Скифо-хуннские истоки «восточного» или «центральноазиатского» направления в этногенезе представлены немногочисленными якутско-хуннскими параллелями. При этом, если исходить из признания определенного родства части хуннов с носителями культуры плиточных могил, являвшихся континентальными монголоидами (жившими издревле на востоке и центре современной Монголии), то хуннская среда, видимо, представляла конгломерат пратюркских и монголоязычных племен. Они являлись носителями исконно центральноазиатской культуры, в противовес пришлой сакской (скифской). Эта «центральноазиатская» традиция хорошо проявляется в антропологии якутов и религиозных представлениях, в частности, в кумысном празднике ысыах, и остатках культа неба – тангара и др.

Сложение основ древнеякутской культуры (тюрки и этногенез якутов). Этнос формируется как некий самостоятельный социальный организм в рамках определенного языкового, хозяйственного и культурного комплекса. Поэтому более или менее выявляемый этап этногенеза саха следует с древнетюркской эпохи, протекавшей в этнополитической истории Центральной Азии и Южной Сибири в VI-X вв.

Древнетюркский язык ещё в древнем состоянии претерпел влияние индоевропейских языков, в первую очередь, индоиранских и их культуры. Так, согласно Д.Е. Еремееву, ираноязычные туры были ассимилированы тюркоязычными хунну, сохранив при этом свой этноним тур > тюр > тюрк¹. Древние тюрки приспособили ираноязычный согдийский алфавит к своему языку и возник рунический вариант². Ранний период их этнической истории, видимо, начался в III в. н.э. Он проходил в среде ираноязычного населения Восточного Туркистана³. После 460 г.

¹ Еремеев Д.Е. «Тюрк» - этноним иранского происхождения? (К проблеме этногенеза древних тюрков) // Советская этнография. 1980. № 3. С. 132-133.

² Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003. С. 33.

³ Кляшторный С.Г. Проблемы ранней истории племени турк (Ашина) // Материалы Института археологии. 130. 1965. С. 280-281.

переселились в Южный Алтай, где в их состав вошли некоторые тюрки-тугю, местные племена Саяно-Алтая. В 552 г. создается Первый тюркский каганат, ознаменовавший собой начало древнетюркской эпохи. Наряду с образованием других этносов, по всей видимости, в эту эпоху происходило формирование основ якутского языка и культуры. Выдающиеся тюркологи определили время становления якутского языка V-VII вв. и сблизили его с языком орхонских тюрков. Так, действительно, в лексике якутского языка обнаруживается большое количество слов, сохранивших лексико-фонетическую особенность древнетюркских слов. Но, тем не менее, уже в предковом языке саха произошли очень существенные изменения по всем параметрам, и особенно в области фонетики и морфологии. Поэтому его основа с индоиранским субстратом отделилась от других древнетюркских языков где-то в начале второй половины I тыс. н.э. и в дальнейшем прошла свой самостоятельный путь развития.

В якутском языке сохранились архаичные термины, связанные с обозначением основных хлебных растений Центральной Азии. Тюркские предки саха знали верблюдоводство, овцеводство и ткачество¹.

А.П. Окладников в I-ом томе "История Якутской АССР" привел все доступные тогда материалы, показывающие "степные пережитки" в хозяйстве, одежде и военной технике якутов².

В якутской дохристианской религии и мифологии также сохранились некоторые древнетюркские реликты. К их числу относятся пережитки культа богини Умай=Пайана=Байанай, Тэнгри=Танара, божества Йака=Сах, Татай=татай, сохранилось почитание ежедневно рождающегося солнца и восточного направления света³. Кроме того в погребальном обряде якутов XVII-XVIII вв. сохранилось много общего с обрядами древнетюркского времени. В этой связи для наглядности можно привести следующий обычай тугю: после похорон они ставили на могиле памятный столб и камни. Количество последних находилось в зависимости от количества людей, которых умерший истребил на войне. Затем вешали головы жертвенных овец и лошадей на столб⁴. В этой связи любопытно привести следующее сообщение Я.И. Линденау о якутах: «Когда пройдет неделя, снова собираются... на место погребения... кобыл закапывают и, как раньше (в момент погребения – А.Г.), мясо съедают. *Сколько лошадей зарыли с покойником в землю, столько вырезанных шестов устанавливают в одной стороне могилы и с другой ставят столько шестов, сколько лошадей съели на похоронах*». У якутов, как древнетюркский пережиток, сохраняются признаки определения стран света по вертикали: собуруу (ср. др.-тюрк. йокары «вверх») – «юг»; хоту (др.-тюрк. коды «вниз») – «север», «полночь», «вниз», «по течению»⁵. Возникновение такой

¹ Антонов Н.К. Историческая лексика якутского языка. Якутск, 1971. С. 27-126.

² Окладников А.П. История Якутской АССР. Т. 1. С. 235-256.

³ Гоголев А.И. Якуты. С. 34-35; Он же. Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. Якутск, 2002. С. 13.

⁴ См.: История Тувы. Т. 1. М., 1964. С. 107.

⁵ По Э.Р. Тенишеву, у желтых уйгур север – qozaq<qozy «низ»+ jaq «сторона»; юг – jıraq (<joqu «верх»); восток – indaq (оп<«перед»); запад ugzaq (< art «зад»). Они проявляют близость с соответствующими якутскими терминами.

лексики можно связать с использованием «речной» ориентации: большинство основных рек Сибири текут по меридиальному направлению, с юга на север.

У азиатских кочевников было широко распространено цветовое обозначение стран света. Древние тюрки им пользовались менее активно, чем линейно-пространственной ориентацией. Так, словом **кара** «черный» обозначали «север»; **ак** «белый» (як. *урун* «белый» соответствует др.-тюрк. орун «светлый») использовалось для обозначения «запад». Они соответствуют аналогичным якутским понятиям. По этой причине, как и народы Саяно-Алтая, якуты русского царя обозначали словосочетанием *урун ыраахтаабы* «белый царь», в смысле «западный царь». Это вполне соответствует тому, что тугю, обитавшие в «Отюкенской земле», расположенной на востоке современной Монголии, носили название *köktürk* «восточные (голубые) тюрки». А западная половина каганата до Хорасана, в основном, с ираноязычным преимущественно европеоидным населением, обозначалась термином **ак** «белый»¹. Политический центр каганата находился на востоке, в стране *kök türk, восточные (голубые) тюрки* и это сливалось с культовым значением восточного направления. И эта сакрализация отразилась и в якутском языке: слово *куөх* обозначает не только голубой и синий цвета, но и «жизнь», *куөх тыын* «голубое дыхание», «жизнь»².

Таким образом, способы и термины определения стран цвета у якутов имеют исконно тюркские основы. При этом они близки к орхонской и особенно древнеуйгурской лексике.

В этническом плане древнетюркскую эпоху представляли алтае-орхонские тугю (тюрки), енисейские кыргызы, огузы=теле, кимаки=кыпчаки, курыканы и др. Все они составляли три этнокультурные зоны³. С какой конкретной тюркоязычной средой были связаны предки якутов? Это – один из важных вопросов этногенеза якутов.

Якуты относятся к представителям уйгуро-огузской группы восточной ветви тюркских языков. Языки, входящие в эту группу, подразделяются на три подгруппы: уйгуро-тугуйскую (тувинский, тофаларский и древнеогузский – язык енисейско-орхонских надписей), якутскую и хакасскую (хакасский, шорский, чulyмо-тюркский и язык желтых уйгуров). Отмечается также близость якутского языка с сагайским, бельтирским диалектами хакасского языка и языком северных алтайцев⁴. В классификации М.З.Закиева дана иная характеристика якутского языка⁵.

Поэтому в этногенезе якутов существенную роль сыграли племена, составлявшие конфедерацию теле, культура которых отмечена присутствием общих черт с хуннской культурой.

¹ Кононов Н. Указ. соч. С. 171-173.

² Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Стб. 1323.

³ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004. С. 93.

⁴ Рассадин В.И. Проблемы общности в тюркских языках Саяно-Алтайского региона // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981. С. 219.

⁵ Закиев М.З. Происхождение тюрков и татар. М., 2003. С. 13.

С этнической историей теле в определенном аспекте связаны и динлины, древние европеоиды Центральной Азии, Южной Сибири и бассейна Байкала. Под общим названием «динлины» в китайских летописях фигурируют племена, сходные между собой по образу жизни, но, по всей вероятности, различные по языку. По А.Н. Бернштаму всюду, где фиксируются заведомо известные тюркские этносы, первоначально прослеживается динлинский слой племен¹. Но большинство археологов склонно основную (северную) группу динлинов связывать с тагарской культурой Минусинской котловины. А тагарцы, по всей вероятности, были ираноязычными тохарами².

В письменных источниках динлины упоминаются с конца III в. до н.э., хотя в Северной Монголии и у Байкала они, возможно, обитали уже с эпохи поздней бронзы и, следовательно, курыканы могли иметь с ними связи. На основании некоторых субстратных реликтов, сохранившихся у народов Сибири, с предками которых могли контактироваться динлины (круговой хороводный танец, некоторые календарные обряды и мифологические сюжеты), можно сделать предположение о принадлежности их к определенной части индоевропейской языковой среды.

В хуннское и последующее время динлины (хотя бы часть из них) могли постепенно перенять тюркскую речь и войти в объединение теле. Главным их племенем считалось племя уйгуров. Следует напомнить, что первый тюркский каган получил свой титул после того, как подчинил себе 50 тыс. семей теле, составивших фактическую основу его государства. В объединение теле входили уйгуры, теле, туба, байрыку, курыканы и др.³

В 630-х годах в Южной Сибири возник Телеский каганат. Племена, вошедшие в его состав, стали называться «токуз-огузами». В дальнейшем население Уйгурского каганата, просуществовавшего до 840 г., составили племена теле. Возможно, отражением каких-то древних связей с токуз-огузами является наличие родов «тогус» у якутов.

Древнеуйгурские элементы культуры присущи якутской культуре⁴. Эти факты показывают этническое родство якутов с древними уйгурами, составившими основное ядро телеских племен.

В якутском фольклоре и культуре отразились связи также с кыргызами Енисея⁵.

В традиционное время среди якутов видное положение занимали кангалассы. В этой связи имеется предположение о существовании связи через древний этноним «ханглы» между предками саха и казахов⁶, т.е. по кыпчакской линии в этногенезе.

¹ См: Гоголев А.И. Якуты. С. 36.

² Членова Н.Л. Тагарская культура на Енисее // Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964. С. 306-307.

³ Малявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1987. С. 81-82.

⁴ Гоголев А.И. Якуты. С. 37-38.

⁵ Там же. С. 38.

⁶ Там же. С. 39.

Первоначальным местопребыванием кыпчаков были южные склоны Саяно-Алтайских гор и степей, так, в частности в китайских источниках VIII в. («Бейши») говорится о племенах, живших к западу от Алтая, входивших в группу теле. Это – *хэбисик*, т.е. кыпчак, *бичань* – печенег и *ямо* – йемен = кимак¹. В дальнейшем кыпчаки вошли в состав Кимакского союза и жили на Северном Алтае, верхнем и среднем течении Иртыша. В XI в. они разгромили огузов и заняли Приаралье, включив в свою среду кангло-печенегов. Со временем они настолько срослись, что канглы стали рассматриваться как часть кыпчаков. Временем окончательного сложения собственно кыпчакского комплекса считаются X-XII вв.

Звеном, связующим якутов с кыпчаками, вероятно, является этноним «сака». С ними имеют общее происхождение тюркские этнонимы «саха», «сокы», «соккы», «сакар», «сахоо», «сахалык», «сактар», произошедшие от древнеиранского «сака»².

В предании, записанном у олекминских якутов, сообщается, что их предки пришли из Барабинской степи в верховья Енисея, откуда ушли сперва на Байкал, затем, вследствие притеснений Чингиз-хана, они продвинулись далее на север, пока не достигли мест современного обитания³. В связи с этим уместно привести интересное наблюдение Ф.В. Ахметовой, полученное в результате сопоставления исторических легенд якутов с татарскими дастанами. Так, неожиданно близкими оказались мотивы «Эллэйады» с татарской версией тюркского эпоса «Идеге» (*Идеге* она связывает с якутскими эпонимами *Идэльги-Боотур* и *Игидэй-Тархан*, одного из сыновей Эллэя). Основная версия эллэевского мифа имеет параллели, реминисценции в различных жанрах татарского фольклора. «Но эти параллели... тем более какие-то дифференцированные параллели, т.е. наличие этих параллелей лишь у якутов и поволжских татар и отсутствие таковых с сибирскими татарами, - пишет автор, - наводит на размышление о генетическом характере этих фольклорных связей..., что легендарный Эллэй мог быть лишь поволжским, а не сибирским татарин»⁴. В этом предположении для нас важным является принадлежность татар к болгаро-кыпчакской группе тюркских языков.

Кыпчаки, сохранив многие традиции ранних кочевников Алтая посредством воздействия верхнеобской и сросткинской культуры, донесли до позднего средневековья не только разновидности погребения с конем, но и многие черты материальной культуры пазырыкской эпохи. С кыпчакским наследием в якутской культуре можно связать и некоторые геометрические, спиральные узоры, зафиксированные на костяных обкладках половецких колчанов XIII-XIV вв. Такими колчанами пользовались не только половцы, но и печенеги-канглы, торки-гузы⁵. Этот мотив в точности повторяется на орнаментальных резных поясах якутских чоронов.

¹ Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989. С. 69-70.

² Гоголев А.И. Якуты. С. 41.

³ См.: Окладников А.П. История Якутской АССР. Т. 1. С. 363-364.

⁴ Ахметова Ф.В. Эпические параллели якутской «Эллэйады» и татарских дастанов // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докл. конф. по лингвистике. Омск, 1984. С. 99-103.

⁵ Малиновская Н.В. Колчаны XIII-XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 137.

Якутские надмогильные сооружения в старину обозначались словом *мэнэ*, в переводе обозначающем «вечный памятник». Оно имеет древнетюркскую параллель – *мэнгу /эр мэнгу* «памятник герою». В половецком языке XIII в. это слово употреблялось в формах *мэнги=мегу*¹.

В XII-XIII вв. под влиянием печенежско-тюркского обряда половецкой культуры стали придерживаться западной ориентации при погребении умерших. С ним, с левой стороны в отдельной яме или вместе с покойником, как и у якутов XVII-XVIII вв., обнаруживается захоронение остова или чучела коня, ориентированного головой на запад, иногда на приступке, рядом с ямой, перекрытой деревянными плахами².

Каменные изваяния стали одним из ярких этнографических особенностей культуры кыпчаков и вместе с теми показателями принадлежности их к тюркскому миру. Еще в период совместной жизни с кимаками на территории расселения кыпчаков появились каменные статуи, которых ставили в небольших оградках-святилищах на степных курганах³. В начале XI в. кыпчаки унесли с собой этот обычай, как собственный этнический признак, в южнорусские степи. В 1984 г. Э. Новгородова и А. Печерский на высокогорном плато в Джамбульской области Казахстана обнаружили раннюю кыпчакскую скульптурную группу. Они возвышались в центре или на восточной стороне каменных курганных насыпей и обращены лицом на восток. Среди них преобладают стеллы с проработанной лицевой частью, без изображения пояса и оружия. Наиболее характерная черта – это сосуд⁴, который находится на уровне пояса в обеих руках. На некоторых скульптурах изображены гривны, высокие головные уборы. Все они датируются IX-X вв. и сравниваются с половецкими каменными «бабами» XII-XIII вв.⁵ В. Рубрук, побывавший в их ставке, писал следующее: «Команы насыпают большой холм над усопшим, и воздвигает ему статую, обращенную лицом на восток и держащую у себя в руке перед пупом чашу...»⁶.

Исследователи не сомневаются в том, что каменные изваяния кыпчаков – остатки сложных верований и обрядов, связанных с культом предков, и воздвигались в специально оборудованных для этого святилищах, «их изготовляли только в память богатых и знатных: родовой аристократии» и представляли собой культ предков-покровителей родов и даже целого союза племен⁷. Интересно в этой связи привести якутские фольклорные сведения, по которым еще в XVIII в. якуты во дворах знатных людей, ведущих род с глубокой древности и пользующихся всеобщим уважением, ставили высокие массивные столбы-сэргэ⁸ «муостаах-бастаах,

¹ Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике... С. 158.

² Степи Евразии в эпоху средневековья. С. 219.

³ Плетнева С.А. Кочевники средневековья. С. 98.

⁴ Эти сосуды по форме напоминают архаичный кумысный кубок – чорон якутов, образец которого обнаружен в местности Эбэ-Ана Орджоникидзевского района. (См.: Потапов И.А. Указ. соч. С. 57, рис. 7).

⁵ Новгородова Э., Печерский А. Раннесредневековые скульптуры кыпчаков // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. Вып. 9. М., 1985. С. 22-40.

⁶ Путешествие в восточные страны Плано Карпины и Рубрука. М., 1957. С. 102.

⁷ Степи Евразии в эпоху средневековья. С. 220-221.

⁸ В некоторых случаях вместо каменных изваяний половецкой культуры ставили деревянные скульптурные столбы. (См.: Степи Евразии в эпоху средневековья. С. 221).

харахтаах-кулгахтаах, тобус измэрдээх улуу баарабай тойон-сэргэ» (с рогатой головой, с глазами-ушами, с девятью высоко выточенными обводками, великий старец господин-сэргэ). Значение этого сэргэ состояло в увековечивании памяти потомков, имени и величия их предка. Такие столбы устанавливались только с согласия и по желанию всех сородичей. В момент их установки устраивали ритуальный праздник ысыах¹. Кроме того специальные скульптурные сэргэ ставились в момент празднования улуу тунах ыһыаба «ысыаха в честь весеннего обновления природы». Их изготавливали в виде больших стилизованных человеческих фигур, с рогами, ушами, с серьгой, выделенной шейкой, обвязывали ритуальной веревкой, заплетенной из черных и белых конских волос, и ставили в количестве от трех до семи по нечетному числу, вокруг тюсюлгэ.

Наблюдаются также параллели между культурой якутов и современных наследников средневековых кыпчаков. Особенно это проявляется в свадебных обрядах².

Как отмечалось выше, кыпчаки рядом с умершим вместо остова коня клали его чучело. У якутов шкура жертвенной лошади иногда чучелилась. Кроме того, существовал старинный обычай изготавливать *табык* (корень слова, возможно имеет связь с др.-иран. *tav* – «быть сильным»). По Э.К. Пекарскому, *табык* – высушенное чучело жертвенной лошади: сделав чучело из кожи лошади пегой масти, просили девять (или семь) шаманов отправить духам в качестве жертвы, затем высушивали кожу и били по ней – получались громкие звуки... (чучело устанавливали на возвышенном месте, на кургане, на выступе горы...)»³. Изготавливались три разновидности *табык*. Третья, высшая форма разновидности *табык*, предназначалась для потомков тойонов, богатой аристократической прослойки общества. Его изготавливали из шкуры крупного жеребца. В него «вселяли духов», помогавших человеку во всех его начинаниях. После смерти хозяина *табык* сжигали на месте погребения. Обычай этот был забыт давно⁴. В связи с этим вспоминается следующее описание П. Карпини о погребальном обряде команов-половцев: «...а другого коня съедают и набивают кожу соломой и ставят ее повыше на двух или четырех деревяшках ... а кости того коня ... они сжигают...»⁵.

Таким образом, вырисовывается отдаленная панорама былых кыпчак-якутских связей по линии сходства ряда черт материальной и духовной культуры. Об этом свидетельствуют не только археолого-этнографический материал, но и языковые данные. Так, в якутском языке Г.В. Поповым обнаружено несколько сот изолированных лексических основ, общих с кыпчакскими языками. Считается, что некоторые языки тюркских народов Саяно-Алтая и якутский оформились в результате распространения какого-то древнего тюркского языка среди местных нетюркских племен. По мнению Е.И. Убрятовой, таким языком мог стать какой-то

¹ Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 9. Ед. хр. 10. Л. 15.

² Слепцов П.А. Свадебные обряды как источник по этнической истории якутов // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий / Тезисы докл. по этнографии, Омск, 1984. С. 59-60.

³ Пекарский Э.К. Словарь ... Стб. 2513.

⁴ Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3, ед. хр. 373. Л. 5-6.

⁵ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 32

древний тюркский язык кыпчакского типа. Подтверждая это, уместно тут привести мнение А.М. Малолетко о том, что ираноязычные племена продолжали жить на Алтае до середины I тыс. н.э., когда были постепенно ассимилированы тюрками.

* * *

Большой интерес в раннесредневековой истории Прибайкалья представляет курыканское наследие, сыгравшее огромное значение в происхождении двух крупных народов Сибири – бурят и якутов.

Существующая историческая традиция связывает якутский этногенез с курыканами¹.

В оформлении курыканской культуры принимали участие местные, по всей вероятности, тунгусские племена и потомки культуры плиточных могил, имевших связь с хуннами, а также часть таштыкцев Енисея.

По мнению А.П. Окладникова, первыми скотоводами, с появлением которых в Прибайкалье начинается железный век, были степные племена с долины р. Селенги – носители культуры плиточных могил². Они были вытеснены сюда в результате образования государства хунну. «Плиточники» хоронили умерших обрядом трупоположения в грунтовых ямах, стенки которых обкладывались каменными плитами. У курыкан же было характерно трупосожжение с последующим погребением пепла, над которым сооружался надмогильник из каменных плит в виде четырех или шестигранных пирамид («шатров») высотой до метра. Появление этого обряда хорошо прослеживается по могильнику Абазеев Утуг. Несмотря на то, что в раскопанных погребениях этого могильника обнаружено в большинстве случаев трупоположение с западной ориентировкой, в нем оказались также характерные для курыкан трупосожжения с последующим захоронением пепла в горшке. Все это говорит о том, что обряд трупосожжения был привнесен другими племенами. По предположению И.Е. Зыкова, ими являлась часть населения Минусинской котловины IV-V в. (таштыкцы)³.

На западе курыканы граничили с енисейскими кыргызами, на юге – с селенгинскими уйгурами. Сами курыканы жили, начиная от низовья Селенги и до верховьев Лены, в долинах рек Баргузина, Ангары.

Судя по археологическим данным, у курыкан существовали два типа поселений и жилищ – летние и зимние, как это наблюдалось позднее у якутов. Основными жилищами служили землянки. При раскопках городища Улан-Бор выявлены дома, стены которых были составлены из вертикально поставленных столбов-жердей и сверху обмазанных глиной⁴. На ангарских островных поселениях и на других местах обнаружены остатки берестяных урас⁵.

¹ Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-сахалар; Окладников А.П. История Якутской АССР. Т.1.; Константинов И.В. Происхождение якутского народа и его культуры; Зыков И.Е. Происхождение якутов в свете археологических данных; Асеев И.В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). Новосибирск, 1980 и др.

² Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 3. Материалы археологических исследований. № 43. 1951. С. 10.

³ Зыков И.Е. Археологическое изучение Якутии / Автореф. дисс. ... к.и.н. Якутск, 1973. С. 21.

⁴ Архив Института археологии РАН. Р-1/2023. Л.20.

⁵ Там же. Р-1/737. Л. 17; Р-1/2023. Л. 20.

Особый интерес представляют городища. Всего обнаружено 16 городков-крепостей. Кладка стен велась из гранита и гнейса, высота их достигала 3,5 м, а сторожевых вышек – 5 м. Внутри некоторых крепостей выявлены улицы, выложенные каменными плитами.

По характеру материальной культуры, земледелия с частичным применением искусственного орошения, шрифта письма и искусства, курыканы Прибайкалья больше всего были связаны с енисейскими кыргызами. Судя по обширности географии находок надписей и по тому, что они в основном начертаны на бытовых предметах, письменность у них была довольно широко распространена¹.

По сообщениям китайских источников, курыканы были небольшим, в политическом отношении самостоятельным народом, который мог выставить пять тысяч конного войска. В орхонских надписях древних тюрков они названы «уч-кырыкан» (три курыкана). Это указывает на то, что они представляли собой племенной союз типа древнетюркского эль, которым управлял «великий старейшина Сыгынь»², т.е. Тыгын.

Курыканская эпоха датируется VI-X вв. Включение Прибайкалья в состав кыргызского государства произошло, вероятнее всего, в IX в. И этим связан упадок курыканской культуры в IX-X вв.

С рубежа X-XI вв., с приходом монголоязычного населения в Прибайкалье и на Верхнюю Лену, начинается совместное проживание их с остатками курыкан. Результатом этого смешения явилось, например, формирование булагатской группы западных бурят, которая является частью омонголившихся древних курыкан.

Для прослеживания этнических перемещений тюркоязычных племен в таежных районах Верхней Лены, представляют большой интерес, изученные А.П. Окладниковым, рисунки и рунические надписи у д. Давыдова, скальное погребение у с. Воробьева и поселения у сел Петровского и Боярской. Все они принадлежали полуседлым конникам-скотоводам. Подобно курыканам они строили укрепления с земляными валами и рвами, пользовались одинаковыми глиняными сосудами. Видимо, уже тогда существовала близкая к якутскому языку лингвистическая общность. Тому свидетельством является руническая надпись у д. Давыдова. Расшифрованная А.Н. Бернштамом, она звучит почти по-якутски: «алкатим», «я благословил». Буквы в палеографическом отношении дали возможность ему отнести надпись к древнеуйгурскому письму³.

Анализ археологического материала из центральных районов Якутии, датируемого XIV-XVIII вв., показывает определенное сходство некоторых вещей с курыканами⁴. По всей видимости с курыканским наследием в якутской традиционной культуре можно связать обряд трупосожжения, существовавший до середины XVII в. Интересно также провести аналогию между надмогильными

¹ Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала (опыт систематизации). М., 1993. С. 10-14.

² Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 440.

³ Бернштам А.Н. Древнетюркское письмо на р. Лене // Эпиграфика Востока. IV. 1951. С. 77.

⁴ Гоголев А.И. Историческая этнография якутов (Вопросы происхождения). Якутск, 1986. С. 56-58, 72.

сооружениями курыкан из каменных плит в виде пирамидок высотой до метра (в форме урасы) и якутским обрядом «проводы Айысыт», когда над закопанным последом женщины собирали из лучинок урасу и сжигали.

Таким образом, в формировании якутского языка участвовали, видимо, два тюркских языка. Один из них, составивший его основу, был близок к древнеугузскому (теле-орохонскому) языку (особенно по грамматическому строю и лексике) отделившегося от родственных языков примерно до VII в. Нет сомнения в том, что им являлся язык прибайкальских курыкан, изолированное развитие которого началось в VI в. В формировании этой культуры принимали участие «плиточники» Забайкалья и Монголии. Через них намечается влияние хуннов на становление курумчинской (курыканской) культуры. В состав курыкан вошли местный тунгусский субстрат и, по всей вероятности, тюркоязычные таштыкцы Енисея, телесские племена, связанные с уйгурами. Происходило становление хозяйства курыкан со стойловым содержанием скота и практикой заготовки сена на зиму. Впоследствии якуты через своих курыканских предков развили в бассейне Средней Лены специфическую форму оседлого скотоводства, некоторые предметы быта, стали строить деревянные юрты (туруорбах балаган), лепить глиняные сосуды и унаследовали свой основной антропологический облик. В этом плане курыканское наследие продолжило «восточное» направление в этногенезе якутов.

Вторым тюркским языком, повлиявшим в формировании якутского языка, был язык кыпчакского типа. Это подтверждается наличием в языке нескольких сот якутско-кыпчакских изолированных лексических параллелей. Кыпчакская лексика в якутском языке в большой мере связана с хозяйственной терминологией, словами, обозначающими природные явления, животных, птиц и с духовной культурой. В якутском пантеоне и мифологии более последовательно сохранились именно те стороны древнетюркской религии, которые возникли под влиянием предшествующей скифо-сибирской эпохи. Это, видимо, объясняется тем, что часть тюркоязычных предков, представляющая кыпчакскую группу, сумела сохранить мифологические устои более древнего индоиранского субстрата.

Вместе с тем, в погребальном обряде якутов выявляется много общего с обрядом древних тюрков (теле-тугю). Это не только совпадение терминов и обычаев телесского происхождения (погребение с конем, перенятое теле у ираноязычного населения Горного Алтая), но и сохранение видоизмененного обычая ставить столб и камни-балбалы у могилы.

Наследием древнетюркской эпохи является сохранение у якутов линейно-пространственной ориентации с древнеуйгурскими лексико-фонетическими соответствиями. С тюркской средой связаны часть верхней одежды и некоторые предметы быта.

Следует подтвердить мнение исследователей об участии в этногенезе якутов древних племен из конфедерации теле, куда входили уйгуры, курыканы, сеяньто (древние кыпчаки) и другие.

Кыпчакское наследие в этногенезе якутов, видимо, проявляется через этнонимы *хангалас* и *сах*. Первый из них имел вероятную связь с древним ирано-тюркским этнонимом *канглы*, носители которого в дальнейшем вошли в состав

многих средневековых тюркских народов. Особенно велика их роль в происхождении казахов. Этим следует, видимо, объяснить наличие ряда общих казахско-якутских этнонимов (*адай=одай, аргын=аргын, мейрам сопы=мэйэрэм сулу, оразкельды=ораскуол, тордуул=туортул*). В XI в. канглы-печенеги вошли в состав кыпчаков-половцев. Звеном, связывающим якутов с кыпчаками, является этноним *сака*, с множеством фонетических вариантов, встречаемых у хакасов, сары-уйгуров, киргизов, туркмен, венгерских половцев.

Определенная часть кыпчакской культуры с пазырыкцами-сака, несомненно, проходит через верхнеобско-сросткинский археологический комплекс, испытывавший также угро-самодийское влияние.

Родство якутов с кыпчакской средой определяется также наличием общих для них элементов культуры: обряда погребения с остовом коня, обычая изготовления чучел коня, деревянных культовых скульптурных столбов, предметов украшений (серьги в виде знака вопроса, гривны), общих мотивов орнамента.

Родоплеменные группы с этнонимом *сака* получили широкое распространение после XIII в. У якутов погребение с конем или остовом коня с западной ориентацией возникло, по всей вероятности, под воздействием кыпчаков, у которых западная ориентация в погребальном обряде оформилась в XII-XIII вв. под влиянием печенегов и торков. Все это говорит о том, что «западное» (южносибирское) направление в этногенезе якутов, под которым подразумевается и часть уйгурского привнесения, может быть определено более поздним временем, чем курыканский компонент.

И, наконец, представляет несомненный интерес то, что некоторые якутские предания связывают кангаласцев с татарами, из которых вышел якобы один из первопредков якутского народа Эллэй. Многие фольклорные мотивы из цикла «Эллэйады» находят аналогию с дастанами волжских татар. Эти культурные параллели можно объяснить только через средневековую кыпчакскую среду, так как в становлении волжских татар огромное воздействие оказали и половцы-кыпчаки.

Археологические материалы позволяют определить кыпчакскую «экспансию» в Сибирь XIII-XIV вв. Хотя в должной мере она продолжалась и в последующее время, в частности, после распада Белой орды в первой половине XV в. В дальнейшем разгром Сибирского царства Кучума в 1591 г. способствовал частичному перемещению сибирских татар с кыпчакским наречием в восточном направлении вплоть до Чулымы Енисея.

Видимо, через хакасскую культуру в якутскую среду проникают незначительные самодийско-кетские заимствования.

В этногенезе саха немаловажное значение имеет разрешение вопроса о месте и времени якутско-монгольских контактов, точнее, где произошло то мощное влияние монгольского языка, которое сильно изменило звуковой строй якутского языка. Собранный мной материал как будто указывает на наличие длительных якутско-бурятских (монгольских) контактов, происходивших в Предбайкалье, по всей вероятности, с середины I тыс. н.э.¹ Они не только обогатили язык тюркоязычных предков якутов монголизмами, но и основная часть тюркизмов в бурятском языке,

¹ Гоголев А.И. Якуты. С. 58-63.

бесспорно, являются заимствованиями из праякутского языка. Эти тюркские элементы в бурятском языке «не только довольно многочисленны, но и простираются от легко проникаемых областей лексики вплоть до трудно проникаемых и частично даже до грамматических инвентарей»¹. Вплоть до XVIII в. в языке эхиритов активно сохранялся фонетический строй тюркского языка.

Но как считают языковеды (Е.И. Убрятова, С. Калужинский, Н.К. Антонов, В.И. Рассадин и др.), наиболее мощное влияние какого-то не установленного восточномонгольского языка на якутский произошло в пределах XIII-XIV (даже до XVI) вв.² Об этом свидетельствуют характерные особенности средневекового монгольского языка, хорошо сохранившиеся в монгольских заимствованиях в якутском языке. Вероятно, это основное соприкосновение произошло на Верхней (в курыканское время), Средней Лене с уже освоившими край монголоязычными племенами, с которыми якуты сосуществовали в условиях двуязычия длительное время. В якутских легендах эти события не получили чёткого отражения, кроме рассказа о прибытии Улуу-Хоро со своими людьми со стороны Алдана (с востока) уже после освоения якутами бассейна Средней Лены. Кстати говоря, в якутских преданиях фигурирует некий витязь Хородой Хойоѳос, от которого произошёл Борогонский улус, в составе которого числился хоринский наслег. А по бурятским преданиям, Хородой-Мэргэн считается предком бурят-хоринцев Забайкалья.

Легендарными предками якутов считаются Омогой-бай и Эллэй-боотур. Первым прибыл на Среднюю Лену Омогой со своими людьми. По всей вероятности, он мог представлять потомков курыкан, включивших и монголоязычную среду, т.е. отчасти двуязычную среду. Сколько времени они прожили здесь – неизвестно, но приплывает сюда на плоту Эллэй-боотур. По сравнению с людьми Омогоя он имел другое обличие, непонятную речь. По тем же фольклорным данным, Эллэй – выходец из племени кыргызского хана Харабая (Сарабая)³. Эти события произошли «девять поколений назад»⁴. По якутским представлениям одно поколение равнялось 70-ти годам⁵. Следовательно, эти события происходили примерно во второй половине XIII в. В преданиях западных бурят упоминаются якуты, жившие в Прибайкалье до прихода бурят. Переселение бурят и вытеснение якутов, как говорил М.П. Овчинникову в 1906 г. один лама Кыренского дацана, произошло будто бы 683 года назад. По словам ламы, столкновение происходило из-за обладания пастбищами⁶. Получается, что это событие датируется первой половиной XIII в.

Эллэй, женившись на младшей дочери Омогоя, поселился у озера Сайсар. В этих легендах Эллэй рисуется религиозным учителем и культуртрегером. Он – первый горшечник, искусный кузнец-ювелир. С ним связаны хозяйственные нововведения, изобрёл кумысную утварь, построил жилище туруорбах балаган

¹ Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1872. С. 485.

² См.: Рассадин В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. Новосибирск, 1980. С. 90; Kaluinski S. *Iacutica*. Włrszawa, 1995. С. 36-188

³ Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Стб. 3332.

⁴ Там же. Стб. 3109.

⁵ Боло С.И. Указ соч. С. 213.

⁶ См.: Окладников А.П. История Якутской АССР. С. 362.

(юрту). В этом плане, видимо, Элэй как собирательный образ является олицетворением тюркоязычных предков якутов из Южной Сибири.

Потомки Омогоя, верхоянские якуты-скотоводы и весь север бывшего Якутского округа (Намский, Дюпсюно-Борогонский и Байагантайский улусы) определённо акают в разговоре. Считается, что акающий диалект или говор образовался на базе объякученных монголов. А население южной половины Якутского округа окает. Данный диалект, как считает большинство филологов, образовался на базе тюркского языка, возможно, под воздействием окружающей их тунгусоязычной среды. Получается, что отуреченные монголоязычные и испытывавшие монгольское влияние тюркские предки якутов (поздние хоринцы и часть потомков курыкан) занимали Алдано-Ленское плоскогорье Центральной Якутии, а южносибирские тюркоязычные предки якутов – кангаласцы, появившиеся в бассейне Средней Лены позднее потомков курыкан, занимали более южные амгино-ленские районы (вилюйские¹ и северные якуты оформились, в основном, на рубеже XVII-XVIII вв. из населения Центральной Якутии и аборигенов края).

Виллой и, особенно, Северная Якутия, заселённые тогда тунгусоязычным и юкагирским населением, осваивались преимущественно этногруппами, испытывавшими определённое монгольское воздействие. Это видно из этнонимов. Так, например, в Жиганском улусе есть роды хатыгын, ботулу. В Усть-Янском – юдюдэй, ногай и т.д. Характеризуя северных якутов, Г.В. Ксенофонтов писал о сохранении в их говоре довольно отчётливых пережитков тунгусского наречия и явной примеси монгольских слов. Особенности этого говора свидетельствовали о ближайшем родстве их носителей с якутским населением северо-востока Виллюя². В языке северных якутов к тому же обнаружались монгольские слова, неизвестные южным якутам-скотоводам. В своей работе Г.В. Ксенофонтов описывает обряды якутов-оленеводов севера, совпадающие в точности с некоторыми обрядами северобайкальских бурят, что вполне закономерно. Обратил внимание на некоторые особенности камлания северного якутского шамана, который в конце камлания пением особых куплетов просил подать ему воду «прозрачного Байкала» (дьэнкир байгал уута). На основании изучения этнографических особенностей данной группы якутов он пишет, что «намечается проживание основного ядра северных якутов в районе Предбайкалья и позднейшее передвижение их на север». И, видимо, есть определенная доля истины в следующих словах Г.В. Ксенофонтова: «...Ранняя... прослойка верхоянцев, абыйцев, калымчан, состоящая из группы родов – юсальцев, эгинцев и байдунцев, по своему первоначальному происхождению были монголы, само собой разумеется, объякученные еще на юге в пределах Прибайкалья»³.

Таким образом, якутско-монгольские взаимоотношения, как показывают материалы, начались еще в курыканское время, когда в аборигенную среду Прибайкалья,

¹ Среди виллюйских якутов несколько обособленное положение занимают якуты Сунтарского улуса. Как и население бассейна Средней Лены, они объединяются в кластер F – 28 с населением Саяно-Алтая и монголами-халха (См.: Спицын В.А. Биохимический полиморфизм человека (Антропологические аспекты). М., 1985. С. 115-116).

² Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар. С. 217, 230.

³ Там же. С. 248.

представленную древними тунгусами и монголоязычными группами, проникают тюркские племена. По всей вероятности, эти местные монголоязычные являлись предками современных эхирит – булагатов, отуреченных или частично ассимилированных курыканами. В начале II тыс. они подверглись воздействию ойратов и особенно восточных монголов.

Один из легендарных предков якутов Омогой-бай со своими людьми составляли часть батулинцев, входивших, видимо, в состав булагатов, отуреченных курыканами монголоязычного населения Прибайкалья и вообще представлявших остатки курыкан. Следовательно, борьба Омогоя, наследника курыкан, с «братскими людьми», о которой писал Я.И. Линденау в XVIII в., основываясь на якутских легендах, - это борьба с новым притоком монголоязычных в Прибайкалье и верховья Лены, во время которой часть из них осталась на прежней родине и окончательно омонголилась. Этому служат подтверждением языковые и антропологические данные. Все это говорит о том, что якутско-бурятские культурные параллели, в основном, проявляются на общем древнетюркском фоне. Но в целом влияние монголов в якутской этнокультуре прослеживается в этнонимах, языке и культуре. С этим связаны навыки ведения оседлого скотоводства с практикой заготовки сена на зиму, способы подледного рыболовства, зимние конструктивные детали юрты («...свои дома утепляли, выражая... по-монгольски»)¹, некоторые термины родства, терминология, связанная с черным шаманством, образ богини земли в виде старой почтенной женщины, как, например, у киданей. Возможно также происхождение бога судьбы якутов – Дьылга-хаана от Jil-un tngri и др.

Таким образом, в этногенезе якутов, тюркских народов Южной Сибири и западных бурят прослеживается единая древняя этнокультурная основа.

Завершение этногенеза и формирование якутской культуры на Средней Лене. По сравнению с ранним железным веком (III-II вв. до н.э. – первая четверть II тыс. н.э.) средневековая история Якутии до 1970-х гг. была освещена крайне скудно. Так, в 1940-х гг. А. П. Окладников на небольшом материале наметил два периода, связанных здесь с развитием «позднего железа»: культуру «малых домов» (конец XV-XVI вв.) и эпоху, «кыргыз-этехов» (XVI-XVII вв.). При этом «малые дома», по мнению автора, представляли собой памятники переходного времени от раннего железного века к якутской культуре, обитатели которых еще не были знакомы с скотоводством. А первые скотоводческие поселения появились в XVI-XVII вв. т.н. «кыргыз-этехи»². В дальнейшем аналогичные к «малым домам» памятники были раскопаны И.В. Константиновым³.

С 1976 и до начала 1990-х гг. впервые были выявлены и раскопаны памятники, связанные с распространением скотоводства в бассейне Средней Лены. Эти поселения, изученные в Мегино-Кангаласском, Таттинском, Чурапчинском, Усть-Алданском, Амгинском улусах, были объединены в одну кулун-атахскую архео-

¹ Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. С. 93.

² Окладников А.П. История Якутской АССР. Т. 1. С. 199-205.

³ Константинов И.В. Ранний железный век Якутии. Новосибирск, 1978. С. 94 -100.

логическую культуру¹. В дальнейшем такие поселения были обнаружены на территории Вилюйского улуса.

Эти поселения скотоводов однотипны, относятся к одному времени, определенной территории и, вероятно, к одной этнической общности. По радиоуглеродным данным, они определены XIV-XV вв. Примерно на рубеже XV-XVI вв. у кулун-атахцев произошли некоторые изменения в материальной культуре. Это дало возможность выделить в изучаемой культуре второй этап, Сырдыкский, по названию поселения, в материалах которого прослежены эти изменения².

Кулун-атахская культура, в основном, представлена поселениями за исключением двух погребений. Последние, по всей видимости, относились к завершающейся стадии культуры. Они представляли собой одиночные скорченные костяки, лежащие на глубине 90-95 см от земной поверхности. Ориентировка – широтное, головой на запад. В районах Сибири обычай погребать умерших на левом боку с подогнутыми ногами и кистями рук перед «лицом» впервые зафиксированы в памятниках Алтая, Приобья и Северо-Западной Монголии, датируемые VIII-VII до н.э. В Минусинской котловине аналогичные погребения местами сохраняются до VIII-XII вв.

Результаты анализа предметов кулун-атахского комплекса показывают, что глиняные сосуды, два типа ножей, ножницы, серьги, железные наконечники типа срезней, костяные застёжки для конских пут, костяные струги с прорезями, наконечник с руническими знаками, обломки палаша, косы-горбуши, бусы из бирюзы, нефрита и перламутра, формы жилищ проявляют определенную связь с аналогичными вещами из культур Прибайкалья, Южной и Западной Сибири, в основном, датируемых курыкано-уйгурским временем. Но часть кулун-атахского комплекса несет на себе заметный отпечаток влияния традиций раннего железного века Якутии. Это, прежде всего, относится к костяным и железным наконечникам стрел.

Кулун-атахскую керамику, видимо, следует разделить на две группы. К первой группе нужно отнести сосуды из поселений Кулун-Атах, Уганья, Кытанах Маллата, Куоладыма и др. В ней преобладали круглодонные и «среднестенные» сосуды. Это кулун-атахский тип глиняных сосудов.

Сосуды из поселений Сырдык, Лону, Кулун-атах – 2 и др. отличаются стабильностью толстостенных сосудов с небольшим плоским основанием, хотя круглодонки все еще продолжают встречаться. Видимо, с сырдыкским этапом кулун-атахской культуры следует связать появление больших сосудов яйцевидной формы с маленьким донышком и слегка выгнутым туловом. Вместе с тем все эти сосуды обнаруживают самое близкое сходство по технике изготовления, характеру орнаментации и представляют вещевой атрибут единой палеоэтнографической культуры. Кулун-атахцы вводили в состав глины в качестве отошителя песок. Но во многих случаях тесто обезжировали путем добавления шамота мелкой толчеи из разбитых глиняных сосудов.

¹ Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV-XVIII вв.). Иркутск, 1990. С. 10-53.

² Там же. С. 23-38.

В сырдыкском этапе впервые появляются вещи, которые в XVII-XVIII вв. составили определенную часть материальной культуры якутов: глиняные сопла от горна, глиняные ножки-поставки, железные вильчатые наконечники стрел, пальма, ножи, «овечьи» ножницы, скобель, роговые орнаментированные рукоятки опыхалы из конского хвоста, концевые костяные накладки лука. Отсутствие погребений этого времени, за исключением двух, не дает возможность более полного представления материальной и особенно духовной культуры людей изучаемого времени.

Вместе с тем формы многих типов костяных наконечников стрел, костяные шила, роговые ручки, формы железных и костяных панцирей, наконечники остроги и даже формы глиняных сосудов в общей сложности создают тот неповторимый облик специфики, которым определяется отдельная археологическая культура.

«Нам представляется, что керамика из «малых домов», – писал И. Константинов, – продолжает культурные традиции раннего железного века, а именно тот тип керамики, который выделен нами на материалах стоянок Сумнагин – 1... и других, и имеет, в свою очередь, корни в местной керамике бронзового века»¹. При этом автор носителями культуры «малых домов», датируемой концом XV-XVI вв., считал юкагиров. С ним связывал керамику, украшенную наклепными валиками. А сосуды, орнаментированные различными давлениями штампа, принадлежавшие, видимо, тунгусоязычным племенам, в материалах «малых домов» отсутствуют, также как и в инвентаре кулун-атахской культуры.

В свете новых археологических данных т.н. культура «малых домов» представляла собой или окраинный бескотловодческий вариант кулун-атахской культуры, или, как предполагал А.П. Окладников, ее представляли потомки людей раннего железного века, вступившие в контакт с южными пришельцами – предками якутов. Но при всем этом я склоняюсь больше к первой версии по следующим соображениям. Во-первых, мы сталкиваемся практически с новым видом глиняных сосудов. Следовательно, в случае, если культуру «малых домов» представляли юкагиры, то они предварительно должны были в корне изменить старую технологию изготовления керамики, чтобы потом в эпоху существования «малых домов» уметь производить сосуды кулун-атахского облика. Последнее могло случиться только при соответствующем изменении этнического состава носителей этой местной культуры.

Во-вторых, поздняя якутская керамика XVII-XIX вв. оформилась в результате дальнейшего эволюционного развития сосудов кулун-атахской культуры, возможно, не без влияния русского гончарства. Исчезновение тонкостенной керамики эпохи раннего железного века фактически датируется началом второй четверти II тыс. н.э. В этом плане тунгусы и юкагиры, олицетворявшие собой культуру раннего железного века, в XVII в. уже не знали производства керамики. Это обстоятельство может говорить о сравнительно давнем исчезновении из их обихода глиняных сосудов. Во всяком случае так рано, что даже не сохранилось о них упоминания в фольклоре этих народов².

¹ Константинов И.В. Ранний железный век Якутии. Якутск. С. 72.

² Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 716-720.

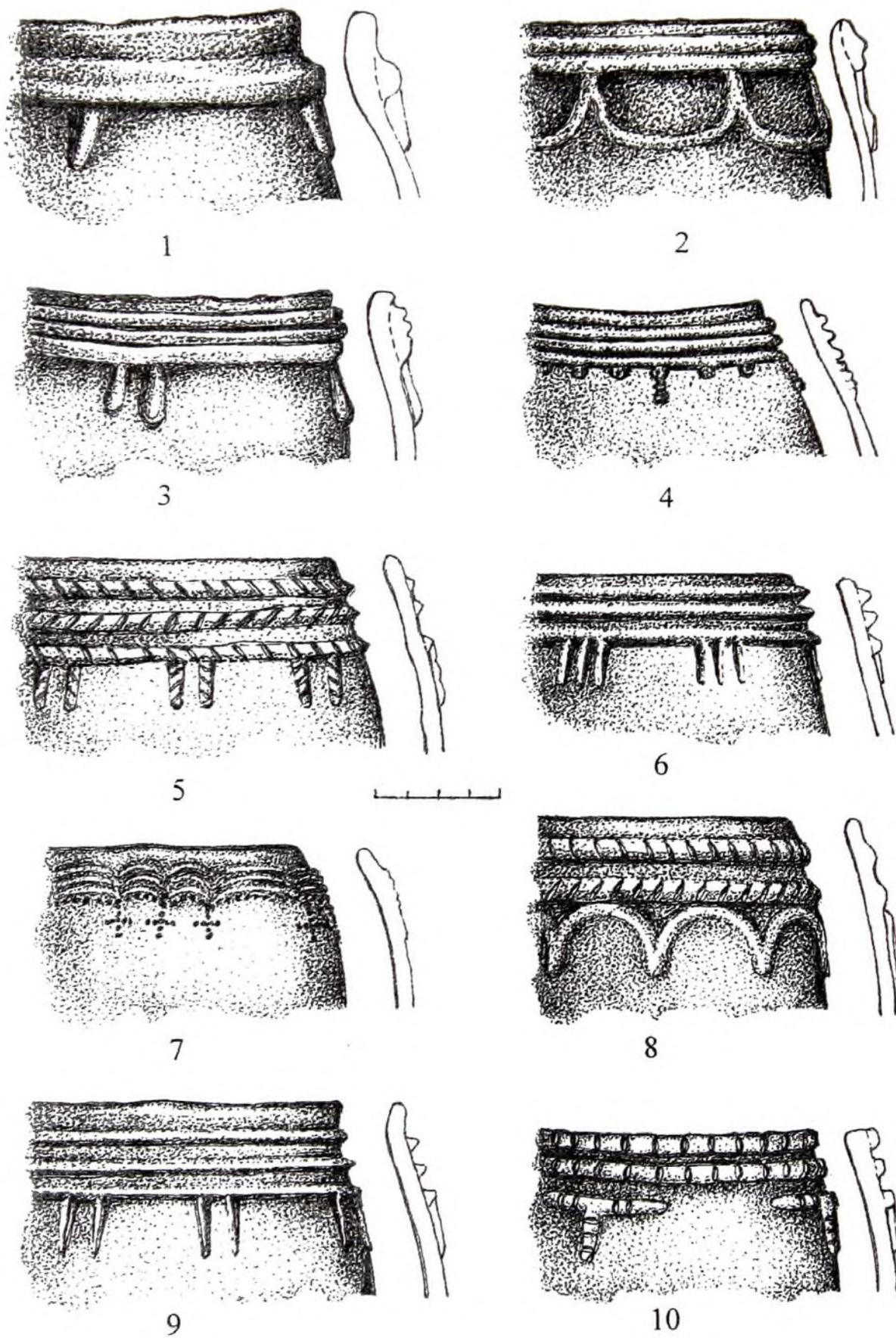

Рис. 3. Фрагменты керамики кулун-атахской археологической культуры

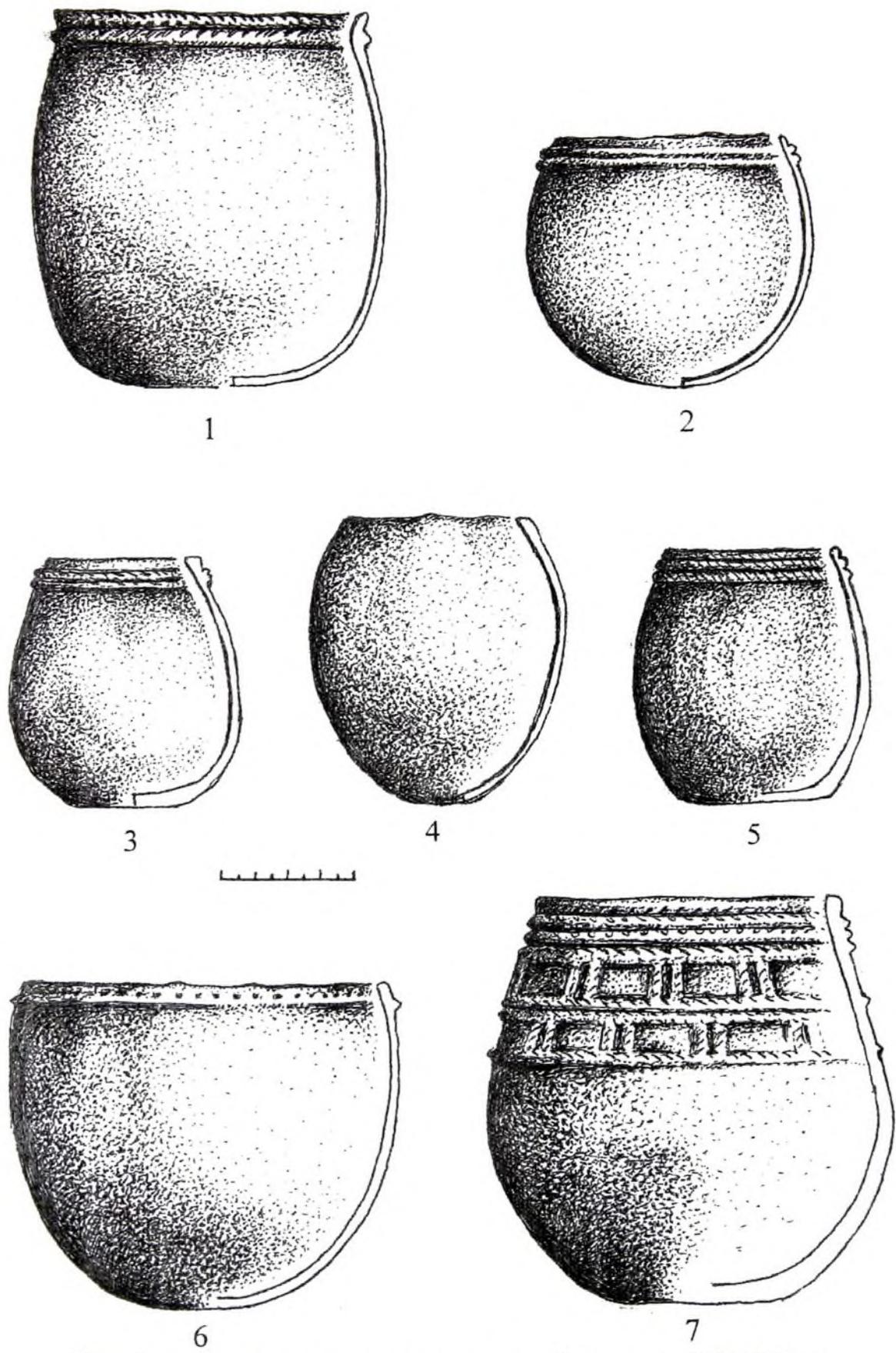

Рис. 4. Глиняные сосуды кулун-атахской культуры XIV-XVI вв.
(Реконструкция)

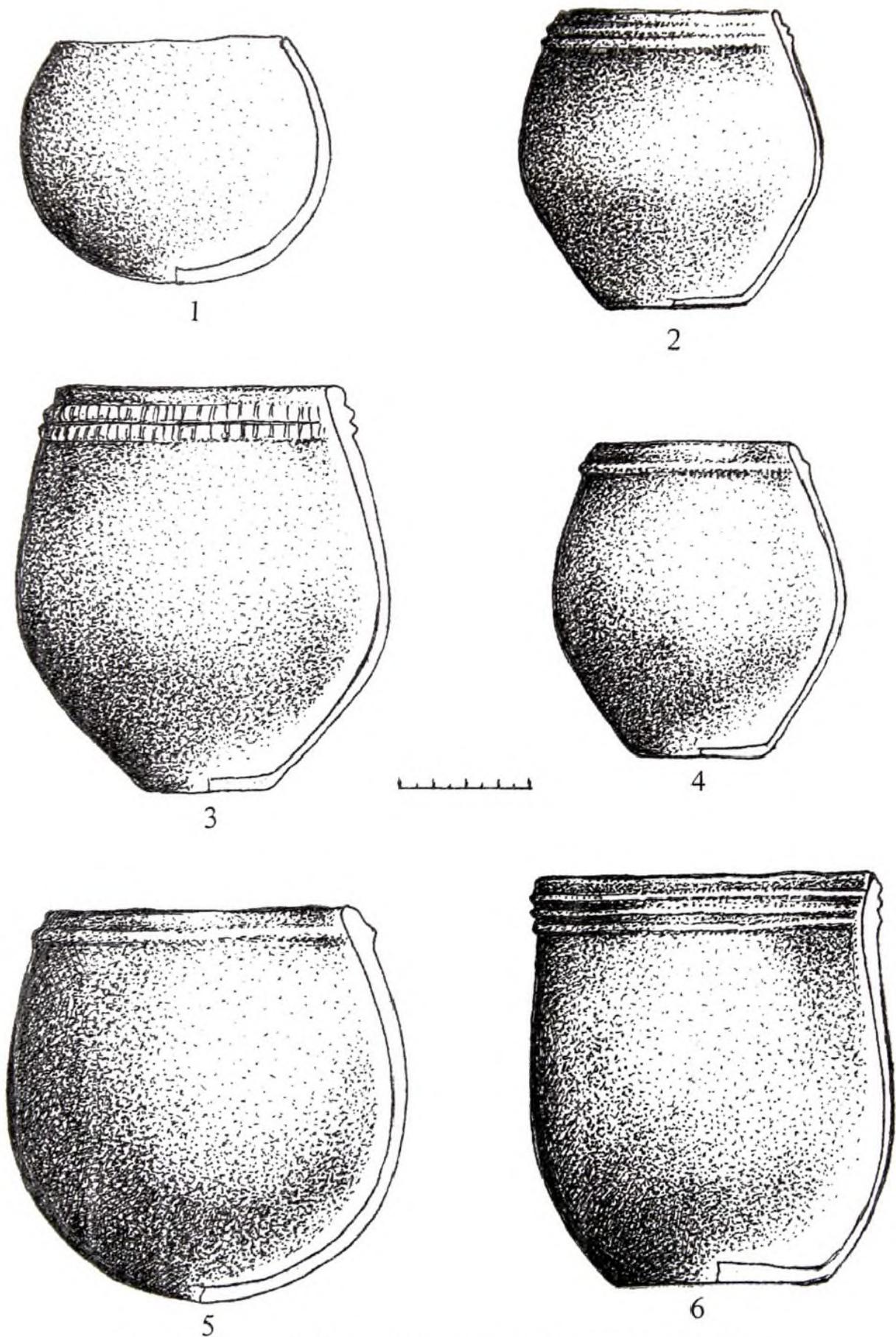

Рис. 5. Керамические сосуды древнеякутской культуры.
(Реконструкция)

Исчезновение керамики раннего железного века И.В. Константинов склонен был объяснить изменением характера основных занятий у тунгусов, а затем и юкагиров: «Появление оленеводства и его подчинение охоте побудили эвенков полностью перейти к охоте в основном смысле этого слова»¹. С этим мнением нужно согласиться. Данное событие имело и большое хронологическое значение в том смысле, что оно приводит к завершению эпохи раннего железного века (хотя во многом условно) не только в Якутии, но и во многих районах Северо-Восточной Сибири. Так, по наблюдениям Л.П. Хлобыстина, примерно в XIII в. керамика почти повсеместно исчезает из обихода жителей сибирского Заполярья². По всей вероятности, почти в это же время прекращается производство тонкостенной керамики у племен Якутии. На смену в бассейн Средней Лены приходит новая средневековая скотоводческая культура кулун-атахцев, основные опорные памятники которой датируются XIV-XV вв. Разумеется, она не являлась еще окончательно сформировавшейся культурой якутов. В рамках кулун-атахской культуры, видимо, происходили незначительные ассимиляционные процессы, в которых ведущее, и надо полагать, преобладающее положение занимали пришлые этнообразующие силы.

Таким образом, в общем облике материальной культуры кулун-атахцев наблюдаются синтезированные субстратные истоки культур бронзы раннего железного века при доминировании пришлых южных основ культуры тюркской эпохи VI-XII вв. Прибайкалья, Южной Сибири. При этом преобладающее значение имели истоки, связанные с курыканской культурой и частично южносибирской тюркской средой. В коррелятивном плане разница во времени между концом указанной эпохи и формированием кулун-атахской культуры составляет полтора-два века. Несомненно, кулун-атахцы имели связь с населением Приангарья и бассейна Верхней Лены, жившего в начале II тыс., наследника тюркской эпохи Прибайкалья, оставившего вплоть до Усть-Кута памятники культуры «лесных скотоводов». Обозревая эти памятники, А.П. Окладников писал следующее «...Тюрки-носители той древней культуры, которая лежит в основе современной якутской культуры, - сначала освоили Верхнюю Лену, затем, медленно продвигаясь на север, колонизовали район ниже Верхоленска, примерно до Усть-Кута, и здесь оставили бесспорными следы своего длительного пребывания в виде рунических надписей, городищ и других археологических памятников»³.

Принято считать, что этнос приспосаблиется к определенному ландшафту в момент своего оформления. С этой точки зрения, якуты как народность сложились в бассейне Средней Лены. Пришлые скотоводы, кулун-атахцы, осваивая Центральную Якутию, произвели определенные изменения в хозяйственной жизни региона: привели с собой лошадей и коров, организовали сенокосно-пастбищное хозяйство. Началось распространение и утверждение производящего хозяйства в Якутии.

¹ Константинов И.В. Ранний железный век Якутии. С. 95.

² Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья. СПб., 1998. С. 172.

³ Окладников А.П. Указ. соч. С. 337.

В истории народов Якутии XVII в. является поворотным моментом. С 1630-х годов начинается письменная история этого отдаленного края Сибири, и сведения о культуре якутов просачиваются в архивные документы этого времени. Но по ним невозможно четко и полно представить конкретный облик материальной культуры якутов рубежа XVI-XVII вв. Поэтому существенным дополнением в изучении этого пробела выступают археологические данные. В этом плане интерес представляет опубликованный А.П. Окладниковым небольшой материал из «кыргыс-этехов», датированного им XIV-XVII вв. Судя по этим данным, «кыргыс-этехи» представляли собой дальнейшее развитие кулун-атахской культуры, точнее её сырдыкского этапа.

Обзор вещевого комплекса из памятников XVII-XVIII вв. показывает его глубокую связь с материальной культурой кулун-атахцев, ставшей основой развития традиционной культуры якутов¹. Вместе с тем наблюдается существенное изменение культуры, происходившее под влиянием не столько автохтонной этнической среды, сколько дальнейшим её приспособлением к местной природно-климатической среде. Определенное воздействие на якутов должны были оказать и русские, появившиеся в Ленском крае в 30-х гг. XVII века.

Инвентарь из якутских погребений XVII-XVIII вв. находит свои ближайшие аналогии в вещах из археологических культур сопредельных территорий на юге, датируемых, в основном, поздним средневековьем. Притом подавляющее число аналогий происходит из территории Южной Сибири, преимущественно охватывающей районы Алтая и Верхнего Енисея в пределах X-XIV вв. Параллели, наблюдаемые между курыканской и кулун-атахской культурами, в изучаемое время как бы затушевываются. Но вместе с тем вырисовывается панорама былых кыпчакско-якутских связей по линии сходства некоторых черт материальной культуры. С ними необходимо связать также обряд погребения с конем, особенно с остовом коня, чуждый как для курыкан, так и для монголоязычных предков якутов. Возможно, и западная ориентация, характерная в погребальном обряде якутов, возникла под прямым или опосредственным воздействием кыпчакской среды. Во всяком случае, известно, что в XII-XIII вв. под влиянием печенежско-торчского обряда, как отмечалось выше, половцы (кыпчаки) стали придерживаться западной ориентации при погребении умерших. С ними с левой стороны, в отдельной яме или вместе с покойником, обнаруживается захоронение остова коня головой на запад, иногда, на приступке, рядом с ямой, перекрытой деревянными плахами. Данный обряд аналогичен с погребальным обрядом якутов, прослеженным нами на территории Хангаласского улуса.

Влияние монголоязычной среды, хорошо проявляемое на языковом материале, в археологических памятниках XVII-XVIII вв. практически не прослеживается. Не прослеживается оно также на якутском орнаменте XVII-XVIII вв. за небольшим исключением.

При сравнительном изучении отдельных предметов материальной культуры якутов XVIII в. фиксируется определенное различие между культурами якутов

¹ Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья. С. 92-11.

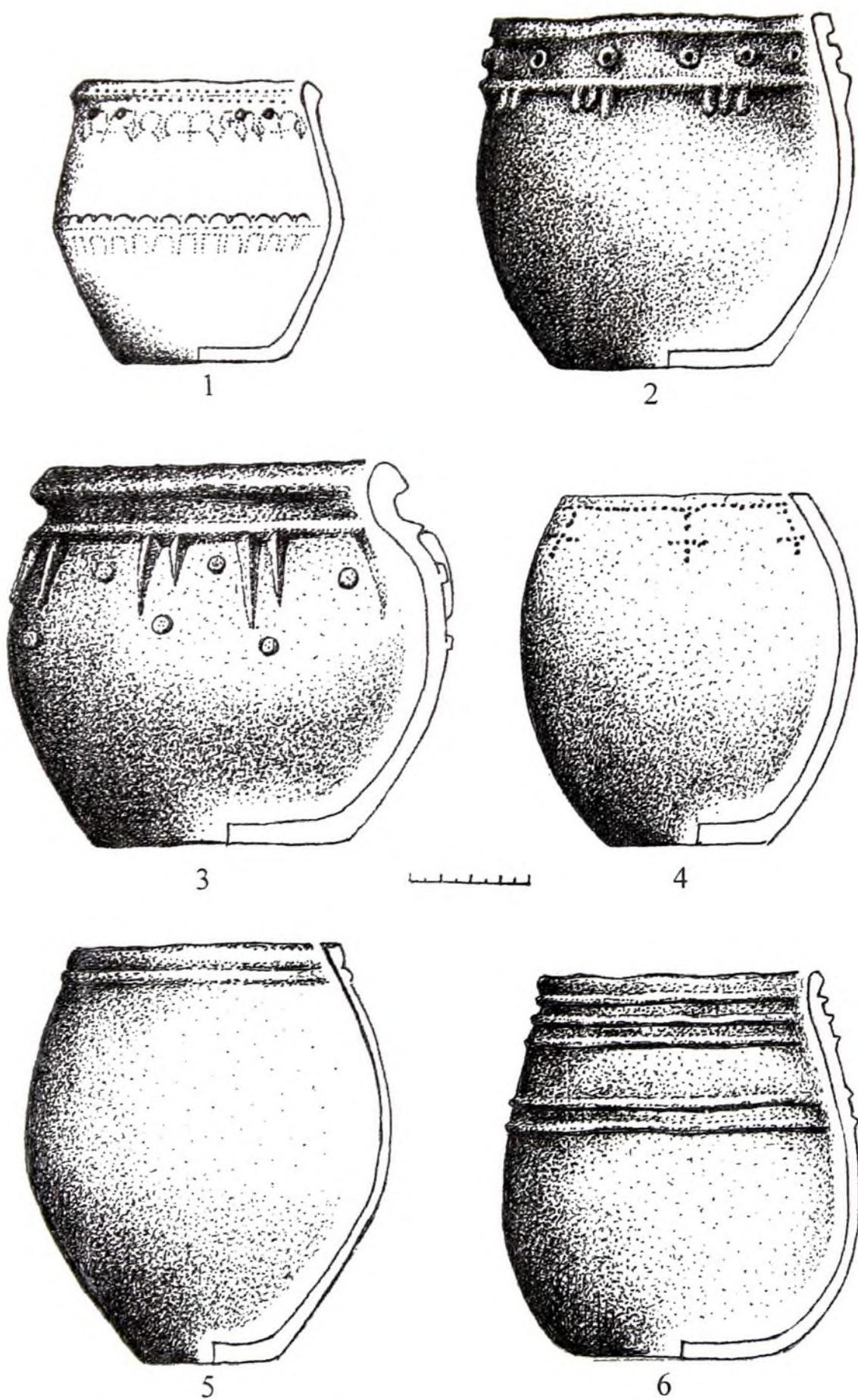

Рис. 6. Якутские глиняные сосуды из поселений XVII в.

Амгино-Ленского междуречья и Вилюйско-Оленекской группы якутов. Это объясняется больше неравномерностью темпов развития между регионами одной культуры. Во всяком случае у последней группы дольше сохранились некоторые пережитки «степной» культуры (в том числе монголизмы в языке этнонимии), утраченные к изучаемому времени в повседневном обиходе населения Центральной Якутии.

Соотношение пришлых и аборигенных элементов в традиционной культуре саха. Южное основополагающее ядро кулун-атахской культуры являлось скорее собирательным, возникшим в результате «сплава» нескольких этнокультур, но с преобладающим значением курыканской. При этом отметим ещё раз о том, что с южными предками якутов связано начало развития на Средней Лене производящего хозяйства – скотоводства.

В памятниках кулун-атахской культуры встречаются небольшие или средних размеров постройки без очага, видимо, предназначенные для скота. Но они не могли вместить много скота. Судя по остеологическим материалам, процентное содержание крупного рогатого скота и лошадей почти одинаково. Но все же, очевидно, коневодство должно было тогда играть ведущую роль.

В целом форма якутского скотоводства начала XVII в. определена исследователями как сенокосно-пастбищная. Именно сенокосение явилось определяющей основой развития скотоводства в условиях Якутии. Здесь сенокосные угодья до сих пор делятся на три группы: обширные массивы равнин по долинам рек, аласы (елани), расположенные рядом или связанные друг с другом речками и аласы термокарстового происхождения – это круглые и овальные, длиной от 100 м до нескольких километров, котловины среди тайги с озером и каймой луговой растительности вокруг озера. При этом следует заметить, что слово «алас» происходит от тюркского «аласа», «алаша», низкий.

Сенокосные места находились рядом с зимником, «кыстык», который состоял из деревянной юрты, «балагана», утепленного хлева для рогатого скота – «хотон»; помещения для рабочей лошади – «хаһа». К хотону примыкала изгородь для сена, «оттоох күрүө». Корм скоту давали в скотном дворе, «дал». Такой же дал устраивался и для лошадей.

Основным видом пастбищ считался «сайылык», летник, обширный луг с водоемом. Здесь скот содержался в летнее время. Сайылык, кроме жилища, состоял из загона для скота, «дал», из крытого помещения для дойных коров, «титик» и помещения для дойных кобыл и жеребят, «хаһа». Летники и зимники находились рядом, на небольшом расстоянии. Поэтому ворота изгородей всех покосов закрывались в начале июня.

В целом, якутское скотоводство, формировавшееся в течение XIV-XVII вв., проявляет близость с пастушеским скотоводством. Вместо примитивного ручного земледелия, которым занимались пастушеские племена, якутское скотоводство сочеталось с рыболовством и охотой.

По источникам XVII в. кроме рыболовства значительную роль для основного населения играла сосновая заболонь. Её заготавливали в начале лета, в июне «бэс ыйа». Здесь следует обратить внимание на то, что алтае-хакасское название

кандыка «бес=пис» якуты перенесли на название сосны «бэс». Таким образом, южносибирские предки якутов кандык, за его отсутствие на новой родине, заменили на сосновую заболонь.

В период освоения скотоводами бассейна Средней Лены в их хозяйстве коневодство имело большое значение, так как лошади, помимо прочих полезных свойств, обладают способностью «тебеневать», разгребать копытами снег, разбивать ими корку льда, кормиться самим. Крупный рогатый скот для дальних перекочевок не приспособлен и появляется у полукочевников только по мере их перехода к полуседлости.

Некоторые палеонтологи считают, что якутские лошади произошли от местной дикой породы¹. Но это мнение имеет своих противников не только среди этнологов, но и среди палеонтологов. Так, И.Е. Кузьмина считает, что поздние плейстоценовые лошади вымерли, и Якутия была заселена повторно уже домашними лошадьми². И.П. Гурьев выявил сходство якутских лошадей с монгольской и ахалтекинской породами, с казахской лошадью джабе, отчасти с киргизскими, лошадьми из японского острова Черчжу³. Интересен также факт отсутствия костей лошади в археологических памятниках Якутии, предшествующих кулунатахской культуре за исключением палеолита. Между тем все поселения кулунатахской культуры полны костными останками лошадей. Сильно развитый культ коня, тюркская терминология якутского коневодства говорят о том, что лошади были приведены степными предками якутов. Кроме того, даже в охотничьей отрасли якутского хозяйства хорошо не прослеживается влияние аборигенной среды. А термины по рыболовству имеют тюркское происхождение. В названиях рыб, как отметил проф. Н.К. Антонов, выявлены всего четыре монгольские основы и только два случая эвенкизма встречены в северных говорах якутов. В целом слова, связанные с рыболовством, возникли самостоятельно, как и термины оленеводства, в отрыве от общей тюркоязычной среды, сохраняя тюркскую словообразовательную основу. Зато в названиях рыболовных снастей более заметно монгольское заимствование. При этом Н.К. Антонов считал, что северный способ подлёдного рыболовства был создан монгольским населением, жившим на севере до прихода тюркоязычных предков якутов⁴.

Все это говорит о том, что вся структура якутского хозяйства сформировалась на Средней Лене, вне зависимости от местной аборигенной среды, на основе прежних традиционных хозяйственных навыков южных предков якутов.

По вопросу происхождения типов якутских жилищ в литературе высказаны различные предположения. Прежде всего исследователи обратили внимание на якутскую урасу. Так, Р.К. Маак, С.А. Токарев, А.П. Окладников больше склонны были связать ее с автохтонной средой, тогда как В.Л. Серошевский, О.В. Ионова, М.М. Носов, А.А. Попов считали, что якутская ураса южного происхождения.

¹ Лазарев П.А. Антропогенные лошади Якутии. М., 1980.

² Кузьмина И.Е. О происхождении и истории термофауны сибирской Арктики // Фауна и флора антропогена Северо-Востока Сибири. Л., 1977. С. 18-55.

³ Гурьев И.П. Иммуногенетические краниологические особенности экотипов якутской лошади: Автореф. канд. дисс. ... к.б.н. М., 1990.

⁴ Антонов К.Н. Историческая лексика якутского языка. Якутск, 1971. С. 80.

Сложен также генезис якутской юрты, «балаган» или «туруорбах дьизэ». Не вдаваясь в подробности данной проблемы, вслед за Ф.М. Зыковым следует подчеркнуть, что основные типы жилищ якутов «имели прототипы на юге, затем по мере приспособления к новым климатическим условиям происходило некоторое их изменение, отчасти и усложнение»¹. Но названия временных и охотничьих шалашей, а также якутские слова «дьизэ» жилище (эвенк. дю), «күүлэ» (эвенк. гулэ), сени являются тунгусскими. А названия летних видов жилищ, основных конструктивных частей деревянной юрты, имеют тюркское происхождение.

Традиционная одежда народа саха в целом имеет южносибирское происхождение, хотя она претерпела существенные изменения. Тунгусо-юкагирское влияние в ней проявлялось в широком применении бисерных нашивок, меховой аппликации, в бахrome из меха и конского волоса. По классификации Н.Ф. Прытковой, верхняя одежда саха составляет пятый тип распашной одежды народов Сибири, названный «ленским». Но по некоторым деталям кроя якутский тип близок к шестому «южно-сибирскому» типу одежды народов Сибири².

Смешение северных и южных элементов наблюдается в якутской обуви, которую принято разделять на типы. Так, тип обуви, по раскрою голенища определенной «юкагирским», распространился от них эвенкам и якутам. Кроме того якуты восприняли эвенкийскую меховую обувь выше колен *куруму*. Башмаковая обувь из кожи распространена кроме якутов у хакасов (сагайцев и качинцев). От якутов он проник к эвенкам, жившим смежно с ними, и от эвенков попал к орочам и нанайцам³. Якуты также пользовались типом башмаковидной обуви из камусов, названный «алтайским» и распространенный у южных алтайцев, телеутов, хакасов и тувинцев. От якутов он проник к аянским эвенкам. Среди саха распространен и восточно-сибирский вариант такой обуви. Вместе с тем, летнюю ровдужную обувь они обозначают эвенкийским словом *олоччу*.

Покрой, состоящий из подошвы и голенища без дополнительных частей, характерный для народов Саяно-Алтайского нагорья, предки якутов вынесли на Лену, где он развился в якутский вариант. От якутов этот покрой проник к эвенкам Верхней и Нижней Тунгуски, Витима и Олекмы⁴. Кроме того в обуви народов Якутии прослеживается общий раскрой надподошвенной части, характерный для юкагиров. От них он перешел к эвенкам и якутам. Но последние перенесли на него свою южную подошву с острым передком и с алтайским «носочком». В целом в покрое и декоре обуви сохранились южнокочевнические черты.

К элементам северной аборигенной культуры относится деталь якутских рукавиц – поперечные разрезы спереди. Она была перенята у эвенков.

Н.Ф. Прыткова сблизила два типа старинных якутских капоровых шапок с киргизским капором. Четвертый тип шапок, распространенный среди народов Сибири, автор разделила на два варианта. При этом первый вариант кроме якутов

¹ Зыков Ф.М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов (XIX-нач. XX в.). Новосибирск, 1987. С. 36.

² См.: Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 236-239.

³ См.: Гоголев А.И. Якуты. С. 115.

⁴ Там же.

распространился среди алтайцев, сибирских татар, а второй – у хакасов, южных алтайцев, селькупов и якутов¹.

Специфическую особенность якутской традиционной одежды составляли наколенники «сутуруо». Ноговицы (длинные гамашы) и натазники представляли своеобразный составной вид брюк. Последний не характерен для аборигенного населения Якутии (за исключением эвенков). За это говорит и само слово «сутуруо»², состоящее из двух основ: «сото», голень и «торук»=«туруо» от основы «торуй», закрывать, от тюркского «торулук» занавеска; кошма, которой покрывают нижний ярус кибитки, т.е. «сутуруо» дословно – «материал, закрывающий голень»³. Следовательно, «сутуруо», как и «мойторук», меховой якутский шарф, имеет, по всей вероятности, алтае-саянское или прибайкальское происхождение. Следует также отметить, что такие составные натазно-наколенные штаны сохранились в XIX в. у нивхов Дальнего Востока, населения горных районов Центральной Европы. В ретроспективном плане ноговицы носили древние хунны, северные китайцы. В старину у мужчин бытовал набедренник (бэлэмпчи), связанный с одеждой тюркоязычных скотоводов и киргизским женским свадебным набедренником – «бельдемчи»⁴. Таким образом, в одежде якутов сочетаются в покрое и декоре как южные, так и северные традиции. Притом, как считает Р.С. Гаврильева, древние южные истоки сохранились прежде всего в орнаментальном украшении одежды и в названиях отдельных видов традиционной одежды. С момента образования народа саха в приемах изготовления одежды он испытывал влияние культуры северных оленеводов и охотников⁵.

Обозрение орнаментального искусства якутов позволяет сделать заключение о сложности его развития, о синкретичности отдельных его форм, испытавших влияние художественной культуры кочевников Центральной Азии (хунну), Южной Сибири (пазырыкцев) и через них – народов Востока. При всем этом в якутском орнаменте преобладают мотивы, общие с тюркскими народами Южной Сибири, киргизами и казахами. На втором месте стоят узорные мотивы, близкие с орнаментом бурят и эвенков⁶. При этом следует уточнить о том, что сосуды, орнаментированные различными вдавлениями штампа, принадлежавшими, видимо, тунгусоязычным этногруппам, в материалах кулун-атахской культуры отсутствуют. Следовательно, южные предки якутов на Средней Лене в целом инкорпорировали не тунгусов, а скорее всего часть дотунгусского населения Центральной Якутии. Условно их можно определить термином «палеоазиаты». Это упоминаемые в фольклорных текстах харасагылы, жившие на территории современных Мегинского и Борогонского улусов, в Таттинском и сопредельных местах – «тыал буолбуттар» («рассеянные ветром»). На Вилюе зафиксировано проживание воин-

¹ Историко-этнографический атлас Сибири. С. 336.

² По-эвенкийски «оторо»=«хоторо»=«арамус» - ноговицы.

³ Антонов Н.К. О сложных словах в якутском языке // Исследование по грамматике якутского языка. Якутск, 1983. С. 20.

⁴ Гаврильева Р.С. Одежда народа саха конца XVII-середины XVIII века. Новосибирск, 1998. С. 51.

⁵ Там же. С. 84.

⁶ Гоголев А.И. Историческая этнография якутов. Якутск, 1980. С. 87-106.

ственных туматов «с шитыми лицами», а на Верхоянье – сортолы. Все они занимались охотой и рыболовством.

Религиозные верования и шаманство представляли собой комплекс взаимосвязанных и разновременных по происхождению культов. В них наблюдается множество общих религиозно-мировоззренческих представлений с тюркоязычными народами Южной Сибири¹. Имеются все основания утверждать, что истоки традиционной религии якутов возникли в степях Центральной Азии и Южной Сибири предположительно на рубеже двух эр, хотя наиболее ранние её истоки своими корнями уходят в I тыс. до н.э., в область дуалистической мифологии сако-иранских племен. Предки якутов принесли на Среднюю Лену довольно сложную систему религиозного синкретизма, находившуюся на пути оформления политеистической религии.

Большое место в религиозных верованиях занимает культ божеств айыы, с которым связан ысыах, праздник плодородия конного скота. Данный комплекс, вероятнее всего, имеет связь с раннекочевническим индоиранским мифологическим воззрением, в основе которого стоял культ Ахура-Мазда, т.е. *светлого* божества. Аналогичный дотюркский религиозный комплекс у алтайцев выявлен Л.И. Шерстовой². Служители Ахура-Мазда носили белые одеяния, во время молитв держали в руках пучки тонких веток. Они напоминают якутских «белых шаманов», являвшихся жрецами божества айыы, в частности Юрюн Айыы тойона, «*светлого* творящего божества». Они также совершали моления в белых одеждах с ветками в руках.

Вместе с тем, в якутском черном шаманстве проявляется влияние тунгусского шаманства³, а термины, связанные с ним, в основном, имеют монгольское происхождение. Кроме того, в религиозные воззрения якутов вошли и некоторые юкагирские обычаи⁴.

Якутская антропонимика также дает дополнительный материал по этногенезу. Так, из 1083 языческих имен якутов, выявленных Ф.Г. Сафроновым, Г.В. Поповым выявлена этимология 1000 имен. Из них 47% имен имеет тюркское, 37% – монгольское, 6% – тюрко-монгольское и 10% имеют эвенкийское происхождение. Следовательно, 90% имен имеет «южное» происхождение. При этом интересно то, что в тюркских антропонимах около 15% восходят к древнетюркским нарицательным именам и около 64% к общетюркским. «Особняком стоит, - отмечает Ф.Г. Сафронов, - 21% тюркизмов. Они восходят к нарицательным словам, относящимся к языкам ныне здравствующих тюркских народов»⁵.

Касаясь происхождения якутских народных танцев, М.Я. Жорницкая предположила, что хороводная форма танца появилась у народов Севера под влиянием

¹ Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX- начале XX в. М., 1975. С. 185-187.

² См.: Шерстова Л.И. Индоиранская основа мировоззрения ранних кочевников Саяно-Алтая // Скифосибирский мир / Тезисы докл. второй археологической конференции. Кемерово, 1984. С. 80-82.

³ Антонов Н.К. Историческая лексика якутского языка. С. 123-145; Историко-этнографический атлас Сибири. С. 447.

⁴ Окладников А.П. История Якутской АССР. Т. 1. С. 286-287.

⁵ Сафронов Ф.Г. Дохристианские личные имена народов Северо-Восточной Сибири. Якутск, 1985. С. 16-23.

якутов. При этом автором отмечено резкое различие якутских хороводных танцев от хороводов этих народов и подчеркнута близость якутского и бурятского танцев¹.

Устное народное творчество якутов окончательно сформировалось в бассейне Средней Лены. Так, в частности, обстоит дело с эпосом². Олонхо характеризуется, с одной стороны, сохранением генетических связей с древними слоями тюрко-монгольского эпоса, с другой, кристаллизацией самобытных сюжетов и исполнительских особенностей. Дело в том что эпос тюркоязычных народов Южной Сибири весь поется особым типом интонирования, а у якутов поется только часть текста олонхо. Она исполняется высоким стилем протяжных песен *дьиэрэтии ырыа*, неотъемлемой частью которой является специфические фальцетные призвуки *кылыһах*³. А.П. Решетникова считает, что в олонхо именно этот общенациональный тип интонирования, утвердившийся в период сложения якутского народа, маркирует представителей *айыы аймаба* – эпическое самоназвание якутов, – с которыми связан комплекс культа божеств айыы, некогда обслуживаемый белыми шаманами.

В эпосе противопоставление племени *айыы* враждебным *абаһы* отражена, по мнению А.П. Решетниковой, в песенной части двумя контекстами. Пение типа *дьиэрэтии ырыа* является особым языком, понятным духам-покровителям, божествам айыы. В данной манере пели белые шаманы. А песни богатырей нижнего мира, горных перевалов, полей битв исполняются в сказительной имитации *кутурар* – пение черных шаманов. Как предполагает автор, внесла этот песенный стиль тунгусоязычная среда.

Песни комических персонажей: девок-абаһы, раба-табунщика Сорук Боллур, рабыни-скотницы Симэхсит эмээхсин – исполняются рапсодами в стиле *дэгэрэн ырыа*, который характеризуется как окарикатуренная мелодика быстрой части круговых танцев *көтүү үнкүү осуохай*. Но осуохай-степенный танец. Тунгусское влияние проявляется на появление быстрой части в осуохае.

В целом, структура якутского олонхо, как считает А.П. Решетникова, обладает определенными параллелями с сольно не исполняемыми бурятскими улигерами и особенно с эвенкийскими нимнгаканами, тоже сочетающих чередование речевого и песенного интонирования. В этом, несомненно, проявляется влияние исполнительских особенностей эвенкийского эпоса на олонхо. Но чего нельзя отметить в якутских пословицах и поговорках, в которых выявлены параллели с бурятскими жанрами этого вида народного фольклора⁴.

По фольклорным данным, пришлые скотоводы колонизацию бассейна Средней Лены проводили посредством создания сенокосных угодий: на новых местах пускали палы, очищая огнем кустарниковые места и лесные участки. Лесная

¹ Жорницкая М.Я. Народные танцы Якутии. М., 1966. С. 153-154.

² Емельянов Н.В. Сюжеты ранних типов якутских олонхо. М., 1983. С. 5-7.

³ Решетникова А.П. К вопросу об отражении этногенеза в якутском музыкальном фольклоре. (Рукопись). Я приношу глубокую признательность автору за предоставленную возможность ознакомиться с ней.

⁴ Емельянов Н.В. Происхождение якутских пословиц и поговорок // Труды ЯФ СО АН СССР. Общественные науки. Вып. I (VIII). Якутск, 1958. С. 109-116.

живность от пожаров убегала на север, восток и запад – на горно-таежные окраины Якутии. Вместе с ней вынужденно покидали насиженные места тунгусы. Этот процесс продолжался вплоть до эпохи «якутского царя» Тыгына.

В преданиях сохранились глухие упоминания о жизни якутов «на юге», около Теплового моря с кыргызами и татарами или в стране уранхайцев вместе с бурятами. А около Байкала жили на Ат-Дабане, Огус-Дабане, Хамар-Дабане. На Среднюю Лену вместе с первопредками якутов прибывает небольшое скотоводческое племя кыргыс. Позднее со стороны востока приехал Улуу-Хоро на быстром быке со своими людьми¹.

Исторические предания о прародителях якутов составляют два основных цикла – сюжеты о первопредках, переселившихся на Среднюю Лену и сюжеты об их потомках – основателях якутских улусов. Среди них большой интерес представляют легенды об Омогое и Эллэе. Первое наиболее полное упоминание о них дается в работе Я.И. Линденау, написанной в 40-х годах XVIII в. Из нее следует, что якуты жили на Верхней Лене. Потомки Омогоя и Эллэя в составе восьми главных якутских родов были расселены на территории Прибайкалья и в соседних с ним степях до тех пор, пока не были оттуда оттеснены бурятами и вынуждены были бежать вниз по Лене на современную территорию Якутии. Притом род Омогоя Энсэли является одним из ответвлений батулу. К Омогою пришел беженец Эллэй и женился на его приемной дочери. От Эллэя «воинственного мужчины и законодателя» родились 8 сыновей и 4 дочери. В период царствования тойона Баджея, внука Эллэя, якуты со своим скотом спустились вниз и прибыли туда, где был позднее построен г. Якутск. Внуком Баджея был легендарный Тыгын².

В преданиях, записанных путешественниками во второй половине XVIII в., прослеживаются существенные изменения сюжета. Так, в материалах участников экспедиции И.И. Биллингса, отмечается происхождение якутов «от колена татарского, которое имеет жительства свои около Барабинских степей». «Омогой-бей, начальник батулинского поколения, пошел с народом своим и с табунами через землю бурятскую...к берегам р. Лены». Далее говорится о переселении на Среднюю Лену. Здесь к Омогою присоединяется «татарин Еллей». Поколение Омогоя усилилось присоединением своим к поколению бурят-хоринцев³.

В 1822 г. на страницах «Северного Архива» напечатана обширная статья о якутах, где проводится версия о вероятной связи якутов с барабинскими татарами Тобольской губернии. Она подтверждается, по мнению автора, «схожестью лиц якутских с татарскими, ежели с монгольскими». «Прямое же их название есть Саха, от речки сего имени, протекающей на Барабинской степи». Касаясь переселения батулинского поколения Омогоя, в статье отмечается прибытие Эллэя. Среди его 12 сыновей верховное начало оставалось в роде старшего сына Ханга-

¹ Боло С.Н. Указ соч. С. 12, 14, 20.

² Линденау Я.И.. Указ. соч. С. 17-18.

³ Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции 1785-1795 гг. Составитель З.Д. Титова. Магадан, 1978. С. 28.

ласа. Далее говорится о присоединении к ним хоринцев, живших до этого за Байкалом. Проживая среди якутов, они долго сохраняли свой язык¹.

Эти данные с небольшими уточнениями излагаются в статье Ю. Джулиани. В частности, он пишет о том, что якутский язык состоит из множества «как чистых, так и испорченных основ языка татар барабинских». Хоринцев автор отличает от якутов чертами лица и «именами тех семейств, от коих они происходят»².

В легендах, записанных Г.В. Ксенофонтовым в начале 1920-х годов у знатоков старины в Вилуйском округе, Эллэй изображается служителем царя Хаан-Боллох, от которого он вместе с отцом Татаар-Тайма бежит на север. У истоков Лены умирает его старый отец. Далее канва рассказа входит в общий сюжет о прародителях³.

В сказаниях кангаласских улусов Центральной Якутии Эллэй именуется сыном татарского царя, который сражался с русскими. Во всех преданиях Эллэй изображается создателем материальной культуры якутов (с Омогоем связывается только происхождение «балаган дьиз», деревянной юрты с наклонными стенами и обмазанные глиной) и проводником новой религии, связанной с устройством ысыаха. От Омогоя, как отмечалось выше, произошли Намский и Байагантайский улусы. Все остальные якутские улусы, по данным преданий, произошли от потомков Эллэя⁴.

Встречаются единичные варианты, в которых упоминаются предки Омогоя и Эллэя. Один из них записан Э.К. Пекарским в 1893 г. со слов П.Е. Готовцева из Байагантайского улуса. В нем приводится генеалогический список имен-предков прародителей якутов, «когда они жили с киргизами и бурятами». Он начинается с Өксөкү, от которого родился Мэйэрэм Суппу, от него родился Хорохой, от него Аргын, от Аргына родился Айаал, от него – Орос күөл, Дьулдьыгын, Его сын Түөр Тугул, от него – Хайаран, который родил двух сыновей – Омогоя и Эллэя.

Как выявить историческое ядро этих преданий, в которых отразилась историческая память народа? Прежде всего обращает на себя внимание устойчивость этих сюжетов о прародителях. При этом следует учитывать утвердившиеся в фольклорных сюжетах такие изобразительные приемы, как обобщение, гиперболизация, временные и пространственные смещения описываемых в них событий.

Если обратиться к генеалогическим легендам тюркоязычных народов, то похожий к якутскому сюжету находим у кимаков, записанный Гардизи в XII в. Легенда начинается с описания междоусобицы, разьедавшей в VIII в. Тюркский каганат. Младший сын кагана убежал от старшего, овладевшего царством. Он прибыл с женой к истокам Иртыша. Там он поставил шатер и расположился. Затем к нему присоединились 7 человек из родственных племен. Они все в дальнейшем образовали Кимакский союз⁵.

¹ Описание якутов, их происхождение, население страны Ленской, внутреннее их управление, покорение под власть России, благосостояние, права и обычаи // Сибирский Архив. 1822. № 15. С. 204-205, 208-209.

² Джулиани Ю. О якутах // Сын Отечества. Ч. 178. СПб., 1836. С. 83-85.

³ Ксенофонтов Г.В. Эллэяда. М., 1977. С. 16-20, 35-36, 41, 43, 50, 162, 174, 195.

⁴ Там же. С. 29-32, 35-36, 38-40.

⁵ Плетнева С.А. Кочевники средневековья. С. 95.

Г.В. Ксенофонов проводил типологическое сравнение якутских исторических легенд с западнотюркской легендой об Огуз-хане, который, как и Эллэй, - проводник новой религии. В них действуют одна красивая и одна некрасивая невесты. Первая, ведомая ревностью, причиняет зло Огуз-хану. От него рождаются 6 сыновей, а 24 внука Огуз-хана становятся предками всех тюркских племен. Сюжет аналогичного характера составляет основное содержание «Эллэйады». В сказаниях об Огуз-хане повторяется мотив организации им большого религиозного праздника в шатре (у Эллэя – берестяной урасе)¹.

Для нас важным является то, что исторические предания и рассказы якутов, во всем согласии с данными археологии и этнографии, происхождение народа связывают с процессами переселения. Как отмечалось выше, именно пришлые этногруппы, возглавляемые Омогой-баем, Эллэем и Улуу-Хоро, составили основной костяк якутского народа. Притом во многих случаях Омогой-бай описывается «братским» человеком, Омогой от монгольской *онохуй* «разумение», а Эллэй (от уйгурского *äll*, «образовать роды» – татарин или редко кыргызом. В преданиях, записанных во второй половине XVIII- начале XIX в., подтверждается поздний приход Улуу-Хоро со своими людьми на Среднюю Лену и долгое обособленное положение их среди якутов.

Касаясь происхождения якутов, авторы XVIII – первой половины XIX в. преимущественно связывали их с «татарами» Южной Сибири, в частности, с барабинцами, реже – с сагайцами. Интересно то, что у них (барабинских тюрков и хакасов) действительно встречены этнонимы, близкие к саха – *сактар* и *соккы*. Большинство якутских сказителей также связывают Эллэя с татарами. Все эти данные говорят о том, что участие кыпчакского компонента в этногенезе скотоводов Лены началось со второй четверти II тыс. н.э., т.к. влияние кыпчаков особенно усиливается со времени распада Белой Орды.

Предания об Улуу-Хоро отразили, по всей вероятности, приход монголоязычных групп на Среднюю Лену. Возможно, они представляли поздний слой монголоязычных групп, вошедших в состав якутов. Это положение согласуется с данными филологов о проживании монголоязычного населения на территории «акающих» районов в Центральной Якутии.

Заемствования из тунгусских языков относительно малочисленны. Они мало отличаются от прототипов, что указывает их довольно позднее привнесение в якутский язык, и, следовательно, оно произошло на территории Якутии.

В антропологическом плане якуты вместе с северными (прибайкальскими) бурятами представляют локальный вариант центральноазиатской расы. М.Г. Левин полагал, что своеобразие физического типа якутов может объясниться примесью байкальской расы, носителями которого было древнее население Якутии². А формирование байкальского типа, объединяющего тунгусоязычные народы, как отмечалось выше, происходило, вероятно, в Приамурье в эпоху неолита.

¹ Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1, ед.-хр. 35. Л. 79-80.

² Левин М.Г. Древние переселения человека в Северной Азии // Труды Института этнографии. 1951. Т. XVI. С. 492.

Основываясь на молекулярной теории, В.А. Шереметьева выявила близость эвенков и якутов к корякам, представителям арктической расы. Но, вероятно, арктический антропологический пласт якуты переняли от местного палеоазиатского населения Якутии. «Образно говоря, - пишет В.А. Шереметьева, - по крайней мере часть якутов можно назвать палеоазиатами в центральноазиатских масках»¹.

Антропологический материал из неолитического могильника Диринг-Юрэх, обнаруженного в 140 км южнее г. Якутска, выявил интересные данные. Так, диринг-юряхская краниологическая серия по отдельным признакам – по высоте черепной коробки, носовому указателю – проявляет сходство с неолитическими черепами из мест распространения арктической расы. Но одновременно сильно отличается от оннёского неолитического черепа, тоже из Центральной Якутии, обнаруженного в Амгинском улусе, с преобладающим комплексом байкальского типа². Вместе с тем диринг-юрэхские черепа проявляют сходство с представителями центральноазиатской расы. Её составляют монголы, буряты, большая часть тувинцев и хакасов и саха. Притом, представители этой расы впервые зафиксированы в Прибайкалье в Усть-Талькинском могильнике, датируемого XIV-XVI вв.

Диринг-юряхский тип человека, живший 3,5 тыс. лет назад, совмещал в себе в слабо дифференцированной форме специфические черты расовых подразделений современного населения Восточной Сибири – арктического, байкальского, центральноазиатского. Поэтому следует констатировать факт существования в Якутии высоколицих форм, в которых можно выделить, хотя бы частично исходные черты современного населения Якутии, в том числе якутов³.

По всей вероятности, своим центральноазиатским типом якуты большей частью обязаны монголоязычным предкам, т.к. по анализу измерительных признаков саха наиболее сходными оказались с монголами⁴.

Интересно вспомнить результаты исследования Г.Ф. Дебецом двух якутских черепов XVII в. Он сопоставил их с небольшой серией черепов XIII-XIV вв. туранского типа из окрестностей Тунки в Прибайкалье. При этом сходство между ними оказалось большим, чем с черепами якутов XIX в.⁵ Получается, что в XII-XV вв. в Прибайкалье обитали представители двух антропологических типов – смешанного туранского (погребения из Тунки) и центральноазиатского (могильник Усть-Талькин). Первый тип своим происхождением, вероятно, связан с Саянами и Минусинской котловиной, тем более Тункинская котловина находится на восточном краю Саянского нагорья (хотя, в Прибайкалье метисное население проживало в неолите). А усть-талькинцы оказались весьма близкими с забайкальскими бурятами. Эту близость И.И. Гохман дополняет краниологическими материалами из

¹ Шереметьева В.А., Горшков В.А., Медников Б.И. Молекулярная история Камчатки // Природа. 1983. № 11. С. 28-32.

² Гохман И.И., Томтосова Л.Ф. Антропологическая характеристика черепов из неолитического погребения у речки Диринг-Юрэх // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы. Иркутск, 1986. С. 90-91.

³ Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. С. 34-43.

⁴ Богданова В.И. Антропологический состав и вопросы происхождения тувинцев // Проблемы антропологии древнего и современного населения Северной Азии. Новосибирск, 1986. С. 152.

⁵ Дебец Г.Ф. О черепах Суор Бугдука и Лёглю-Беге // Ученые записки Института языка, литературы и истории ЯФ АН СССР. Вып. 2. Якутск, 1955. С. 26.

плиточных могил Забайкалья и предположил прямое участие древних аборигенов Забайкалья в формировании центральноазиатского типа¹.

Р.К. Маак среди виллюйских якутов середины XIX в. выделил метисный, монголоидный и «тюркский» типы. Последнего составляли преимущественно люди высокие с продолговатым овальным лицом, с большим с горбинкой носом, широкими глазами. В социальном плане этот тип был распространен среди имущего, господствующего класса². А.Ф. Миддендорф его типологически сравнил с американоидами. Кроме того он обратил внимание на то, что среди молодого поколения якутов часто встречались люди с тунгусским типом лица³. При этом людей с высоким ростом Н.Л. Геккер отнес к длинноголовому типу и выявил полное совпадение короткоголовых якутов с малым ростом⁴.

Как отмечалось выше, сложение якутского народа произошло, в основном, в бассейне Средней Лены. В дальнейшем примерно с XVI в. началось освоение ими западных и северных регионов Якутии, где они смешивались преимущественно с тунгусоязычным населением. Так, в частности у виллюйских якутов в основном сунтарская группа оказалась близкой к населению Центральной Якутии и современным алтайским тюркам. А остальная часть западных якутов по биохимическому составу крови несёт в себе древний палеосибирский компонент. В.А. Спицын, проводивший эти исследования, считает, что большинство виллюйских якутов преимущественно является объякученными тунгусами. Примерно такую же характеристику можно дать относительно якутского населения северных районов Якутии. Анализы, проведенные Б. Пакендорфом, показали, что якуты имеют 12 общих гаплотипов с бурятами. Но при этом последние оказались очень близкими с казахами, уйгурами, алтайцами и монголами по общему древу. А якуты группируются с эвенками и тувинцами, с которыми делят 9 и 8 гаплотипов. Следовательно, хотя буряты и якуты имеют общее происхождение, но каждый из них подвергся последовательному смешению с другими этносами. Получается, что по ДНК саха и тувинцы стоят между эвенками и скотоводами Южной Сибири и Монголии. «Грубо говоря, - пишет Бригитта Пакендорф, - якуты и тувинцы имеют 50% степного происхождения и 50% эвенкийского. Хотя, якуты по всей вероятности, потомки переселенцев со степей, которые смешались с местными сибирскими народами»⁵.

С другой стороны, митохондриальный анализ ДНК дал высокую частоту европеоидных гаплотипов (до 13%). Об этом отмечали В. Фефелова и А. Террони (1998 г.). По этому поводу Б. Пакендорф высказала предположение о позднем генетическом влиянии на якутов русского населения. Это положение она объясняет тем, что саха – единственный северо-восточный народ, у которого тот же ген, что и у современных европеоидов. Другие тюркские народы Сибири имеют только

¹ Гохман И.И. Палеоантропологические материалы из могильника Усть-Талькин в Прибайкалье // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXI. М.; Л., 1963. С. 358-359.

² Маак Р.К. Виллюйский округ Якутской области. Ч. 2. СПб., 1876. С. 765.

³ Миддендорф А.Ф. Путешествие на Северо-Восток Сибири. Ч. 2. СПб., 1876. С. 765.

⁴ Геккер Н.Л. К характеристике физического типа якутов // Записки ВСОИРГО по этнографии. Т. III. Вып. I. Иркутск, 1896. С. 89.

⁵ Pakendorf Brigitti. Mitochondrial DNA Evidence for Admixed Origins of Central Siberian Populations // American Journal of Physical Anthropology. 120:211-224 (2003). P. 213-220.

те схожие гаплотипы с европеоидами, которые имеют и другие степные народы Центральной Азии. Но дело в том, что ДНК могут менять только женщины. А как известно, среди первого русского населения в Якутии были одни только мужчины¹. Кроме того, как показывают другие аналогичные исследования, у современных тюркоязычных шорцев, алтайцев, хакасов и якутов наблюдается присутствие чётко выраженного древнего европеоидного компонента, частота которого составляет 37,7%, 22,8%, 18,5% и 14,5% соответственно. При анализе изменчивости пяти диаллельных локусов Y-хромосом свидетельствуют о присутствии в генофондах этих народов *палеоевропеоидного* компонента (92R7 – T-линии), доля которого усиливается к западу. Эти же исследования генетиков свидетельствуют о гетерогенности генетического палеоевропеоидного субстрата, на основе которого происходило формирование тюркоязычного населения Северной Азии².

Французские генетики во главе с Эриком Крубези в погребении XV-XVI вв. обнаружили новый хромосом, не зафиксированный раньше (IM1). Он мог исчезнуть после XVI в. в результате резкого сокращения якутской популяции, например, в результате эпидемии при условии, если это погребение древнего якута. А хромосома HV1 из 12-ти погребений XVIII в. на 92% совпадает с бурятами, монголами, казахами, коряками и эвенками. Но анализ ДНК, проведенный в Институте здоровья АН РС (Я), дал иную картину этногенеза якутов: большая часть мужчин саха имеют финно-угорские корни. А в Новосибирске по тому же анализу ДНК получили иные результаты. Так, исследование маркерных генов хромосом, несущих информацию о матери на 55,5% совпали с митохондриями народов Казахстана и Средней Азии (казахов, киргизов, уйгуров) и на 37,7% с митохондриями монголов, а оставшая часть (6,7%) указывает на палеоазитские корни³. В целом, пока анализы ДНК не дают достаточно чёткий, дифференцированный материал по этногенезу.

Таким образом, в хозяйстве, материальной и духовной культуре якутов фактически очень слабо отразилось влияние аборигенов Средней Лены. Неким исключением может здесь выступить физический тип якутов, испытавший воздействие местных палеоазиатских и тунгусских этногрупп. Приспособление хозяйства и культуры южных пришельцев к новым природно-ландшафтным условиям происходило, в основном, за счет дальнейшего усовершенствования своих исконных традиций. Это и понятно: скотоводство не было знакомо местным племенам. Но, тем не менее, естественная для новых условий культурная эволюция выработала многие специфические особенности, присущие только якутской культуре.

Саха дьоно «якутский народ» ещё в дорусское время представлял собой так называемую «первичную народность», возникшую в условиях раннеклассового общества непосредственно на базе родоплеменных этнических общностей.

Таким образом, в этногенезе народа саха принимали участие древние европеоиды Южной Сибири и северо-запада Центральной Азии. Так, иммуногенетики в крови якутов обнаружили два типа антигена присущих, в древних европеоидных

¹ Там же. С. 220.

² См.: Деренко М.В., Молярчук Б.А. и др. Дифференциация коренного населения Северной Азии по данным об изменчивости митохондриальной ДНК и Y-хромосомы / Материалы Интернета за 2003 г.

³ Мироненко Е. Генетики открыли предков якутов // Якутск вечерний. 22.10.2004. С. 3.

популяциях, встречаемые сейчас только у индийцев, хотя в целом палеоевропейский компонент, как отмечалось выше, обнаруживается у тюркоязычных народов Южной Сибири, притом по мужской линии (Y-хромосомы). По ДНК женской линии саха проявляют близкую связь с бурятами, тунгусами и тувинцами. Но дальнейшее формирование бурят и якутов, имевших общих предков в лице ранне-средневековых курыкан, проходило в среде разных этнических популяций. В этом плане южные предки якутов на Средней Лене вступили в этнический контакт с аборигенами края, по всей вероятности, с палеоазиатским населением, притом, возможно, с предками коряков, иначе среди современных саха, по молекулярной теории, не зафиксированы были бы «палеоазиаты в центральноазиатских масках».

С другой стороны, по данным ДНК (по женской линии) выявлены у якутов гаплотипы, характерные для современного европеоидного населения, по всей вероятности, связанные с местной русской популяцией, впервые появившейся здесь в XVII в.

Тунгусский компонент, немного проявляемый в якутском языке и культуре, большей частью, несомненно, связан с более поздним этапом этнической истории саха, определяемым второй половиной XVIII-XIX вв. и притом преимущественно по женской линии ДНК (митохондриальные анализы).

В «южном» монголоидном антропологическом пласте якутов возможно выделение двух типов – центральноазиатского и южносибирского, туранского (признаками древней европеоидной метисации) типов, и на основе смешения пришлых и аборигенных этногрупп в середине II тыс. н.э. сформировалась основа антропологического облика народа, в дальнейшем подверженного влиянию, как отмечено выше, тунгусов.

Использование комплексного метода исследования позволяет выделить в этногенезе саха два направления – западное и восточное. Истоки первого, как об этом говорилось выше, берут свое начало с эпохи ранних кочевников Южной Сибири, скифо-сибирским временем. С этим периодом в якутской культуре связаны ее глубинные истоки и древний скрытый европеоидный компонент, в целом общие с древним индоиранским миром. Древнетюркская эпоха определила внутреннее содержание якутской этнокультуры – языка, близкого к орхонскому, части культуры.

Восточное направление в этногенезе якутов условно берет свое начало с хуннской эпохи Центральной Азии. С хуннами и европеоидными динлинами связано начало формирования телесской группы племен. В нее входили тогус огузы, уйгуры и курыканы. И действительно в поздней якутской культуре выявляются параллели с культурой сары-уйгуров. Связи якутской культуры с современными хакасской и киргизской культурами сформировались через раннесредневековый курыканский этнос. В кулун-атахской археологической культуре скотоводческих предков саха наблюдаются общие параллели с курыканами в формах глиняных горшков, их орнаментации, жилищно-хозяйственных постройках. Эти общие сходжения исчезают в материалах погребений якутов XVII-XVIII вв., но в которых проявляются параллели в археологических памятниках Южной Сибири X-XIV вв.

Кыпчакское привнесение в якутском языке отразилось, в основном, в лексике, а в культуре – погребальной, религиозно-бытовой обрядности, орнаментальном искусстве, украшениях, этнонимике (ханалас, саха). Эти инновации в якутской культуре могут быть датированы не позднее XIV-XV вв.

Монгольские элементы в якутской этнокультуре могут быть датированы, в основном, первой половиной II тыс. н.э. В дальнейшем они дольше сохранялись среди верхоянских, индигирских, колымских якутов и населения северной части Центральной Якутии между Алданом и Леной (Намском, Дюпсюнском, Борогонском, Баягантайском улусах, у т.н. "акающего" населения). Кроме того северо-западные регионы заселяли якуты, с заметными пережитками монголизмов в культуре и языке. Указанные группы населения, образно говоря, являются потомками Омогоя, которые, вероятно, представляли прибайкальско-верхоленских остатков курыкан с монголоязычными группами. Они же первыми начали освоение северных районов Центральной Якутии.

Южная группа среднеленского населения (хангаласский, амгино-ленские улусы), по всей видимости, связаны с первоначально малочисленными «кыпчакогизированными» этногруппами тюркского населения. Они принесли с собой культ божеств айыы, обрядовый праздник ысыах и этноним саха.

Эти две группы постепенно сливались и в XVI в. образовали единую постплеменную народность. При этом влияние местных палеоазиатских групп (и, как показывают данные ДНК, самодийских) на формирование якутов было мизерным. Зато влияние тунгусов в якутской культуре является более заметным – в орнаментальном искусстве, на формирование шаманства, в форме исполнения олонхо.

При всем этом в среде доякутского населения (в частности, проживавших в Татте и Усть-Алдане) субстратные палеоазиатские признаки, по всей видимости, являлись более заметными.

Южные олекминско-мухтуйские роды, вероятно, составляли промежуточную группу между населением сунтарской и хангаласской группировок якутов. А население Нюрбинского, Верхневилуйского и особенно Вилюйского улусов сложилось на основе тунгусских родов, которые в свою очередь, видимо, сформировались под большим влиянием автохтонной протосамодийско-палеоазиатской (юкагирской) среды.

С другой стороны, еще до середины XVIII в. продолжали существовать определенные различия между отдельными улусами («волостями»). Они наблюдались также и в существенном различии в названиях почитаемых божествах айыы. Так, например, по сведениям Г.Д. Миллера, батулинцы, хоринцы, намцы («акающие» с монгольским влиянием) Аар тойона почти не признавали («не так сильный, как другие»...). Среди якутов только хоринцы почитали воронов. «Особость» намцев была подтверждена при расспросе Миллером двух шаманов Намского улуса (Бечен Батина и Сахтыя Самогина). По их заявлению, все намцы (за исключением заречной Бетюнской волости) отличаются от других якутов тем, что они, в

сравнении с остальными, почитают других богов. А у вилюйских якутов высшим божеством являлся Муна-тойон¹.

Таким образом, в первой половине XVIII в. общеякутский пантеон божеств-айы находился еще на стадии формирования. В плане этнических процессов продолжались межродоплеменные взаимовлияния. Об этом частично говорит наличие монголо-тюркских компонентов в названиях богов, например, того же Намского улуса, в котором выделяются божества Могол-хан и Татар-тайма².

В своей дальнейшей колонизации северных и западных регионов Якутии скотоводы-якуты преимущественно осваивали районы широкого и среднего развития очагов степной растительности. Таковыми являлись среднее течение Яны, Индигирки, Вилюй до верхнего течения. А на Колыме отдельные очаги степной растительности находились на ее нижнем и среднем течении.

¹ Элерт А.Х. Новые материалы о пантеоне якутских божеств и духов в первой половине XVIII века // Археология и источниковедение Сибири. Новосибирск, 2001. С. 112-113. С. 118.

² Там же. С. 124.

Заключение

Палеоазиатская проблема в древнейших этнических процессах Северной Азии занимает центральное место. Термин «палеоазиаты» до сих пор сохраняет свою условность. Им также пользуются для обозначения древнего населения Северо-Восточной Сибири и Дальнего Востока. Поэтому в число палеоазиатов включают носителей древней енисейской языковой группы и население, принимавшее участие в этногенезе древних китайцев и корейцев. Следовательно, палеоазиаты представляли более общие древние группы населения северной половины Азии, имевшие опосредственные связи с иберийскими языками Кавказа.

Формирование тихоокеанских палеоазиатов, вероятно, началось в мезолите и закончилось примерно в начале нашей эры. Чукчи, коряки и ительмены представляют единую языковую группу. Кроме того, среди них по археологическим данным, протоэскимосы и протоалеуты имели определенную связь с культурами конца верхнего палеолита Камчатки (IX-VIII тыс. до н.э.), составляя древнюю северо-тихоокеанскую общность. Эта общность в неолите имела контакты с Якутией и Прибайкальем. Также следует отметить существование до конца неолита фактически общего мира у палеоазиатов Северо-Востока Азии и предков некоторых североамериканских индейцев (атапасков, тлинкитов и алконгинов).

До начала нашей эры чукотско-камчатская группа палеоазиатов сохраняла хозяйственно-культурное и языковое единство, существовавшее до возникновения морского зверобойного хозяйства. Первыми от древнечукотско-коряцкого единства отделились предки современных ительменов.

Палеоарктический тип с американоидными (не дифференцированными) чертами распространился в среде древнего населения Северо-Восточной Азии, начиная с неолита. Но в целом арктический тип, имея связи с восточными и южными монголоидами, окончательно сформировался в начале нашей эры.

На рубеже двух эр произошло отделение чукчей от коряков, вероятнее всего, благодаря расселению юкагиров на восток до бассейна Анадыря (т.н. «юкагирский клин»). Во II тыс. н.э. камчатский тип арктической расы, с признаками черт, присущих восточным и южным монголоидам, сохранился у оленных чукчей.

Среди народов Якутии наиболее древним этносом является юкагирский. Начало его этногенеза связывается с продвижением на север и северо-восток представителей протоуральского (протосамодийского) языкового пласта на рубеже мезолита и неолита Западной и Центральной Сибири. При этом следует еще раз отметить то, что до урало-алтайцев Восточную Сибирь, в частности Якутию, вероятно, населяли предки современных палеоазиатов. Это частично подтверждается близостью чукотско-камчатских языков с древними, т.н. енисейскими языками (языки коттов, аринов, кетов).

В развитии неолита в Центральной Якутии преобладало население с байкальским физическим типом. В конце неолита здесь, видимо, проживали этнические группы с разными антропологическими типами: наряду с байкальским встречались люди с арктическими и особенно с центральноазиатскими признаками черт.

В этническом плане в центральных и северо-западных районах Якутии во II и I тыс. до н.э. жили преимущественно предки современных юкагиров.

Судя по антропологическим материалам, в развитом неолите и в эпоху бронзы в Прибайкалье и верховьях Лены расселялись монголоиды с европеоидной примесью. В дальнейшем, как предполагают некоторые антропологи, от них могли произойти низколицие монголоиды, распространенные в Южной и Центральной Сибири. По всей вероятности, от них возникли западные тунгусы катангского физического типа, к которому также относятся тофалары и тоджинцы. Но эта проблема усложняется тем, что в среднем неолите тот же низколициый вариант байкальской расы был распространен до Верхнего Вилюя.

Тунгусская «экспансия» в районы Центральной Якутии и до Среднего Вилюя продолжалась в течение I тыс. н.э. Приход малочисленных скотоводческих предков якутов в центральные районы Якутии в конце первой четверти II тыс. н.э. привел к новым передвижкам восточных тунгусов в северо-западные и северные районы Восточной Сибири. Так, в частности «тунгусский клин» в районе Анабара и Оленька окончательно разделил предков современных нганасан от юкагиров.

В бассейне Средней Лены с конца XIII и до середины XVI в. происходила завершающая стадия этногенеза якутов.

Древняя платформа якутского языка со стандартной древнетюркской основой, возможно, признаком *d* в середине слова и с индоевропейским (индоиранским) субстратом, отделилась от остальных тюркских языков примерно до VI в. до н.э. и прошла свой длительный, самостоятельный путь развития. Именно в силу этого в индоевропейской лексике, обнаруживаемой в якутском языке, преобладают индоарийские основы. В первой половине II тыс. до н.э. арийская языковая общность разделилась на протоиранскую и протоиндоарийскую ветви. А в первой половине I тыс. до н.э. дальнейшая дифференциация этого процесса привела к обособлению северо-иранской (скифо-сарматской) группы от южноиранской. Еще до XIII в. до н.э. индоарийские племена отошли из степей Казахстана и Южной Сибири на юг (носители андроновской археологической культуры). Поэтому следует предположить, что в формативном этапе этногенеза саха приняли участие этногруппы индоиранского происхождения, предположительно из Горного Алтая, брахикранные европеоиды с широким и несколько уплощенным лицом, средневыступающим носом. По топонимическим данным, язык саков северо-восточного Алтая был весьма архаичным. В силу своей архаичности северо-иранский язык сохранял реликты общеарийской общности. Учитывая факт близости сакского языка к языку авестийских иранцев, важно подчеркнуть его близость и к языку ведических ариев. Возможно, поэтому в якутском языке и культуре сохранились некоторые субстратные элементы, возникшие, по всей видимости, еще в эпоху общеарийской общности.

Интересно, что санскритские (индийские) параллели преимущественно исходят из ведического (арийского) источника, восходящего к древнейшему индоевропейскому праязыку. Таких параллелей в якутском языке – более двухсот основ и корней. Приведем некоторые языковые параллели: санск. *sik* – брызгать = як. *сиик* – роса, сырость; *smil* – моргать, мерцать = *сим*, *симирииннээ* – моргать; *tosa* –

удовлетворение = туһа – польза; акаоі – немудрый, акаары – глупый; аиас – не-
утомимый; ајаас – резвый, необъезженный; іs – сок, напиток, іs – пить, пей; уd –
вода, волна, уу – вода; osthа – губа, уос – губы; kathin – твердый, крепкий, хатан –
крепкий, закаленный; кан – быть довольным, хан – быть довольным; јапа человек,
род, народ, дьон – люди, народ; vic – община, род, биис – племя; dhenu – корова,
тинэһэ – трехтравая корова, теленок и др.

Отметим, что формирование современного облика якутов происходит, в основ-
ном, не ранее середины II тыс. н.э. на основе смешения пришлых и автохтонных
групп. Причем, становление аборигенной среды, связанной в дальнейшем с этноге-
незом саха, возможно, датируется финальным этапом неолита Якутии, рубежом III-
II тыс. до н.э. Она представлена диринг-юряхским типом человека. Он в дальней-
шем, по всей видимости, и составил ту часть якутов, которая стала, «палеоазиатами в
центральноазиатских масках».

Таким образом, современные якуты представляют собой результат синтеза
очень сложных процессов этнообразования, в которых участвовали древние индо-
европейские и алтайские средневековые культурно-языковые субстраты. Более
упрощенно, в схематичной форме, они выглядят следующим образом: нострати-
ческая общность (XII-VII тыс. до н.э.) – алтайский праязык (V-II тыс. до н.э.) –
влияние на него общеарийской языковой общности (III тыс. – первая половина
II тыс. до н.э.) – древнетюркский праязык (I тыс. до н.э. – III в. н. э.) – его взаимо-
связь с обособленной североиранской (скифо-сакосарматской) группой (I тыс. до
н.э.) – становление древнетюркской основы якутского языка с сохранением пе-
реднего анлаутного С и с древним контактом с праиндоарийским языком, восхо-
дящим ко II тыс. до н.э. (до V-VI вв. н.э.) – прибайкальский огузский язык праяку-
тов курыкан (VI-X вв.) – средневековое тюркское кыпчакское наслоение на огуз-
скую основу праякутского языка (XIV-XV вв.) – влияние монгольских языков (VI-
X и XI-XV вв.) – оформление якутского языка при незначительном влиянии тун-
гусского (XIV-XVI вв.).

Оглавление

Предисловие.....	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Этногенез и этническая история народов Севера Якутии	5
§ 1 Этногенез чукчей и проблема формирования северо-восточных палеоазиатов	6
§ 2 Происхождение юкагиров и древнее население Якутии	18
§ 3 Этногенез, этническая история тунгусоязычного населения Сибири и Якутии до начала XX в	34
ГЛАВА ВТОРАЯ. Происхождение и этническая история якутов до начала XIX в.....	54
Заключение	100

ациональная библиотека РС(Я)

www.nlib.sakha.ru

00012369

4359 2, 424138;

Гоголев Анатолий Игнатьевич

**ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЯКУТИИ
(до начала XX в.)**

Редактор *З.А. Хандакова*

Компьютерная верстка *А.М. Соловьева*

Оформление обложки *И.Г. Белолобская, Д.С. Белолобская*

Художник *И.Г. Белолобская*

Подписано в печать 31.01.2005. Формат 70x100/16.

Бумага тип. №2. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Печ. л. 8,38. Уч.-изд. л. 10,4. Тираж 1000 экз. Заказ **17**

Издательство ЯГУ, 677891, г. Якутск, ул. Белинского, 58.

Отпечатано в типографии издательства ЯГУ

Листок срока возврата книг

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ**
указанного здесь срока

--	--

